

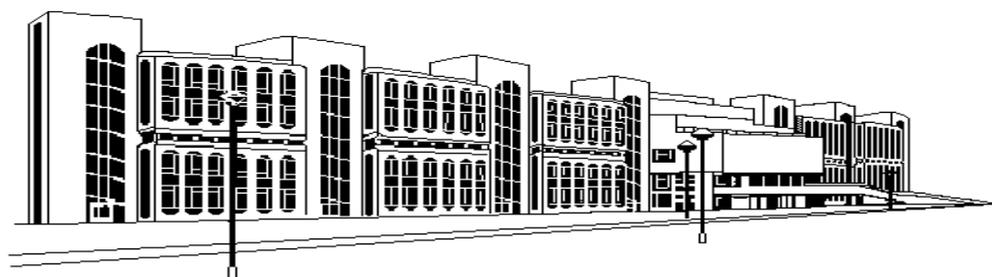

ISSN 2079-0619

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ**

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК МГТУ ГА

№ 215

**Москва
2015**

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ВОЗДУШНОГО ТРАНСПОРТА
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ» (МГТУ ГА)**

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК МГТУ ГА

№ 215 (5)

Издается с 1998 г.

**Москва
2015**

Научный Вестник МГТУ ГА решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Главная редакция

- Главный редактор -** Елисеев Б.П., заслуженный юрист РФ, проф., д.т.н., д.ю.н., ректор МГТУ ГА, Москва, Россия.
- Зам. главного редактора -** Воробьев В.В., проф., д.т.н., проректор МГТУ ГА, Москва, Россия.
- Ответственный секретарь главной редакции -** Феоктистова О.Г., доц., д.т.н., профессор МГТУ ГА, Москва, Россия.
- Члены главной редакции -** Гаранина О.Д., почетный работник науки и техники РФ, проф., д.ф.н., профессор МГТУ ГА, Москва, Россия;
Козлов А.И., заслуженный деятель науки и техники РФ, проф., д.ф.-м.н., советник ректора МГТУ ГА, Москва, Россия;
Ципенко В.Г., заслуженный деятель науки РФ, проф., д.т.н., заведующий кафедрой МГТУ ГА, Москва, Россия;
Калугин В.Т., проф., д.т.н., декан МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, Россия;
Лукин Д.С., заслуженный деятель науки РФ, проф., д.ф.-м.н., профессор МФТИ, Москва, Россия;
Шапкин В.С., заслуженный работник транспорта РФ, проф., д.т.н., генеральный директор ФГУП ГосНИИ ГА, Москва, Россия;
Лю Джонда, проф., Ph.D, президент (ректор) Технологического университета Нингбо, Нингбо, Китай;
Дамиан Ривас Ривас, проф., Ph.D, профессор кафедры аэрокосмической техники Университета Севильи, Севилья, Испания.

Редакционная коллегия выпуска

- Ответственный редактор выпуска -** Гаранина О.Д., почетный работник науки и техники РФ, проф., д.ф.н., профессор МГТУ ГА, Москва, Россия.
- Зам. ответственного редактора -** Панферов К.Н., заслуженный работник культуры РФ, проф., д.ф.н., профессор МГТУ ГА, Москва, Россия.
- Ответственный секретарь -** Ламбаева И.А., проф., к.ф.н., профессор МГТУ ГА, Москва, Россия.
- Члены редакционной коллегии -** Болотин И.С., заслуженный работник высшей школы РФ, проф., д.с.н., профессор РГТУ им. К.Э. Циолковского, Москва, Россия;
Козлов А.И., заслуженный деятель науки и техники РФ, проф., д.ф.-м.н., советник ректора МГТУ ГА, Москва, Россия;
Некрасов С.И., проф., д.ф.н., профессор МГТУ ГА, Москва, Россия;
Семеникова Л.И., заслуженный работник высшей школы РФ, проф., д.и.н., профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

E-mail: odgar@mail.ru

тел. +7(495)459-07-83

Плата за публикацию в Научном Вестнике МГТУ ГА с аспирантов не взимается

**НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ**

№ 215 (5)

2015

СОДЕРЖАНИЕ

Кочергин А.Н. Социальная сущность и специфика научного производства	5
Панибратцев А.В. Русская академическая философия: некоторые вопросы становления понятия «наука».....	12
Гаранина О.Д. Тожественность прошлого и настоящего: контексты социокультурной идентификации субъекта.....	20
Мухлынкина Ю.В. К вопросу формирования этнической идентичности	27
Мамедова Н.М. Новый стиль культуронаследования	34
Алексеев С.С., Сафин Ф.Г., Халиулина А.И. Динамика изменения региональной и общероссийской идентичностей в полиэтничном регионе (по данным этносоциологических исследований в республике Башкортостан в 1990-2014 гг.).....	39
Некрасова Н.А., Сошнина А.Г. Нравственные основания религиозно-философского течения русского космизма (на примере учения В. Соловьева).....	46
Скородумова О.Б. Стратегия «мягкой силы» и ее значение в современную эпоху	52
Краснянский Д.Е. Россия в системе многополярного мира	58
Захарова Н.И., Купрюхина Л.И., Пасько Е.И. Тенденции и проблемы в современном развитии страхового рынка России.....	63
Кананов Д.В. Сохранение имплицитного догматизма в процессе секуляризации.....	69
Некрасов С.И., Новикова А.В. Философский анализ ценностного уровня восприятия окружающего мира	74
Некрасов С.И., Ярина Е.В. Ценностные ориентации и нравственные установки современной студенческой молодежи	80
Кочергин А.А. Перспективы концептуализации понятия наследственности	88
Шибаршина О.Ю. Эволюция представлений о сущности мужчины и женщины в античной философии.....	94
Некрасова Н.А., Тригубенко Ф.А. Этика и этикет	99
Иванова Т.И., Козлов А.С. Сражающаяся литература	105
Ушакова А.В. Становление и развитие теории информации.....	112
Нашинская Т.Н. Информационная функция контроля в управленческом процессе.....	117
Пименова Ж.В. Танцевальная коммуникация в эпоху цифровых технологий	122
Мельникова М.А. Интернет-коммуникация в профессиональных авиационных сообществах..	127
Суворов Н.А. Образование в эпоху «экономики знаний».....	133
Агафонов А.В. Конфликтологическая компетентность выпускников вуза	140
Журбина А.Д., Перминов М.П., Яковлев И.В. Распределение тренировочных средств силовой направленности в годичном цикле подготовки спортсменов.....	145
Семенихина А.Н. К вопросу о международных тарифах.....	151
Артамонова М.В., Ламбаева И.А. Профессиональное сообщество и высшая школа в поисках взаимодействия.....	154

Каждому образованному человеку, не говоря уже о людях с университетскими дипломами, известно знаменитое высказывание Сократа «Я знаю, что ничего не знаю». Этот тезис античного мудреца заставляет задуматься о бесконечности процесса познания мира, о новых, неизведанных далях, заставляющих человека удивиться и философствовать – ведь ещё Аристотель утверждал, что философия начинается с удивления. Статьи данного Вестника, обращенные к каждому увлеченному научным познанием читателю, заставят и удивиться, и начать размышлять о проблемах, порожденных современной социальной ситуацией, о новых ракурсах традиционных научных вопросов. Тематическая палитра Вестника имеет преимущественно социогуманитарный характер и ориентирована на специалистов в области философского, социологического, культурологического, исторического и педагогического знаний. Но именно вследствие указанной направленности Вестник актуален и интересен. Многие статьи посвящены злободневной проблеме идентичности, связанной сегодня прямо или косвенно с проблемами патриотизма, национального самосознания, этнического самоопределения, исторического выбора России и детерминацией этого выбора (работы С.С. Алексеенко, Ф.Г. Сафина, А.И. Халиуллиной, Д.Е. Краснянского, Ю.В. Мухлынкиной, С.И. Некрасова, Е.В. Яриной, О.Б. Скородумовой). В русле указанной проблематики написана статья С.И. Некрасова и А.В. Новиковой о ценностном уровне восприятия окружающего мира. Злободневной теме современной ситуации в развитии российского образования посвящена статья Н.А. Суворова. О перспективах российского страхового рынка рассуждают Н.И. Захарова, Л.И. Купрюхина, Е.И. Пасько.

Не секрет, что любая социальная группа, выходя на арену активной социальной деятельности, приносит с собой собственную трактовку социального прошлого. При этом выдвигание на первый план какого-либо события связано с забвением других событий, относящихся к жизни общества в целом или отдельных социальных групп. Прошлое переписывается заново, и соответственно настоящее выстраивается согласно этому мифологическому прошлому. К чему приводит трансформация социальной памяти? Об этом размышляют в своих статьях О.Д. Гаранина и Н.М. Мамедова. Мотив о необходимости помнить прошлое звучит и в статье Т.И. Ивановой и А.С. Козлова, посвященной 70-летию Победы нашего народа в Великой Отечественной войне.

Традиционной для нашего Вестника является методологическая проблематика. В статье А.Н. Кочергина рассматривается социальная сущность и специфика науки как общественного труда, А.В. Панибратцев пишет о становлении понятия «наука» в русской академической философии. Логико-гносеологические вопросы поставлены в статье А.А. Кочергина, исследующего перспективы концептуализации понятия наследственности; эволюцию понятий о социальных ролях мужчин и женщин в античной философии обсуждает О.Ю. Шибаришина; перипетии религиозного догматизма выявляет Д.В. Канаков. Педагогическим опытом формирования конфликтологической компетентности у выпускников вуза делится в своей статье А.В. Агафонов. Этические сюжеты стали предметом анализа в статьях Н.А. Некрасовой, А.Г. Сошниковой, Ф.А. Тригубенко.

Информационные технологии и их место в современном обществе нашли отражение в статьях Ж.В. Пименовой, Т.Н. Нащинской, М.А. Мельниковой, А.В. Ушаковой.

Редколлегия благодарит авторов Вестника за плодотворное сотрудничество. Точка зрения отдельных авторов не всегда совпадает с мнением членов редколлегии.

Ответственный редактор -
почетный работник науки и техники РФ,
доктор философских наук, профессор

О.Д. Гаранина

УДК 316.3.601

СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА НАУЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА

А.Н. КОЧЕРГИН

В статье выявляется социальная сущность и структура науки, специфика научного производства как всеобщего общественного труда. Раскрывается разветвленная система научного производства. Раскрывается смысл понятий «абстрактно человеческий труд» и «всеобщий общественный труд», их сходство и различие. Научный труд представляется как высшая форма познавательной деятельности, в которой всеобщий общественный характер познания проявляется особенно отчетливо. Процесс реформирования науки имеет свою специфику, которая означает, что реформаторами науки не должны становиться «эффективные менеджеры».

Ключевые слова: наука, социальная система, научное производство, абстрактно человеческий труд, всеобщий труд, социальное отношение, организация, управление, реформирование.

Идея системной организации науки к настоящему времени стала общепризнанной [5]. Вместе с тем продолжается обсуждение вопросов, связанных со спецификой научного производства как всеобщего общественного труда. Сегодня в связи с реформированием науки особую значимость приобретает проблема ответственности ученых, с одной стороны, и власти, определяющей характер реформирования, с другой стороны, за определение тех звеньев в системе науки, в которые не следует вмешиваться той и другой стороне по причине недостаточной компетентности [1]. Традиционное представление науки, многократно зафиксированное в словарях, учебниках и научной литературе практически до 1970-х гг., сводилось к тому, что наука – это одна из форм общественного сознания, представленная системой знаний, которые отличаются от других знаний рядом признаков (объективно истинное и т.д.). Но наука постоянно развивается, она не просто свод истин, а одновременно живая деятельность познания, единство опредмеченной и живой деятельности. То есть наука предстает как сложное социально образование, социальная система, являющаяся собой социально-организованное производство научных знаний, включающее в свой состав и живой научный труд субъектов данного производства, и накопленный труд, в том числе труд прошлых поколений, представленный наличным совокупным знанием. Наука, таким образом, выступает как подсистема общества и как особое общественное производство, в рамках которого функционирует живой и опредмеченный научный труд, которое характеризуется особым разделением, специализацией и кооперацией труда, специфическими формами организации и управления.

Социальная система науки включает в себя:

1. Подсистему научного труда.
2. Подсистему социальных отношений в сфере науки.
3. Подсистему организации и управления наукой (или социальный институт науки).

Связь между элементами структуры социальной системы науки представляет их субординацию, причем эта субординация двояка. В плане анализа функционирования социальной системы науки элементы ее структуры субординированы таким образом, что система управления, организация науки в целом (социальный институт науки) непосредственно детерминирует систему социальных отношений научного производства, а через ее посредство – всю систему деятельности участников научного производства. Непосредственным регулятором этой деятельности является система социальных отношений научного производства. В плане анализа развития социальной системы науки элементы ее структуры субординированы так, что основу развития всей системы составляет ее «деятельностная» подсистема, т.е. совокупность

всех видов деятельности, обеспечивающих производство, хранение, трансляцию научных знаний, их внедрение в практику. Данной подсистемой социальной системы науки непосредственно детерминируются социальные отношения научного производства, а через них – и социальный институт науки. Зависимость здесь в принципе та же, что и между элементами общества как целостной системы.

Научное производство характеризуется разветвленной системой разнообразных и взаимосвязанных видов деятельности. Для рассмотрения этой системы недостаточно только анализа одного его элемента – собственно научного труда, а необходим также учет и других связанных с ним элементов. При этом важен как полный набор необходимых для нормального функционирования научного производства видов деятельности, так и характер их организованности в нечто единое. Следовательно, совокупность основных видов деятельности в сфере науки необходимо выделить как специфическую систему.

Стрежень этой системы образует собственно научный труд, т.е. деятельность по производству нового научного знания. Но знание – такой продукт, который нуждается в экстерииоризации, фиксации в долговечном материале, хранении, трансляции во времени и пространстве. Хранение и обслуживание экстерииоризованного знания, равно как и сама его экстерииоризация, воплощение в научных документах и их тиражирование являются необходимой составной частью научного производства. Поскольку наука нуждается в воспроизводстве самого процесса производства знаний, то необходимой составляющей системы деятельности, обеспечивающей осуществления научного производства, является деятельность обучения, посредством которой и осуществляется воспроизводство самого субъекта научного производства.

Как всякий продукт общественно-полезной деятельности, научное знание может и должно быть использовано. Разнообразное практическое использование научных знаний предполагает, как правило, их «доводку», а следовательно, и специальную деятельность внедренческого характера. Данная деятельность, связанная с трансляцией в практику технических и нетехнических нововведений, является также необходимой составляющей системы деятельности, лежащей в основе научного производства. Как бы обратной стороной системы внедрения научных достижений в практику служит система материально-технического снабжения, тоже составляющая часть научного производства.

В процессе производства научных знаний, информационного обслуживания научного труда и воспроизводства научных кадров, внедрения научных достижений в практику и материально-технического обеспечения науки участники научного производства вступают в различные отношения, содержание которых характеризуется кооперацией и разделением труда в их технологических и узко специальных аспектах.

Структуру системы социальных отношений научного производства невозможно задать достаточно адекватно, если ограничиться только продуктом научного труда, опредмеченной деятельностью. Даже сама эта циркуляция научных знаний внутри науки и в рамках общественного производства необъяснима, если отвлечься от циркуляции живого труда. Иначе говоря, нет только одного движения продукта, сам процесс его циркуляции в системе связан с живой деятельностью. В науке живой труд постоянно соединяется с опредмеченным трудом, накопленным всем предшествующим развитием науки и общества, видоизменяя его и видоизменяясь при этом сам. Таким образом, циркуляция научного труда (в единстве его живой и опредмеченной форм) составляет структуру системы социальных отношений научного производства, определяет ее границы и основные внешние связи.

Достаточно жесткий каркас системы социальных отношений научного производства составляет наличная структура кооперации и разделения труда в научном производстве, пронизывающая социальную систему науки снизу доверху и формирующая ее социальное устройство на макро- и микроуровне. Конечно, это только границы и каркас системы социальных отношений научного производства, причем заданные абстрактно. В любом

конкретном обществе данная структура может выглядеть по-разному, что мы и наблюдаем в действительности, поскольку структура социальных отношений научного производства обусловлена природой не только науки как таковой, но и природой социальных отношений, в рамках которых существует наука. В разных обществах, в разных конкретно-исторических условиях скелет науки обрастает живой плотью, питающейся соками из социального окружения, результатом чего являются очень несхожие между собой социальные образования (например, наука в Японии и США, Китае и России). Как сама деятельность, так и социальные отношения в процессе этой деятельности нуждаются в организации и управлении. Поэтому в структуре социальной системы науки необходимо выделить такой элемент, как социальный институт науки. Социальный институт науки – это система учреждений, организующая и обслуживающая функционирование научного производства. Социальная оформленность научного производства – способ социальной организации науки – характеризуется социальными отношениями научного производства и социальным институтом науки, т.е. собственно формами организации научного производства, включая формы управления им [3].

Комплексный характер развития современной науки, необходимость повышения эффективности научного труда усиливают роль институциональных форм научного производства. В процессе производства знания, его трансляции и т.д. люди вступают в определенные отношения совместной деятельности, возникает необходимость организации управления, в том числе и научной деятельностью. Управление – субъективный фактор, но это не означает, что отношения управления не обладают объективным существованием. Эти отношения представляют собой своего рода надстройку над научным производством, и в этом смысле вторичны. Социальный институт – это функциональная единая система учреждений, организующая ту или иную систему отношений социального управления, контроля и надзора. Социальный институт науки в этом случае является социальной формой существования отношений управления в научном производстве. По мере профессионализации научной деятельности организационные формы науки превращаются в развитую систему учреждений, которые и составляют социальный институт науки.

В процессе научного производства взаимодействуют две стороны научного труда, две формы его существования: живая деятельность (познание) и опредмеченная деятельность (знание). Сущность научного труда заключается, по К. Марксу, в том, что он выступает как всеобщий общественный труд. Это значит, что научные знания, независимо от того, кто, где и когда их получил, являются достижением всего общества, и что наука на любом этапе своего развития выступает как результат деятельности всех предшествующих поколений. Научный труд социален по своей природе и характеру, а научное знание – это результат постоянного взаимодействия ученых существующего поколения с накопленным научным опытом ученых предшествующих поколений. «Всеобщий общественный труд» – это понятие, выражающее осознание общественной природы человеческой познавательной деятельности, подобно тому, как общественная природа деятельности человека по производству материальных благ выражена в понятии «абстрактно человеческого труда». Эти понятия противоположны, но они едины в том, что оба выражают общественную природу разных сфер общественно-исторической практики человека.

В собственно научный труд (научную деятельность) не включается организационно-административное обеспечение, материально-техническое обслуживание исследовательской деятельности. Эти разновидности общественно-полезного труда, являясь необходимым условием существования современного научного производства, не являются трудом собственно научным. Даже такие виды деятельности, как научно-педагогическая, научно-внедренческая, научно-организационная не являются собственно научным трудом, хотя они и осуществляются в рамках научного производства и в интересах последнего. Без их учета невозможно понять современное научное производство, однако это невозможно и без выделения особого вида

труда – деятельности по производству нового научного знания, научной познавательной деятельности.

Итак, научный труд – это деятельность по производству нового научного знания. Научное познание – высокоспециализированная форма человеческой деятельности, и она выделяет, «вычерчивает» свой предмет из общего материала человеческого опыта кругом специфических для нее объективаций, идеализаций, определенных конструкций, онтологических утверждений и допущений, которые закрепляют в мысленных навыках людей, занимающихся наукой или вступающих в нее [4, с. 17]. Научный труд – это неделимый, общественно кумулируемый труд.

Всеобщий труд – это не просто совокупный общественный научный труд, ибо последний не знает исторической кооперации, а всеобщее человеческое познание, являясь моментом совокупного общественного труда, в любое время выступает так же и как момент общественно-исторической практики. Всеобщий труд познания – это рефлексивная сторона общественно-исторической практики человека. Смысл рефлексивности познания по отношению к общественно-исторической практике состоит в том, что в познании, как и во всей практике, человечество ставит себе только такие задачи, которые оно может разрешить.

Если в понятии «абстрактно человеческий труд» фиксируется прежде всего то, что все конкретные виды труда могут быть отождествлены между собой как нечто однородное, ибо все они есть затрата человеческой рабочей силы, то в понятии «всеобщий общественный труд» – что любая конкретная деятельность является акцией общества, хотя субъектом, реально осуществляющим эту деятельность, никогда не бывает весь социальный организм, а всегда им оказывается индивид или группа индивидов.

Абстрактно человеческий труд может, конечно, выступать не только как затрата индивидуальной рабочей силы, но и как затрата комбинированной и даже совокупной общественной рабочей силы. При этом характер комбинирования не имеет никакого значения точно так же, как не имеют значения для абстрактного труда при затрате индивидуальной рабочей силы технологические формы индивидуальной трудовой деятельности. Совсем иначе обстоит дело с всеобщим характером познавательной деятельности. Она является общей для людей потому, что кто бы ни осуществлял эту деятельность (индивид или группа), он делает это благодаря своей общественной природе. За его спиной стоят история и культура всего общества.

И «абстрактно человеческий труд», и «всеобщий труд» фиксирует общественное содержание труда. Но понятие «абстрактно человеческий труд» характеризует общественное содержание труда в условиях общественного разделения труда, экономического обособления производителей материальных благ, когда их экономическое противостояние и взаимополагание проявляются через обмен, а социальное единство имеет абстрактный характер. Понятие «всеобщий труд» характеризует общественное содержание труда при отсутствии экономического обоснования производителей материальных и духовных ценностей, т.е. при условии отсутствия разделения труда между ними. Такая ситуация характерна для времени, предшествовавшего эпохе общественного разделения труда. В условиях существования общественного разделения труда всеобщий общественный характер в наибольшей степени удается сохранить духовному производству.

Таким образом, социальная природа познавательной деятельности выражается в понятии «всеобщий общественный труд», фиксирующем всеобщий общественный характер деятельности по производству знаний. Эта общественная всеобщность выражается, во-первых, в том, что все люди так или иначе участвуют в познании объективного мира, во-вторых, в том, что в процессе научного познания используется весь прошлый опыт человечества. Эти обстоятельства не позволяют отождествить такие понятия, как «всеобщий общественный труд» и «абстрактно человеческий труд», отражающие общественную природу труда в разных сферах общественно-исторической практики человечества – в сфере духовного и материального производства. Такое качество познавательной деятельности, как ее общественная всеобщность,

противоположно такому качеству деятельности по производству материальных благ, как ее общечеловеческая одинаковость, однородность с точки зрения рабочей силы.

Научный труд – исторически высшая форма, высший этап развития познавательной деятельности. И здесь всеобщий характер познания проявляется особенно отчетливо. К научной деятельности относится все, что говорилось о всеобщем характере познания. Но, кроме того, научный труд – это самая явная и отчетливая форма проявления всеобщего характера познавательной деятельности. В известном смысле наука и появляется именно как необходимость сделать всеобщность познания явной, обозримой. Всеобщий характер познания обнаруживается в науке прежде всего в том, что наука пользуется общезначимым аппаратом, а ее результат однозначен, т.е. одинаково понимается всеми и в принципе может быть повторен при соответствующих условиях любым человеком. Общезначимость и повторяемость как логико-методологическая почва науки суть следствия всеобщности научного труда.

Наиболее полно всеобщность научного познания проявляется во всеобщем характере научного знания, так как знание более «стабильно», чем деятельность. Деятельность текуча, в ней многое связано с особенностями познающего субъекта (интуиция, вдохновение и т.п.), а в знании эти моменты сняты. Это происходит потому, что, во-первых, новые знания о действительности становятся достоянием общества при условии их изложения в соответствующей форме и, во-вторых, научные знания со временем освобождаются усилиями ученых различных поколений от второстепенных и излишних деталей. Научное знание с его жесткой логико-методологической структурой, лишенной всякой психологической или научно-культурной оболочки, в еще большей степени, чем сама научная деятельность с ее всеобщими нормативами (логика, методы, стиль мышления и т.д.), выявляет всеобщий характер научного познания с его общезначимостью и однозначностью [3].

Таким образом, специфическим свойством средств научного исследования является их всеобщность. Всеобщность научного труда обуславливает важную роль в исследовании историко-научной рефлексии.

Специфика отношений совместной деятельности в сфере научного производства определяется всеобщей общественной связью, отражающей природу научного труда. Поскольку в науке нет «натурального хозяйства», то даже если исследовательская деятельность носит индивидуальный характер, в начале ее (в момент обучения индивида, формирования его сознания) был акт трансляции знаний. Поэтому любая индивидуальная исследовательская деятельность по своей природе имеет всеобщий общественный характер. Точно также при любой степени индивидуальности деятельности и в ее конце имеет акт трансляции знания. Исследование, результаты которого заведомо не должны стать достоянием социальной памяти, не может быть признано за результат вообще. В силу этого научное производство всегда в какой-либо форме совместно. «Робинзонады» в науке бесплодны еще и потому, что они как бы предполагают известное существование неизменной научной деятельности. Научное производство и научная деятельность весьма поздно обособились от других сфер и видов духовной и материальной деятельности. Процесс этого обособления был неоднородным.

История науки свидетельствует о том, что совместные, коллективные формы познания существовали уже в Греции (школы Пифагора, Платона, Аристотеля, Александрийский музей и т.д.). В эпоху Возрождения и Новое время мы встречаемся со скоплениями ученых в городах Северной Италии, Рейна, в Париже и Лондоне. Общение этих ученых довольно часто имело вполне определенные организационные формы (академии, университеты, общества).

Наука начиналась с тех или иных форм совместного труда. Научный труд всегда достаточно индивидуален, но его не следует отождествлять с ремесленной стадией развития материального производства. Научная кооперация пришла на смену не индивидуальному труду, а другой (донаучной) кооперации в познании. Научный труд появляется сразу как кооперативный труд, хотя начальные формы его кооперации довольно примитивны. Но приложимо ли к науке понятие «простой кооперации»? В строгом смысле простая кооперация

возможна только там, где есть тиражирование продукции, но нет созидания нового. Кооперацией называется форма труда, при которой много лиц планомерно работают рядом и во взаимодействии друг с другом в одном и том же процессе производства или в разных, но связанных между собой процессах производства. Разделение труда и кооперация труда – две стороны одного процесса, т.е. разъединение и соединение людей в производстве. Простая кооперация – особый способ преодоления разделения труда. В науке (и вообще в духовном производстве) такая кооперация бессмысленна, ибо нет смысла доходить до одной и той же истины многим людям порознь и независимо друг от друга, с тем чтобы потом всем вместе выложить на рынке много одинаковых идей. Наиболее близкой аналогией простой кооперации может служить имеющийся в науке эффект дублирования открытий. Он даже имеет некоторое значение для развития науки, поскольку такие открытия дают эффект кооперации мировоззренческих, популяризаторских и прочих усилий разных исследователей, хотя при этом и нет технологической кооперации. Общий результат кооперации таких усилий состоит в разрушении старой парадигмы и утверждении новой. Но такая кооперация не является этапом развития науки, она характерна для всех этапов развития науки. Поэтому если и не следует отказываться от понятия простой кооперации применительно к научному производству, то необходимо вкладывать в него совершенно специфическое содержание.

Простой кооперацией в науке можно считать данные формы совместного научного познания, для которых характерно относительно слабое разделение технологических функций отдельных индивидов. Первые академии и научные общества представляли собой простую кооперацию в сфере научного производства. Простой кооперацией является и такая группа ученых, где научная деятельность вполне индивидуальна, а их общение носит характер информационных связей и не имеет каких-либо стабильных организационных форм. Даже в академиях и научных обществах первоначально не было специализации деятельности.

Кооперация в духовной сфере отличается от кооперации в процессе производства материальных благ. Их различие коренится в конечном счете в способе связи между непосредственным (живым) и накопленным (опредмеченным) трудом в той или иной сфере производства. В сфере материального производства кооперация охватывает только живой труд (это всегда синхронная кооперация), в духовном же производстве кооперация может быть и синхронной, и диахронной, т.е. включать накопленный труд в кооперацию аналогично тому, как включается в нее живой труд.

При выявлении и анализе механизма развития системы отношений совместной деятельности людей в сфере научного производства важно избегать разделения внешних и внутренних факторов развития науки. Решение проблемы лежит в плоскости исследования характера многосторонней социальной обусловленности общественных отношений науки. Углубление разделения и специализации труда в науке, развития многостороннего обмена деятельностью внутри духовного производства и со всей системой общественного производства – та реальная основа, на которой основывается эволюция совместной деятельности людей в сфере научного производства. Объяснения объективной обусловленности общественных отношений в науке, являющихся стороной социальной системы науки, без учета другой стороны (субъективной) не могут быть достаточно полными. Социальная оформленность научного производства характеризуется наличными социальными отношениями научного производства и социальным институтом науки [3; 5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кочергин А.Н. Научное творчество: проблемы социальной ответственности и стимулирования // *Научный Вестник МГТУ ГА*. 2010. № 155. С. 41-49.
2. Кочергин А.Н., Семенов Е.В., Семенова Н.Н. *Наука как вид духовного производства*. Новосибирск: Наука, 1981. 135 с.
3. Мамардашвили М.К. *Формы и содержание мышления*. М.: Высшая школа, 1968. 191 с.

4. *Наука как социальное явление*. Воронеж: ВГУ, 1992. 108 с.
5. **Степин В.С.** *Теоретическое знание*. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
6. *Эпистемология в XXI веке: Новые книги, справочные материалы, рецензии и обзоры (2000-2011)*. М.: ИФ РАН, 2012. 207 с.

SOCIAL ESSENCE AND SPECIFICS OF SCIENTIFIC PRODUCTION

Kochergin A.N.

The article reveals social essence and structure of science, likewise specificity of scientific production as of universal social labor; an extensive system of scientific production is revealed. The meaning of the concepts of "abstract human labor" and "universal social labor", their similarities and differences are identified. Scientific work is presented as the highest form of cognitive activity in which the universal nature of public knowledge manifests itself most clearly. The reform process of science has its own specificity, which means that the "effective managers" should not be reformers here.

Keywords: science, social system, scientific production, abstract labor, universal labor, social attitude, organization, management.

REFERENCES

1. **Kochergin A.N.** Nauchnoe tvorchestvo: problemy social'noj otvetstvennosti i stimulirovaniya. *Nauchnyj Vestnik MGTU GA*. 2010. № 155. Pp. 41-49. (In Russian).
2. **Kochergin A.N., Semenov E.V., Semenova N.N.** *Nauka kak vid dukhovnogo proizvodstva*. Novosibirsk: Nauka. 1981. 135 p. (In Russian).
3. **Mamardashvili M.K.** *Formy i sodержание myshleniya*. М.: Vysshaya shkola. 1968. 191 p. (In Russian).
4. *Nauka kak sotsial'noe yavlenie*. Voronezh: VGU. 1992. 108 p. (In Russian).
5. **Stepin V.S.** *Teoreticheskoe znanie*. М.: Progress-Traditsiya. 2003. 744 p. (In Russian).
6. *Epistemologiya v XXI veke: Novye knigi, spravochnye materialy, retsenzii i obzory (2000-2011)*. М.: IF RAN. 2012. 207 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Кочергин Альберт Николаевич, 1930 г.р., окончил ИВПИ (1959), доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ, академик Российской гуманитарной академии, Российской экологической академии, Академии космонавтики им. К.Э. Циолковского, Академии геополитических проблем, Международной академии информатизации при ООН и др., профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, автор 585 научных работ, область научных интересов – философия и методология науки.

УДК 94 (47) 17

РУССКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «НАУКА»

А.В. ПАНИБРАТЦЕВ

Рассматривается формирование отечественной философской культуры. Особое внимание уделяется процессам влияния православной христианской традиции при становлении русской академической философии. Показаны тенденции секуляризации русской науки. На примере творчества Феофилакта Лопатинского анализируется формирование тенденции преобладания логики и натурфилософии в отечественной академической философии, а также проникновение западноевропейских идей. Рассматривается проблема свободы человека, которая становится организующим ядром субъекта познания. Указывается путь становления фундаментальных ценностей русской культуры, которыми являются принцип благообразия, истина, правда, свобода, наука и образование.

Ключевые слова: культура, наука, образование, свобода, академическая философия, православие, христианство, традиция, познание, мудрость.

Эволюция духовной культуры сегодня проявляет отчетливую тенденцию к углубленному поиску общечеловеческого содержания как в историческом наследии, так и в современном культурологическом процессе. Осмысление вопросов об истоках и особенностях русской культуры требует постановки проблемы формирования понятия «наука» в отечественной академической философии. Необходимо обращение к тому пространству понимания, в котором отечественная традиция определяется через рефлексию своего собственного исторического становления. М.А. Маслин определяет историю русской философии как интегральную историю философии и призывает к рассмотрению нашей отечественной философской культуры «в виде целостной картины, отражающей все главнейшие этапы русской мысли» [11, с. 4].

Русская философия всегда обладала повышенной чувствительностью к рассмотрению этических проблем и исследовала их не абстрактно-отвлеченно, а через призму насущных интересов общества и культурной среды. Россия – православная страна, где существует генетическая память традиции, своеобразной ментальности. Научный потенциал культуuroобразующей жизнедеятельности России характеризовался ее способностью придавать смысл индивидуальному бытию. Обращаясь к истории отечественной философии, задаваясь вопросом о ее самобытности Н.А. Бердяев отмечал: «Есть очень большая трудность в определении национального типа, народной индивидуальности... Тайна всякой индивидуальности узнается лишь любовью, и в ней всегда есть что-то непостижимое до конца, до последней глубины» [1, с. 37]. Представители русской философии осознавали опасность сведения своих рассуждений к законченным рациональным схемам и концепциям, претендующим на абсолютно правильное решение всех проблем. Таким образом, философский элемент в русской культуре формируется и снизу, из глубины народного сознания, и сверху – от достаточно рафинированных результатов профессионально-философского освоения действительности. Так, например, М.Н. Громов постулирует положение о том, что нельзя изучать древнерусскую мудрость по образцу и подобию привычной для нынешнего мышления форме философствования. Центральным в позиции М.Н. Громова является стремление учесть специфику реального функционирования философии в системе культуры. Он считает, что философия по античной традиции понималась в средние века не как отвлеченная теоретическая дисциплина, а как всеохватывающая мудрость, вдохновенный синтез многих видов познания [4]. Отсюда следует неартикулированность отечественной философской традиции и невозможность соотнесения концепций русских философов с античным образцом философствования. «Философия как познавательное творчество, – писал И.А. Ильин, – есть в особом и

углубленном смысле внутреннее делание, предмет которого, – и по сложности, и по значительности своей, и по неуловимости своей для какой бы то ни было внешней и механической проверки, – требует особой остроты и чуткости теоретической совести, особой чистоты ока и воли» [8, т. 3, с. 22-23].

Принятие христианства на Руси способствовало ее приобщению к опыту патристики. Причем, как справедливо отмечалось в литературе, в рамках православия патристика смыкалась с аскетикой, т.е. имела место жизненная связь с подвигом [17, с. 24]. В частности, это нашло свое выражение в исихазме. Исихастская традиция на Руси берет свои истоки в духовном опыте Афона. Первыми на Руси «науку» афонского благочестия восприняли киево-печерские старцы [6, с. 56]. Среди них выделяются две фигуры: Феодосий Печерский и Нестор Летописец. Начиная с них, интерес к любомудрию в российской культурной традиции сохранялся. Особенно ярко он проявился в учении Нила Сорского. В своем «Предании ученикам» Нил Сорский, опираясь на святоотеческую традицию и опыт исихазма, исследовал вопрос о влиянии мысли на развитие страсти. Важность проделанной им работы, в частности, определялась тем, что он попытался перенести ценности патристики на русскую почву. По мнению Нила Сорского, не сразу человек впадает в грех и идет на поводу страсти. Грехопадение есть процесс, который заканчивается победой страсти над человеком. Человек должен знать, что и как происходит с ним, когда он попадает в сети греха. И главное, он должен знать, что с помощью мудрования можно оставить греховный путь.

Особое внимание идеям патристики уделял Максим Грек. Он стремился пробудить души людей от нравственной спячки и наставить их на путь истинный. Опираясь на идеи Максима Исповедника, он считал, что пренебрежение нравственным самосовершенствованием ведет человека по пути зла [3, с. 103]. К творениям отцов церкви в своих работах постоянно обращался Стефан Яворский. Так, в «Камне веры» он посвятил главу святым отцам [15, с. 236.]. С еще большей силой идеи патристики развивались Паисием Величковским. Он взял на себя труд подготовки русского варианта «Добротолюбия», включавшего в себя тексты отцов церкви. Вокруг этого важного дела собрались подвижники православной веры. И прежде всего, следует отметить Феофана Затворника. Его усилиями и был подготовлен окончательный вариант «Добротолюбия», который переиздан в наше время [5]. Именно труды Феофана Затворника – это первый опыт «научения» для всех тех, кто ищет добродетельного пути. В этом контексте важно отметить, что именно первые русские мыслители затронули важнейшие вопросы человеческой жизни. Именно тогда было сказано главное о человеке и его жизни. И это главное – традиция научения благочестию – имеет основополагающее значение в формировании общечеловеческих ценностей отечественной культуры. И именно первые русские мыслители оказали большое влияние на философский дискурс в XVIII в.

Русская академическая философия XVIII в. может быть представлена двумя академическими школами тогдашней России: Киево-Могилевской и Московской славяно-греко-латинской академиями, с одной стороны, и Санкт-Петербургской Академией наук – с другой стороны. Именно в них в конце XVII – начале XVIII вв. осуществлялась рецепция европейской философии и науки. XVIII в. в России, – пишет в своем капитальном труде В.В. Зеньковский, – есть век «секуляризации». В это время возникает самостоятельная светская культура, уже не имеющая связи с церковным сознанием. С другой стороны, в самом церковном сознании в это же время происходит глубокий перелом. Церковное сознание отрывается от мечты о священной миссии государства, уходит в более напряженное искание церковно-политической идеологии. Прежнее единство культуры разбивается, творческая работа в церковном сознании и вне его идет не по единому руслу, а по двум разным направлениям. «Этот двойной процесс, идущий в XVIII в. с необычайной, несколько загадочной быстротой, лишь с первого взгляда может показаться загадочным; на самом же деле в нем просто выявляется то, что давно (уже с конца XVI в. и особенно в XVII в.) происходило в недрах русской жизни» [7, с. 59].

Воспринимая плоды западной учености, обе академии тем не менее оставались преимущественно религиозными заведениями, поэтому говорить о становлении в их стенах каких-либо научных школ было бы некорректно. И тем более было бы некорректно говорить о значительности в них научного мировоззрения. Здесь мы встречаем специфическую ситуацию: не то чтобы наука, но сама философия еще только начинает собственный, пусть подчас робкий, и самостоятельный путь к дальнейшему развитию, эмансипируясь от религиозного мировоззрения. Поэтому понятие науки в том смысле, в котором мы его употребляем для изложения и объяснения естественно-научных и математических взглядов Николая Коперника, Галилео Галилея, Иоганна Кеплера, Рене Декарта, Исаака Ньютона и других ее новоевропейских основателей, конечно, еще не может быть приложено к тем «концепциям», которые циркулировали в кругу киевских и московских академиков. Вместе с тем, чтобы хоть как-то зафиксировать присутствие этого понятия в академическом обиходе XVIII в., нам следует избрать промежуточный путь, а именно: рассмотреть, как специфически вплетено понятие науки в канву собственно философских рассуждений. Таким образом, наука проявится в снятом виде через философию.

Принцип благообразия как регулятивный принцип, пронизывающий собой всю древнерусскую культуру, в свернутом виде содержит в себе ее важнейшие характеристики: метафизичность (онтологизм), эстетизм и морализм. Формирование светской культуры в России до момента рождения в ней философской мысли, сопоставимой с европейской философской традицией, не могло перечеркнуть веками формировавшихся предрассудков, запечатленных как в бытовом укладе русской жизни, так и в семантических и грамматических структурах русского языка. Ясно, что философия, родившаяся на почве «благообразно» ориентированной культуры, оказывается нацеленной на выяснение того, каков благой образ жизни, как его можно достигнуть и каковы причины, препятствующие достижению благообразности. Ведущей оказывается проблематика религиозно окрашенной метафизики, социальной философии, этики и эстетики.

Философ, мыслящий в горизонте принципа благообразия находит в религиозной жизни, в литературе, в искусстве, в утопических образах общественной жизни, в семейном и национальном быте те необходимые для инициирования философского мышления образы и соответствующие им настроения, которые нужны ему как отправной пункт для его философствования. Философия, возникающая на такой основе, будет несистематической, но метафизически ориентированной. «Надо же иметь в виду, – говорит В.В. Зеньковский, – что если обращение Южной Руси к Западу происходило на религиозной почве (чем определялось там и несомненное замутнение и церковного сознания), то в Москве интерес к Западу развивался совершенно вне религиозной сферы и даже при постоянном противлении ему церковных кругов. Это уже была, в сущности, «секуляризация» – в смысле постоянного развития «мирской» культуры, совершенно независимой от церковного сознания» [7, с. 79].

Известной «секулярностью» отличались и взгляды таких представителей Московской академии XVIII в., как Феофан Прокопович, Феофилакт Лопатинский, и некоторых других мыслителей петровской эпохи. Что это были за люди? Вот любопытная характеристика, которую дает Феофану Прокоповичу о. Григорий Флоровский: «Феофан Прокопович (1681-1736) был человек жуткий. Даже в наружности его было что-то зловещее. Это был типичный наемник и авантюрист, таких ученых наемников тогда много бывало на Западе. Феофан кажется неискренним даже тогда, когда он поверяет свои заветные грезы, когда высказывает действительные взгляды» [16, с. 58].

Разумеется, характеристика Прокоповича, данная не без некоторой хлесткости Флоровским, не может быть приложима ко всем без исключения выходцам из Киевской академии, но то, что они ощущали себя «миссионерами просвещения» в «полудикой стране», не может вызывать сомнений. Это чувствуется всякий раз, когда пытаются предложить в качестве первосортной продукции университетского образования то, что в

самом западном просвещении уже считается «вчерашним днем». Хорошо известно, сколько сил М.В. Ломоносов положил на то, чтобы прекратить эту порочную практику в стенах уже Российской академии наук. Не являются в этой связи исключением и философские взгляды современника и идеологического противника Прокоповича – Феофилакта Лопатинского.

Для философской системы Лопатинского характерно преобладание логики и натурфилософии в системе философского знания. Наибольший интерес вызывает натурфилософская концепция Лопатинского, основным понятием которой являлись природное тело, его начала и причины, свойства и состояния. Сама философия в понимании Лопатинского была гетерогенна. Она делилась на теоретическую и практическую. Теоретическая философия включала в себя физику, метафизику и математику: «Теоретическая философия делится соответственно разделению объекта теоретического изучения, поскольку науки обособляются друг от друга по объекту. Объект теоретического изучения бывает трех видов. Первый неотделим от материи даже мысленно, например, изучаемое в физике природное тело. Второй отделяется от материи мысленно, но отнюдь не в действительности, например количество в математике. Третий, наконец, отделяется и мысленно, и в действительности, к примеру, Бог и ангелы, о которых будет сказано в “Метафизике”» [10, с. 208].

Практическая философия включала в себя логику и этику. Именно теоретическая философия оказывается в большей степени когерентна научному духу исследования, где все подвергается сомнению – учение Декарта оказывает на Лопатинского и его академическое окружение значительное влияние. Так, во «Введении» к своему философскому курсу Лопатинский пишет следующее: «Среди новейших направлений первое место претендует занять картезианская философия. Основатель ее, Рене Декарт, прославился своим умом и благородным происхождением. Разрабатывая свое учение, Декарт ступил на путь философствования, по которому многие века не осмеливался идти никто. Философ пытался объяснить видимый малый и большой миры, а также явления, в этих мирах происходящие, в том числе и удивительные процессы ощущения, из величины, формы, движения и столкновения тел» [10, с. 213]. Можно отметить, что Лопатинский в своей симпатии к Декарту был не одинок. Его младший знаменитый современник – Михаил Ломоносов также высоко отзывался о системе Декарта: «Декарту мы особливо благодарны за то, что он ободрил ученых людей против Аристотеля и прочих философов – в их праве спорить и тем открыл дорогу к вольному философствованию» [7, с. 107]. «Свобода мысли», этот своеобразный лозунг XVIII в., наложила свою печать и на формирование научно-философского мировоззрения в России. Эта тенденция наблюдается практически у всех представителей Российского интеллектуального мира XVII в. – от Феофана Прокоповича, Феофилакта Лопатинского и других представителей «секуляризирующегося богословия» до Григория Сковороды, Михаила Ломоносова, А.Н. Радищева и других представителей светской мысли.

Во взглядах Лопатинского, в частности, чувствуется прививка итальянского Возрождения и вообще европейского свободомыслия, в хорошем с православной точки зрения понимании этого слова. Он уже прямо разделяет концепцию «двойственной истины». Одна истина та, которая дается нам через Откровение, а другая – та, которая обретается нами посредством размышления. Та приверженность Откровению, в которой только и обретается камень веры и которая господствовала не только в России до XVII-XVIII вв., но, пожалуй, во всем восточном христианстве, уступает место позиции, в существенных своих чертах предрекаемой еще отцами-каппадокийцами: только слабая вера нуждается в костылях разума. Западное христианство, с его культом рационального дискурса, уже в эпоху средневековья подготовило приход науки эпохи Возрождения. И как бы это ни выглядело невероятным, но именно его концепция «двойственной истины» послужила идеологическим оправданием позиции того же Галилея, утверждавшего в «Диалоге о двух системах мира», что Бог

изложил истину о мире в двух книгах: Священном Писании и Природе. Комментировать первую – дело богословов, комментировать вторую – дело математиков. Главное для Галилея заключалось в сохранении «комментаторского такта» – математики не претендуют на комментирование Библии, но и богословы, в свою очередь, не должны вмешиваться в дела математиков. Как мы видим, палка «двойственной истины» оказалась о двух концах. Все, что было нужно Галилею, Декарту и их последователям, – это чтобы религия и богословие не пытались объяснить принцип устройства законов и отношений Природы. В той Природе, которую исследуют физик, математик и астроном, нет и не может быть места чуду. И опираться следует не на авторитет Священного Писания, а на доказательства разума и свидетельства опыта. Именно такой дух раскрепощенного разума мы и встречаем у Лопатинского. «Итак, – говорит Лопатинский, – никому не клянемся мы в верности, все нам – друзья, но истина дороже. Философ обязан рационально доказывать свое мнение, а не опираться на авторитет» [7, с. 21].

В понимании природы материи и физических процессов Лопатинский вообще придерживался умеренного сенсуализма, не принимая крайностей как материализма, так и субъективного идеализма. Ориентация на научное мировоззрение, почерпнутое в европейских университетах в период обучения (Италия, Германия, Польша), нашла свое отражение и в изложении вопросов гносеологии. Лопатинский полагал, что в познании первично объективно данное. Познание обусловлено естественными, закономерными процессами. Однако эти процессы могут быть адекватно познаны только при условии выполнения познающим правила познания. И здесь значительное место отводится логике как инструменту, позволяющему отличить истину ото лжи. В этом плане И.А. Ильин писал: «Философ единственный из ученых берет на себя разрешение вопроса о том, что есть истина; подобно священнослужителю, он стоит, раскрывая другим испытанное; подобно художнику он имеет дело с самою красотой, исследуя ее сущность и обнаруживая пути к ее осуществлению, узрению и разумению» [8, с. 22-23]. Пожалуй, основной труд Лопатинского – «Диалектика» – вполне может быть, правда, с известными оговорками, квалифицирован как труд научный. В сущности, это есть учебник по логике. «Диалектика» и понимается Лопатинским как искусство правильного рассуждения. Не случайно в самом начале изложения этого курса Лопатинский ссылается на определение «диалектики», данное Боэцием. Роль диалектики для Лопатинского значима еще и потому, что после Декарта всякий философ считал своим долгом изложить, прежде всего, «метод» своего исследования, а уже только потом, определив «путь», двигаться дальше к решению частных проблем. «Задача диалектики, – говорит Лопатинский в трактате “Диалектика”, – заключается в том, чтобы направлять к истине человеческий разум, который, будучи по природе склонен к заблуждению, постоянно колеблется между ложью и истиной. Благодаря диалектике мы можем избежать ошибок в любой из наук» [7, с. 22].

Далее, полагает Лопатинский, объектом диалектики являются «операции разума». Под операциями разума понимается нематериальное жизненное действие души, направленное на познание объектов. В процессе познания познаваемые объекты как бы отражаются в человеческой душе, представляются в ней образно. Познанный объект относится к разуму точно так же, как человек к своему портрету. Мы видим, что в вопросах объяснения истинности знания Лопатинский относится к представителям корреспондентской теории. Между тем в современной Лопатинскому европейской философии интенсивно набирали силу взгляды сторонников ее субъективной интерпретации. Беркли выступал вообще против конкретности таких общих понятий, как материя, пространство и т.д. Все качества, по Беркли, – вторичные. И то, что Лопатинский называет «отражением объектов в человеческой душе», свидетельствующее об истинном положении дел, для Беркли было бы только основанием для сомнения и лишним подтверждением возможности появления заблуждения.

Следовательно, мы видим, что философская система Феофилакта Лопатинского объективно тяготела к научности и строгому изложению научных взглядов. Однако, будучи встроена в конкретные исторические условия – Россия начала и середины XVIII в. – страдала всеми теми пороками «обновленчества», которые были присущи указанной эпохе. При этом необходимо признать, что Лопатинский являл собою, скорее, исключение, чем правило, и был не так сильно ангажирован политически, как это мы обнаруживаем в случае Феофана Прокоповича. Выдвигая на первый план Прокоповича Петр I, однако, не забыл и Лопатинского, чьи отменные личные качества он ценил очень высоко. С 1719 г. Лопатинского стали часто вызывать в Петербург, а с учреждением Св. Синода незамедлительно включили в состав названного коллегиального органа, на первых порах советником. Московскую академию пришлось оставить. Лопатинского между тем поставили архимандритом Чудова монастыря [13, с. 25].

Мы намеренно опустили симпатии Лопатинского к Аристотелю и вообще всей схоластической традиции, с ним связанной. В логических штудиях Лопатинского Аристотель как раз играл положительную роль, но там, где требовались дерзание ума, выход за рамки школы, «свежий взгляд на мир» – Лопатинский оказывался не на высоте своих европейских коллег, повсеместно – от Италии (Падуя) до Англии (Кембридж) – сбрасывавших устаревшее обветшавшее покрывало аристотелизма с новых нарождающихся форм окружающего мира. Поэтому основной вывод заключается в следующем: наука в академической среде XVIII в. была еще либо предметом подражания, либо понятием, за которым не стояло собственного научного опыта. Время самой русской науки еще не пришло, а следовательно, не пришло еще и время ее полноценной философской рефлексии. Однако введение понятия «наука» в философский обиход Московской академии, безусловно, заслуживает положительной оценки, и заслуга таких деятелей, как Лопатинский, в этом не может быть недооценена.

Вступая на европейский путь, которому дали толчок реформы Петра I, представители власти понимали необходимость развития образования и науки. Но, тем не менее, при самодержавной системе правления, вышедшие из академий образованные люди, представляли опасность для власти. Ценностный смысл составляет конкретное выражение свободы человека, которая становится организующим ядром субъекта. Ценность, лежащая в основе конкретного индивида или конкретной культуры, определяет специфическое, индивидуальное содержание и направленность его мировоззрения, мировосприятия, способа бытия и мышления, целей деятельности – всего того, что отличает данного субъекта от другого, данную культуру от других субъектов всемирной истории. И только в философской антропологии XX в. начинают рассматривать свободу как онтологическое основание человека, исходную предпосылку его бытия. В этом плане Г.Х. Габитов отмечает, что понимание каждой культуры как собеседника по «последним вопросам человеческого бытия» предполагает способность каждой культуры отстраняться от самой себя, не совпадать с собой, быть диалогичной по отношению к себе самой и быть диалогичной по отношению к иным культурам [2, с. 50].

Классическое академическое богословие в России XVIII в. развивалось в реальном диалоге с актуальными направлениями современной ему культуры. Лучшие его представители, подобно своим коллегам на Западе, приходили к осознанию необходимости демифологизации христианства и преодоления негативных элементов исторической инерции. Перед наукой открывается новое проблемное поле. Надо исследовать, как культурные ценности входят в структуру сознания индивида и социальных групп. Возникает вопрос: возможна ли пост-субъектная и пост-культурная идентичность? В.Н. Порус считает, что «научное исследование культурной самоидентификации не только возможно, но и необходимо. Но такое исследование не может быть ангажированным. Культурологи – не патологоанатомы, они принадлежат культуре, их культурная идентичность – для них ценность. Если это не так, то наука о культуре – такой же симулякр, как сама культура» [14, с. 323]. Как и акт творчества в науке, живой опыт

локален, ограничен наличными условиями. Новое знание, принятое научным сообществом как истинное, включается во всеобщее содержание науки, которое является некоторой целостностью. В то же время с самого начала в него заложена возможность его преобразования, опровержения в мышлении ученого. Опыт, зафиксированный в культурной памяти, потенциально универсален, но способен обрести локальные черты, выступая в качестве основы нового живого опыта в другом контексте.

Заключая вышесказанное, важно отметить парадоксальную ситуацию христианской культуры. Отняв свободу выбора у человека в вопросе веры, реформаторы предельно расширили ее во всех сферах человеческой деятельности – экономической, торговой, образовательной. «В вере же главным стало благочестие, но не столько внешнее, с его требованиями соблюдать установления веры, сколько внутреннее – заботливое пестование человеком сердечной жизни в подражание евангельским сюжетам» [9, с. 51]. В классической философии уже XIX в. на почве научной строгости и протестантской религиозности была достигнута высшая точка в рациональном понимании этого концепта: выбор был отождествлен со свободой, которая в высшем смысле рассматривалась как метафизическое понятие. Это связано с особым пониманием истины, которое лежит в основе русского мировоззрения. Это не истина как чистая идея или сугубо теоретическая картина мира, но истина, совпадающая с внутренней основой жизни и представленная в истинном человеке или жизни человечества. В русском языке такому пониманию истины соответствует слово «правда», которое одновременно означает и истину, и моральное, и естественное право.

Указанное понятие живой «истины-правды» ведет к тому, что русская философия всегда является выражением религиозного поиска спасения. В этом состоит опасность пренебрежения чистым, бескорыстным взглядом на истину. Русскому сознанию совершенно чуждо индивидуалистическое понимание этики: речь идет всегда о поиске не личного спасения, а той основы, на которой зиждется вся человеческая жизнь и все космическое мироздание. «Философия как духовное делание должна быть и здесь свободна от незаметных упущений и попущений, от уступок личным потребностям, влечениям, тайным симпатиям, от потакания своей личной, осознанной и неосознанной несчастью и от вырастающих из всего этого ложных проблем и их мнимых решений» [8, с. 25]. Русской культуре присуще стремление к целостности, ей чужды дифференцированность и обособленность отдельных элементов и сфер. Мораль, наука, искусство обретает ценность лишь как выражение и форма проявления идеи абсолютной истины, как целостное мировоззрение. Без этого оказывается невозможной эффективная практическая деятельность человечества в условиях постиндустриальной цивилизации, которая ставит человека лицом к лицу со все более сложными системными целостностями, успешное практическое оперирование которыми зависит от их адекватного теоретического осмысления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. *Русская идея // Мыслители русского зарубежья* / Бердяев Н.А., Федоров Г.П. СПб., 1992. С. 12-86.
2. Габитов Г.Х. Национальная идея в контексте диалога культур // *Вопросы философии*. 2013. № 3. С. 49-57.
3. Громов М.Н. *Максим Грек*. М., 1983. 103 с.
4. Громов М.Н. *Структура и типология русской средневековой философии*. М., 1997. 320 с.
5. *Добротолубие*: в 5-и т. М., 1998. Т. 1. 246 с.
6. Замалеев А.Ф. *Лекции по истории русской философии (XI-XX вв.)*. СПб, 2001. 348 с.
7. Зеньковский В.В. *История русской философии*. Л., 1991. Т. 1. Ч. 1. 256 с.
8. Ильин И.А. *Собрание сочинений*: в 10-и т. / сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1994.
9. Киселева М.С. Концепт выбора в христианской и постхристианской культурах // *Вопросы философии*. 2013. № 12. С. 48-58.
10. Лопатинский Феофилакт. *Избранные произведения* / под ред. А.В. Панибратцева. М., 1997. 186 с.

11. Маслин М.А. *Русская философия как единство в многообразии // Русская философия: многообразие в единстве*. М.: ЭкоПресс-2000, 2001. С. 4-5.
12. Панибратцев А.В. *Просвещение разума. Становление академической науки в России*. СПб.: РХГИ, 2002. 214 с.
13. Панибратцев А.В. *Философия в Московской славяно-греко-латинской академии (первая четверть XVIII века)*. М., 1997. 316 с.
14. Порус В.Н. *Перекрестки методов. Опыт междисциплинарности в философии культуры*. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. 260 с.
15. Стефан Яворский, митрополит. *Сказание об антихристе. Догмат о святых иконах*. М., 1999. 236 с.
16. Флоровский Г.В. *Пути русского богословия*. 2-е изд. Париж, 1981. 248 с.
17. Хоружий С.С. *О старом и новом*. СПб., 2000. 240 с.

RUSSIAN ACADEMIC PHILOSOPHY: SOME QUESTIONS OF BECOMING NOTION OF "SCIENCE"

Panibrattsev A.V.

The formation of Russian philosophical culture is considered. Particular attention is paid to the processes of influence of the Orthodox Christian tradition in the formation of Russian academic philosophy. The trends of secularization of Russian science are shown. On the application of creativity Feofilakt Lopatinskii analyzed trends shaping the prevalence of logic and natural philosophy in the domestic academic philosophy are analyzed, as well as the penetration of Western ideas. Attention is given to understanding of human freedom, which becomes the organizing core of subject knowledge. Specifies the path of becoming the fundamental values of Russian culture, which is the principle of seamliness, truth, truth, freedom, science and education is specified.

Keywords: culture, science, education, freedom, academic philosophy, Orthodox Christianity, tradition, knowledge, wisdom.

REFERENCES

1. Berdyaev N.A. *Russkaja ideja. Mysliteli russkogo zarubezh'ya*. SPb. 1992. Pp. 12-86. (In Russian).
2. Gabitov G.Kh. *Nacional'naja ideja v kontekste dialoga kul'tur. Voprosy filosofii*. 2013. № 3. Pp. 49-57. (In Russian).
3. Gromov M.N. *Maksim Grek*. М. 1983. 103 p. (In Russian).
4. Gromov M.N. *Struktura i tipologiya russkoj srednevekovoj filosofii*. М. 1997. 320 p. (In Russian).
5. *Dobrotolyubie*. М. 1998. Т. 1. 246 p. (In Russian).
6. Zamaleev A.F. *Leksii po istorii russkoj filosofii (XI-XX vv.)*. SPb. 2001. 348 p. (In Russian).
7. Zen'kovskij V.V. *Istoriya russkoj filosofii*. Leningrad. 1991. Т. 1. Ch. 1. 256 p. (In Russian).
8. П'ин I.A. *Sobranie sochinenij*. М.: Russkaya kniga. 1994. (In Russian).
9. Kiseleva M.S. *Koncept vybora v hristianskoj i posthristianskoj kul'turah. Voprosy filosofii*. 2013. № 12. Pp. 48-58. (In Russian).
10. Lopatinskij Feofilakt. *Izbrannnye proizvedeniya*. М. 1997. 186 p. (In Russian).
11. Maslin M.A. *Russkaja filosofija kak edinstvo v mnogoobrazii. Russkaya filosofija: mnogoobrazie v edinstve*. М.: ЭкоПресс-2000. 2001. Pp. 4-5. (In Russian).
12. Panibrattsev A.V. *Prosveshhenie razuma. Stanovlenie akademicheskoy nauki v Rossii*. SPb.: RKHGI, 2002, 214 p. (In Russian).
13. Panibrattsev A.V. *Filosofiya v Moskovskoj slavyano-greko-latinskoj akademii (pervaya chetvert' XVIII veka)*. М. 1997. 316 p. (In Russian).
14. Porus V.N. *Perekrestki metodov. Opyty mezhdistsiplinarnosti v filosofii kul'tury*. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2013. 260 p. (In Russian).
15. Stefan Yavorskij, mitropolit. *Skazanie ob antikhriste. Dogmat o svyatykh ikonakh*. М. 1999. 236 p. (In Russian).
16. Florovskij G.V. *Puti russkogo bogosloviya*. Parizh. 1981. 248 p. (In Russian).
17. Khoruzhij S.S. *O starom i novom*. SPb. 2000. 240 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Панибратцев Андрей Викторович, 1962 г.р., окончил МГУ им. М.В. Ломоносова (1984), профессор, доктор философских наук, заслуженный работник культуры, профессор кафедры гуманитарных и социально-политических наук МГТУ ГА, автор более 150 научных работ, область научных интересов – история русской философии, современные проблемы образования в глобальном мире.

УДК 316.34

ТОЖДЕСТВЕННОСТЬ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО: КОНТЕКСТЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ СУБЪЕКТА

О.Д. ГАРАНИНА

Дана характеристика национально-культурной идентичности как необходимой основы единства субъекта и социального сообщества. Выделены психологический, аксиологический и когнитивный аспекты идентичности. Определено содержание категорий социальной памяти, социального характера и менталитета как механизмов формирования социальной идентичности субъекта. Социальная память рассмотрена как воплощение объективного духа (прошлого исторического опыта человечества), формирующего посредством социального характера ментальные особенности субъекта, выступающие матрицей идентификации. Обоснована доминантная роль социальной памяти по отношению к социальному характеру и менталитету в идентификационном контексте.

Ключевые слова: идентификация, национально-культурная идентичность, социокультурная идентичность, социальная память, социальный характер, менталитет.

Внимание к проблеме формирования, развития и укрепления социокультурной идентичности субъекта в современных условиях обусловлено несколькими обстоятельствами. Во-первых, каждое национальное сообщество сегодня стоит перед угрозой утраты национальной самобытности вследствие разворачивания процессов глобализации, способствующих утверждению единых стандартов во всех сферах общественной жизни. Во-вторых, формирование и развитие под воздействием активной информатизации поликультурной мега- и микросреды, обеспечивающей коммуникативное присутствие субъекта в разных культурах, гасит, свёртывает значимость национально-культурной идентичности. Это положение эмпирически подтверждают данные социологических исследований национально-культурной идентичности россиян начала XXI в., согласно которым на современном этапе общественного развития России в массовом сознании национально-культурные доминанты утратили свою ценность, оказались размытыми [1, с. 285]. Активизация коммуникативных процессов, разворачивающихся на базе инновационных информационных технологий, превращает планету в «мировую деревню». В этой новой форме социальности культурно-национальное обособление, выступая своего рода социальным сектантством, может как затормозить развитие отдельной личности, замкнутой на своей приверженности к определенным культурным ценностям и смыслам, так и способствовать изоляции этноса, чрезмерно приверженного национальным традициям и, следовательно, его отклонению от траектории мирового прогресса. Может показаться, что в процессе развития общества национально-культурная идентичность превращается в анахронизм, не соответствующий реалиям глобализирующегося мира, стремящегося к единству культур и национальных сообществ. Однако человечество медлит отказываться от национально-культурной самобытности и задумывается о способах её формирования и сохранения, укрепления. Национально-культурная идентичность есть там, где субъект отождествляет себя с определенной нацией и определенной культурой [1, с. 18]. Исходя из этого, основополагающими характеристиками национально-культурной идентичности, имеющими операциональное значение для конкретизации направлений её формирования и сохранения, можно считать: а) осознание своей принадлежности к определенной нации, определенному сообществу (психологический аспект); б) принятие ценностей, норм, идеалов, которыми руководствуется данная нация или сообщество (аксиологический аспект); в) владение субъектом всей совокупностью знаний об историческом пути, который прошла нация, о её

судьбе, предназначении, о месте в семье других наций (когнитивный аспект). Известно, что формирование национально-культурной идентичности начинается с усвоения культурных кодов и ценностей нации, с приобщения к национальной культуре через познание её духовных оснований. В современной философской литературе идут дискуссии о различии этнической и национальной идентичности, о специфике культурной идентичности, но почти нет публикаций, в которых бы рассматривался вопрос об инструментах формирования рассматриваемого феномена, имеющих абсолютное значение и не зависящих от типа социальности, в русле которой он рассматривается (нация, культура и т.д.). Не ясно, что заставляет человека отождествлять себя с определённой культурой, в том числе национальной, принимать или отвергать национальные культурные ценности. Сама по себе социокультурная (национально-культурная) идентичность не сформируется, это не стихийный, а направленный процесс, осуществляемый, по-нашему мнению, прежде всего в контексте социальной памяти и социального характера, выполняющими в данном случае не только социализирующую, но и культурно-воспитательную функции. Социальная память фундирует духовное пространство как отдельного человека, так и социальной общности, выступая, с одной стороны, «социальным фильтром» при формировании социального характера, с другой – обуславливая инвариантность и устойчивость ментальных характеристик, предполагающих тождественность субъекта с социальной общностью.

В философии поиск всеобщих, устойчивых, фундаментальных структур духовного мира субъекта, обеспечивающих его идентификационную интенцию, имеет давнюю традицию, истоки которой уходят в древнеиндийские представления об Атмане и Брахмане. Атман как одно из центральных понятий древнеиндийской философии означает имманентный субъективный духовный цент, который не сводится ни к чувствам, ни к разуму и представляет глубинную суть человеческого «Я». Через Атман человек реализует фундаментальное единство с другими людьми, объектами, с космосом в целом. Это возможно вследствие того, что Атман является частицей мирового духовного абсолюта – Брахмана, его субъективно-личностным аспектом. Мифологический характер понятия «Атман» в древнеиндийской философии не может, конечно, напрямую вывести к характеристике механизмов идентификационного процесса, но эвристическая идея о сохранении в духовном мире человека через индивидуальное, субъективное духовное объективного духовного может служить методологической предпосылкой рассмотрения влияния социальной памяти, социального характера и менталитета на социокультурную идентификацию субъекта.

Гносеологические основания дискурса о концентрации в духовном пространстве субъекта мирового опыта познания, социальной памяти формируются уже в античной традиции (теория Платона о познании как анамнезисе), транслируются в Новое время (декартовская концепция «врожденных идей» и кантовские априорные формы), утверждаются в современной философии (идея М. Фуко об априорных дискурсивных формациях или исторических системах мыслительных оснований культуры, предопределяющих опыт и поведение человека и социальных групп) и науке (требования аксиоматичности научного познания). В философии двадцатого века, ознаменованной «антропологическим поворотом», наряду с гносеологическим анализом устойчивого инвариантного слоя в духовном мире (всеобщих априорных форм) возникает и все более усиливается социокультурная тенденция исследования оснований причастности человека к социальным параметрам. Она берет начало в концепции К.Г. Юнга, разработавшего понятие «архетип». Юнг, будучи учеником и последователем З. Фрейда, в результате исследования психики человека, анализа разнообразных клинических случаев, связанных с нарушением психической деятельности, пришел к выводу о том, что в структуре духовного мира человека кроме личностного бессознательного, которое, как считал Фрейд, составляют сексуальные и агрессивные инстинкты, подчиняющие себе всю жизнь человека, существует более глубокий пласт психики – коллективное бессознательное, которое обладает всеобщей сверхличной природой. В коллективном бессознательном эксплицирована память

человечества, сконцентрированы мысли и чувства, единые для всех людей и выступающие итогом эмоционального прошлого землян. Юнг рассматривает коллективное бессознательное как базовую структуру человеческой психики, как своеобразную кладовую общечеловеческой мудрости. В отличие от личного бессознательного, составляющего как бы верхний слой бессознательного, в котором отражается индивидуальный опыт человека (то, что Фрейд называет «вытесненным»), в коллективном бессознательном отражается опыт предшествующих поколений, всего человеческого рода, поэтому оно надличностно, внеличностно, сверхличностно. Содержание коллективного бессознательного, которое складывается как запоминание мирового исторического опыта, одинаково для всего человечества и передается от поколения к поколению, составляют первичные психологические образы – архетипы. Думаем, что архетипы – своеобразный вариант врожденных идей Декарта, то глубинное содержание духовности, сохраненные в социальном наследовании предрасположенности, установки, заставляющие всех людей воспринимать определенные ситуации и реагировать на них определенным образом. Коллективное бессознательное Юнг называет объективно-психическим, а личное бессознательное – субъективно психическим [2, с. 105]. В рамках исследования социальной памяти и менталитета как глубинной основы идентификационных процессов, важно заметить, что совокупность архетипов возникает как обобщение и закрепление в психике опыта предшествующих поколений, который наследуется новыми поколениями. Юнг впервые поставил проблему соотношения личностного (индивидуального) и коллективного (социального) в сфере бессознательного, тем самым акцентировав выход на идею менталитета как глубинного уровня духовного мира человека и общества, как формы существования социальной памяти, аккумулирующей социальный опыт в духовных формах и передающей его каждому своему члену от поколения к поколению. Согласно Юнгу, существует определенная наследуемая структура психического, развивавшаяся сотни тысяч лет, которая заставляет каждого человека переживать свой жизненный опыт в тех же эмоционально-когнитивных структурах, которые были характерны для отдаленных прошлых поколений. Бессознательное как совокупность архетипов, утверждает швейцарский психоаналитик, является осадком всего, что было пережито человечеством, вплоть до его самых темных начал. Но не окаменевшим осадком, не застывшей структурой, а живой системой установок и диспозиций, которая латентно, но достаточно действенно определяет индивидуальную жизнь.

Юнг говорит о коллективном бессознательном только по отношению к человеку, однако его идея может быть развита до уровня общественного сознания и получить свое выражение в таких трудно определяемых понятиях как «историческая память», «социальная память», «национальный дух», которые могут быть соотнесены с понятием коллективного бессознательного. Однако социальная память, функционирующая в национальном, народном духе, воплощаемая в субъективной духовности, не может быть сведена к иррациональным бессознательным аспектам. Указанная форма памяти включает процессы накопления, хранения и трансляции информации о социально-значимых явлениях социальной истории и рассматривается как надперсональный символический мир культуры, основой которого является, если использовать терминологию Гегеля, объективный дух, воплощающий в себе все достижения человеческой мысли. Язык, книги, традиции, техника и даже предметы быта позволяют каждому индивиду усвоить богатства духовного содержания, выработанного человечеством за всю его предшествующую историю, превратить потенциал природно-биологических предпосылок для осуществления мыслительной духовной деятельности (в виде генетической программы развития мозга) в реально функционирующее познающее творческое человеческое мышление, расширяющее сферу духовного бытия человека. Таким образом, философская трактовка социальной памяти в широком смысле в принципе тождественна гегелевскому объективному духу, неразрывно связанному с духовной культурой отдельного человека – субъективным духом [3, с. 45], питающимся культурным наследием человечества. Можно согласиться с авторами, утверждающими, что «человек, в сущности, есть не что иное,

как его прошлое. Он не мог бы осмысленно жить без того, чтобы снова и снова не проигрывать свою жизнь, не беседовать со своими умершими как с живыми, не воображать, что было бы, если бы некоторые события в прошлом не произошли или произошли совсем по-другому... Погружаясь в воспоминания, человек погружается в стихию духа, поскольку того, что он вспоминает, нет как объективной реальности, это чистая виртуальность, и в то же время, только то, что живет в памяти, в полном смысле слова есть, потому что, раз случившись, оно уже существует всегда» [4, с. 180]. Поскольку субъективное есть воплощение объективного, то, очевидно, идентичность с настоящим определена прошлым, задана им, сформирована под его влиянием. Данное обстоятельство выступает основанием манипуляции сознанием, конструирования идентичности, востребованной идеологическими установками социума на определенных этапах его развития. Например, западные исследователи полагают, что тексты о событиях Октябрьской революции, излагаемые в книгах, учебниках истории, кинофильмах, официальных речах (то есть идеологически оформленное прошлое), были основным языком, внутри которого бывшие граждане царской империи могли артикулировать и осознавать себя членами нового, коммунистического общества, которое предоставило своим гражданам радикально трансформированный политический и лингвистический ландшафт. Октябрьская революция могла осмысливаться только внутри этого ландшафта, определяемого не географически, но концептуально. Вне его Октябрь существовал не как революция, а только как переворот [5, р. 12].

Идентичность субъекта контекстуруется не только социальной памятью, но и возникающим на её основе социальным характером. Развивая идеи Юнга о коллективном бессознательном, Э. Фромм формулирует понятия «социального бессознательного» и «социального характера», последнее из которых соотносится с важным для понимания процессов идентичности, понятием менталитета. Понятие «социального бессознательного», введенное Фроммом коренным образом отличается от коллективного бессознательного, разрабатываемого Юнгом: если Юнг рассматривал коллективное бессознательное как своеобразную память предков, заложенную в структуры мозга и создающую возможность определенной духовной деятельности, то Фромм понимает под социальным бессознательным отчасти то же, что и Фрейд. Фрейд говорил об индивидуальном бессознательном, имея ввиду то содержание сознания, которое индивид вытесняет, поскольку оно не соответствует частным условиям его жизни. Фромм, говоря о социальном бессознательном, имеет в виду вытесненное содержание, присущее большинству людей, а именно: вытесняются те элементы жизнедеятельности (мысли, поступки, отношения и т.п.), которые общество не может позволить своим членам рационализировать, сделать мотивом поведения, то против чего данное общество борется. Рассматривая соотношение понятий «социальное бессознательное» и «менталитет» можно, конечно, отметить, что входящие в его структуру фундаментальные, устойчивые элементы духовного мира субъекта кроме позитивной ориентации (ориентации на следование позитивным духовным ценностям), содержат также элементы, запрещающие человеку какие-либо действия, осуждающие какие-либо духовные ценности. Человек, как существо социальное, вытесняет из своего сознания все, что осуждается обществом и закрепляет эту негативную ориентацию, предложенную обществом в глубинных слоях своего духовного мира. В этом случае идентичность предполагает ориентацию на культурные смыслы, поддерживаемые репрезентативной социальной группой, одобряемые сообществом. Социальное бессознательное, согласно современным исследованиям, рассматривается как структурный слой социальной памяти. В рамках данного взгляда (далеко не бесспорного) в структуре социальной памяти выделяются следующие слои:

- социальное бессознательное, наследуемое генетически и включающее архетипы, психологические этнические особенности, социальные инстинкты (сочувствие, взаимопомощь, «потребность в другом человеке», подчинение лидеру и т.п.);

- культурное наследие (передаваемое, надо полагать, в процессе социального наследования), включающее неовещественную (неопредмеченную) часть, представляющую содержание общественного сознания (национальный язык, обычаи, навыки, знания и умения), полученное от предшествующих поколений или созданное данным поколением; и овещественную (опредмеченную) часть, состоящую из памятников культуры в виде артефактов, документов (специальных коммуникационных сообщений) и освоенной обществом природы [6].

Социальная память составляет основу социального характера, который рассматривается Фроммом как центральный элемент структуры характера, свойственный большинству представителей данной культуры [7, с. 330]. Социальный характер – это способ, с помощью которого энергия людей того или иного общества направляется в определенное русло вследствие того, что они обладают одной и той же мотивацией, восприимчивы к одним и тем же идеям и идеалам. Характер – особенности человека, проявляющиеся в его манерах, поступках, складе ума. Характер определяет все происходящие в человеке изменения, а также его способность сопротивляться внешним влияниям, выступая своеобразным аттрактором, притягивающим всё, что представляет из себя человек. Фромм обосновал идею, что нации, социальные общности или классы того или иного общества обладают специфичной для себя структурой характера, общей для большинства представителей данной нации, социальной общности или класса. Этот характер задан социальной системой достаточно жестко: члены общества, различных социальных групп и классов вынуждены вести себя так, чтобы иметь возможность функционировать в соответствии с требованиями социальной системы. Естественно, что для принятия этих требований субъект должен идентифицироваться с социальной системой. В этом Фромм видит функцию социального характера – задать всем членам общества такую социокультурную матрицу восприятия действительности и выбора способов поведения, чтобы при наступлении соответствующей ситуации им бы не приходилось размышлять о том, стоит ли соответствовать предписываемому социальному правилу или нет, но чтобы люди бессознательно стремились поступать так, как задано обществом, и одновременно, чтобы они испытывали удовлетворение, действуя в соответствии с определенными социокультурными требованиями. Таким образом, социальный характер, формирующийся на основе социальной памяти, служит своеобразным социально-психологическим контекстом обеспечения идентификации субъекта и социальной общности.

Можно предположить, что изменение содержания социальной памяти влечет изменение социального характера, в результате чего меняются идентификационные маркеры субъекта. Рассмотрим механизм такого изменения на примере изменения содержания социальной памяти россиян по отношению к реформам 1990-х гг. Социологическое исследование «Двадцать лет реформ глазами россиян», проведенное Институтом социологии РАН в 2011 г. [3], показало, что в сознании жителей России, в их оценках собственной реакции на события начала 1990-х гг. по-прежнему жива память о том общественном расколе, который эти события за собой повлекли. Общественное сознание в 2011 г., как и десять лет назад (в 2001 г.) воспроизводит картину противостояния двух групп российского общества – сторонников и противников реформ. Вместе с тем социологи отмечают, что воспоминания бывших сторонников реформ «блекнут» быстрее, чем воспоминания их противников. И если эта тенденция сохранится, то через некоторое время опросы о том, на чьей стороне наши сограждане были в начале реформ, уже не смогут подтвердить тот исторический факт, что реформы начали проводиться при поддержке относительного большинства россиян [8, с. 14]. Интересно заметить, что среди сторонников реформ в настоящее время доминируют представители молодежи, идентифицирующие себя с современными модернизируемыми российскими реалиями, то есть с настоящим. Поколение, которому на момент начала реформ было 40 лет и больше, в 2011 г. оценивает их отрицательно, причем, чем люди старше, тем степень недовольства реформами выше [8, с. 15]. Этим людям, социальный характер которых сформировался в условиях

консерватизма и государственного патернализма, пришлось радикально менять устоявшуюся в предшествующие годы жизнь и подавляющее большинство не смогли сделать это без потерь, поэтому идентифицировать себя в настоящем многим не удалось. Данная ситуация позволяет сделать вывод о нарастании в настоящее время идентификационного разрыва поколений: традиционный конфликт «отцов и детей» воспроизводится в новых исторических условиях, свидетельствующих о нарушении тождественности прошлого и настоящего.

Возрастание интереса к социальной памяти, историческому опыту сегодня рассматривается как актуализированная потребность общества, поскольку в этом пространстве социальной жизни содержится значительный воспитательный потенциал [9]. Социально-историческая память обеспечивает связь поколений, их сотрудничество, преемственность исторического опыта, создает условия для идентификационного сближения, взаимопонимания и сотрудничества людей в различных сферах деятельности. В последние годы память об историческом пути, пройденном российским народом, стала инициатором активности людей, их сплочения, инициировала рост национального самосознания. Стало ясно, что мировоззренческий и воспитательный потенциал социальной памяти представляет мощный инструмент социальных преобразований, вследствие чего активизация этого потенциала в интересах развития общества, достижения солидарности разных социальных групп должна рассматриваться как важная социальная задача.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Кто мы?» Проблема формирования национально-культурной идентичности в современной России: коллективная монография / под ред. А.В. Костиной. М.: МГУ, 2011. 312 с.
2. Юнг К.Г. *Психология бессознательного*. М.: Канон, 1994. 320 с.
3. Гаранина О.Д. Феномен социальной памяти в духовной эволюции человечества // *Научный Вестник МГТУ ГА*. 2014. № 203. С. 43-48.
4. Губин В.Д., Некрасова Е.Н. *Человек в трех измерениях*. М.: РГГУ, 2010. 321 с.
5. Corney F.C. *Telling October: Memory and the making of the Bolshevik Revolution*. Ithaca; London, Cornell University Press, 2004. 412 p.
6. Соколов А.В. *Общая теория социальной коммуникации*. [Электронный ресурс]. URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/sokolov_social_communication/4.aspx (дата обращения 09.10.2014).
7. Фромм Э. *Душа человека*. М.: Республика, 1994. 430 с.
8. *Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров* / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2011. 328 с.
9. Мамедова Н.М. Традиции в социокультурной ретроспективе // *Научный Вестник МГТУ ГА*. 2014. № 203. С. 56-61.

THE IDENTITY OF THE PAST AND PRESENT: CONTEXTS OF SOCIAL AND CULTURAL IDENTIFICATION OF THE SUBJECT

Garanina O.D.

The characteristic of national and cultural identity as necessary basis of unity of the subject and social community is given. Psychological, axiological and cognitive aspects of identity are allocated. The content of categories of social memory, social character and mentality as mechanisms of formation of social identity of the subject is defined. Social memory is considered as an embodiment of objective spirit (last historical experience of the mankind) forming the mental features of the subject acting as an identification matrix by means of social character. The dominating role of social memory in relation to social character and mentality in an identification context is proved.

Keywords: identification, national and cultural identity, sociocultural identity, social memory, social character, mentality.

REFERENCES

1. «Kto my?» Problema formirovaniya natsional'no-kul'turnoy identichnosti v sovremennoy Rossii: kollektivnaya monografiya. M.: MGU. 2011. 312 p. (In Russian).
2. Yung K.G. *Psihologiya bessoznatel'nogo*. M.: Kanon. 1994. 320 p. (In Russian).

3. **Garanina O.D.** Fenomen social'noj pamjati v duhovnoj jevoljucii chelovechestva. *Nauchnyj Vestnik MGTU GA*. 2014. № 203. Pp. 43-48. (In Russian).
4. **Gubin V.D., Nekrasova E.N.** *Chelovek v treh izmereniyah*. M.: RGGU. 2010. 321 p. (In Russian).
5. **Corney F.C.** *Telling October: Memory and the making of the Bolshevik Revolution*. Ithaca. London. Cornell University Press. 2005. 412 p.
6. **Sokolov A.V.** *Obschaya teoriya sotsial'noy kommunikatsii*. URL: http://www.sbiblio.com/BIBLIO/archive/sokolov_social_communication/4.aspx (accessed 7 February 2013). (In Russian).
7. **Fromm E.** *Dusha cheloveka*. M.: Respublika. 1994. 430 p. (In Russian).
8. *Dvadtsat' let reform glazami rossiyan: opyt mnogoletnikh sotsiologicheskikh zamerov*. Pod red. M.K. Gorshkov, R. Krumm, V.V. Petukhov. M.: Ves' mir. 2011. 328 p. (In Russian).
9. **Mamedova N.M.** Tradicii v sociokul'turnoj retrospektive. *Nauchnyj Vestnik MGTU GA*. 2014. № 203. Pp. 56-61. (In Russian).

Сведения об авторе

Гаранина Ольга Денисовна, окончила МГУ им. М.В. Ломоносова (1973), профессор, доктор философских наук, почетный работник науки и техники РФ, действительный член Международной академии информатизации, член Европейской академии естествознания, член Российской академии естествознания, профессор кафедры гуманитарных и социально-политических наук МГТУ ГА, автор более 180 научных работ, область научных интересов – социальная философия, философская антропология, философия науки и техники, социология управления.

УДК 130.122

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ю.В. МУХЛЫНКИНА

Этническая идентичность рассмотрена как сложное и многоаспектное социальное явление, которое характеризуется осознанием индивидом (группой) своей принадлежности к определённой этнической общности, пониманием, оцениванием и переживанием своего членства в ней. Показана сложность и многоплановость процесса формирования этнической идентичности. Достоинством статьи является анализ широкого спектра факторов и детерминант формирования этнической идентичности. Автор относит к ним этническую социализацию в семье и в обществе в целом, влияние исторической памяти, социально-экономических, политических и духовных факторов жизни общества.

Ключевые слова: этнос, этническая идентификация, этническая социализация.

На рубеже XX-XXI вв. этнические и национальные конфликты, возникновение и рост этнонационалистических идеологий и движений стали реальностью во многих странах мира. Подобное этническое возрождение стало неожиданностью для многих учёных и действующих политиков, пребывавших в уверенности, что национальное оформление социума, по крайней мере в странах Европы и Северной Америки, завершено. Поэтому исследования проблемы этнической идентичности являются весьма актуальными, поскольку помогают понять, как и почему в жизни человека актуализируется и выходит на первый план его этническая принадлежность, почему она приобретает гипертрофированные формы и играет для него столь важное значение.

Этническая идентичность – это сложное и многоаспектное социальное явление, которое характеризуется осознанием индивидом (группой) своей принадлежности к определённой этнической общности, пониманием, оцениванием и переживанием своего членства в ней. Это взаимодействие духовного мира личности и общественного сознания, познавательного-эмоционального процесса самоопределения индивида (общности) в социокультурном пространстве. Он связан с отождествлением с историческим прошлым, настоящим и будущим этноса и его культурой. В процессе этнической идентификации у человека (общности) формируются:

- устойчивое чувство «мы», основанное на определённых параметрах этногенеза: генетико-биологическом (родовые корни), климатогеографическом (историческая территория) и социокультурном (история своего народа, символы его культуры, искусства, религии и др.), образующихся в процессе историко-культурного развития общности;
- видение мира и жизни по принципу «свой-чужие», «мы-они» и готовность к сходному с представителями своей этнической группы образу мыслей и действий;
- определённое ценностное отношение индивида к себе и другим, обществу и окружающему миру;
- тип самоопределения индивида в социальном и культурном пространстве;
- образ жизни человека (стиль жизнедеятельности, стиль общения, стиль активности и т.д.).

Признавая активную роль самого человека в идентификационных процессах, можно констатировать субъективно-психологический характер этнической идентичности. Но мы не разделяем распространённое среди сторонников конструктивистского понимания этничности представление о ней, как о воображаемом конструкте, зависящем только от самого субъекта [1]. Целью данной статьи является выяснение того, что влияет на формирование и сохранение у человека (общности) этнической идентичности.

Становление этнической идентичности продолжительный процесс, который включён в развитие сознания в целом. Одной из первых концепций развития сознания принадлежности к этнической общности была концепция Ж. Пиаже. В его исследовании 1951 г. было проанализировано формирование понятия «Родина» и образов «других стран». Он отметил, что эти представ-

ления складываются одновременно и являются двумя сторонами единого процесса, в ходе которого и происходит развитие этнической идентичности. Это связано с созданием у индивида определённых познавательных моделей, ответом на которые являются этнические чувства. Согласно Пиаже первые фрагментарные и бессистемные знания о своей этнической принадлежности ребёнок приобретает к 6-7 годам. В возрасте 8-9 лет он уже не просто повторяет полученную от родителей информацию, а может её систематизировать. Он начинает достаточно четко идентифицировать себя со своей этнической группой на основании национальности своих родителей, места проживания, родного языка. И только к 10-11 годам, в младшем подростковом возрасте его этническая идентичность складывается в полном объеме. Тогда для него становятся очевидны и понятны особенности своего и отличия других народов. Он может отметить уникальность родной истории, особенности политического устройства, специфику традиционной бытовой культуры и др. [9].

Этническая идентичность появляется в результате процесса социализации личности, как следствие усвоения языка и определённого объема духовной культуры своего народа (научные знания, национальные верования, нормы морали, художественные и эстетические достижения и др.). Огромную роль в этих процессах играет семья. Преобладание родного языка как средства общения внутри семьи, соблюдение обычаев, обрядов и праздников, наличие в доме традиционных предметов быта, беседы на темы истории родного народа и этническая гордость определяют содержание этнической идентичности детей. Безусловно, большое значение в этом процессе имеют школы и иные образовательные организации и учреждения. Под руководством родителей (или иных значимых взрослых, общественных институтов) дети начинают следовать национальным традициям, обрядам, праздникам, усваивают привычки и нормы быта и др. Постепенно возрастает способность ребенка воспринимать, описывать, интерпретировать этнические признаки, усваиваются более сложные и неочевидные – общность предков, происхождения и истории.

Надо отметить, что постижение и осмысливание прошлого народа является одним из решающих факторов приобщения человека к духовной жизни своего этноса. Без исторической памяти нет этничности и нет этнической идентичности. В процессе понимания и принятия прошлого, его вхождения в актуальное пространство самосознания человека и общества происходит его переработка и усвоение. Это означает воздействие на всё общество и на всех его членов исторической памяти, проверенных временем и испытаниями традиций, идущих из прошлого и обеспечивающих связь времён. В.С. Полянский описывает значение исторической памяти как этно-консолидирующего признака и выделяет в ней несколько аспектов:

1. Этноисторическая память – знания об общности происхождения, о предках.
2. Социальная память – знания людей об образе и уровне жизни на различных этапах существования народа.
3. Политическая память – знания людей о формах государственного устройства, существовавших в прошлом. Наличие у этноса собственной государственности или хотя бы обладание ею в прошлом крайне важно для этнического самосознания. Утрата государственности (в независимости от её причин) влечет за собой болезненные эмоции, а достаточно часто и стремление её восстановить. Это может определять активность этноса в деле сохранения своей отличительности, своей культуры, что повышает уровень этнической идентичности его членов.
4. Социокультурная память – представления индивидов об истоках родного языка, народном эпосе, художественной культуре, традициях и обычаях, о моральных и социальных нормах и др. Полагаем, что именно этот аспект исторической памяти особенно способствует сохранению национального колорита, позволяет легко идентифицироваться этносом и дифференцировать его от других этнических общностей.
5. Конфессиональная память – представления индивидов о религиозных обрядах прошлого и принятии религии. При определенных условиях на какой-то период времени религия может выйти на первый план в этническом самосознании и оказывать решающее воздействие на пове-

дение людей в позитивном или негативном аспектах.

6. Память об исторически сложившихся формах общения с другими народами, опыте межнационального общения. По мнению В.С. Полянского, в исторических традициях и обычаях всех народов заложены уважительное отношение и терпимость к людям других национальностей и вероисповеданий [6, с. 17]. Но на наш взгляд, в исторической памяти не меньшее, а порой даже большее место занимают воспоминания о былых обидах и этнические предрассудки. Именно они при любом столкновении интересов между этническими общностями (экономических, политических и др.) в настоящем времени становятся основой для разжигания вражды, националистических движений и т.п.

Таким образом, идентичность с прошлым крайне важна для сохранения этнической культуры и обретения полноценной этнической идентичности в настоящем. Но не менее важно поддерживать перманентный характер идентичности, чтобы она не стала своеобразным заповедником древностей, музеем, где экспонаты нельзя трогать руками. Поэтому важна и идентичность с настоящим, которая должна выражаться через насыщение актуального социального и культурного пространства образами современников, воплощающих лучшие нравственные, эстетические и иные качества родной культуры, и защита её ценностей. В настоящем этническая идентичность может выполнять очень важную для этноса функцию: функцию информационной защиты, выступая в роли «фильтра», способного сохранить самобытность национальных культур под напором чужеродного культурного воздействия. Ну и естественно у общности и индивида должна быть идентичность с будущим, т.е. определение жизненных целей и идеалов, которые, весьма желанны, но пока еще отсутствуют в действительности и для реализации которых необходимы усилия, действия, напряжение сил и т.п. Она предполагает предварительное проектное видение будущего в форме национальной идеи.

Фундамент исторической памяти закладывается в семье человека, через сохранение памяти о предках и привитие уважения к их традициям и достижениям. Но системные знания об истории своего народа индивид получает в процессе социализации в обществе. Особенности этнической социализации в обществе в целом являются одним из самых существенных факторов, влияющих на становление не только исторической памяти, но и всей этнической идентичности. Этническая социализация в масштабах всего общества зависит от социальных, экономических, политических и духовных процессов, происходящих в нём. Важную роль играет тот факт, ведут ли государство и общество политику самосохранения и воспроизводства этноса и его культуры. Если народ настроен на сохранение своей культуры и образа жизни, то тогда в обществе возможна нормальная этническая социализация. От государства и общества зависит формирование позитивных объединяющих этнос ценностей и норм, развитие взаимопонимания и согласия, предупреждение ксенофобии и экстремизма.

Если рассмотреть конкретнее, то этническая социализация в обществе детерминирована, прежде всего:

- законодательной базой (например, наличием и соблюдением законов о государственных языках, о национальном образовании, о религиях и вероисповедании; эффективностью миграционного законодательства и др.);

- проводимой демографической политикой, которая должна сопровождаться активной пропагандой со стороны государства и общественных организаций традиционных семейных ценностей, организации заботы о людях пожилого возраста как важных носителях традиций и опыта народа (должно обеспечивать связь поколений этноса, уважительное отношение к его истории) и т.п.;

- образовательными и молодежными программами, направленными, в том числе, и на предоставление подрастающему поколению знаний о родной культуре и сохранение её ценностей и т.п.;

- состоянием межэтнических отношений;

- наличием или отсутствием массовой миграции;

- эффективностью мер по охране памятников национальной культуры и защите окружающей среды и др.

Результатом этих мер и усилий является формирование в обществе устойчивого этнического личностного образца, идеала человека, и тогда на его достижение направляются все социализирующие воздействия институтов социализации: семьи, школы и других образовательных учреждений, ближайшего социального окружения и др.

Как правило, этнический статус человека остается неизменным на течение всей его жизни. Но все же этническую идентичность нельзя считать статичным явлением, формирование которого заканчивается в подростковом возрасте. Она весьма динамична. Внешние обстоятельства социальной жизни могут толкать человека любого возраста на переосмысление роли этнической принадлежности в его судьбе, приводить к трансформации этнической идентичности. Накопление жизненного опыта и знаний может привести к тому, что рыхлое этническое самосознание станет более устойчивым и даже изменится, буквально полностью реформируется. Этническая идентичность может вообще потерять значение для человека и быть им потеряна. Это связано с вышеперечисленными особенностями этнической социализации, с тем, что идентичность и её содержание детерминируется господствующими в обществе социальными отношениями, уровнем их стабильности и интегрированностью личности (общности) в эти отношения.

На формирование, проявление и изменение этнической идентичности влияют политические, социально-экономические, психологические, идеологические и другие факторы. Такими факторами могут выступать степень политического участия представителей этноса в органах власти, роль правительства в жизни этноса, политические взгляды и идеи его интеллигенции; психологически обостренные чувства ущемленности или несправедливости, особенности социально-экономического статуса (образование, профессия, доход членов этноса) и этнического окружения.

На наш взгляд, на формирование и состояние этнической идентичности наибольшее влияние оказывают:

- 1) серьёзные изменения в межэтнических отношениях, вызванные кардинальными изменениями в социально-политической, экономической, духовной сферах;
- 2) однородность или неоднородность (гомогенность/гетерогенность) этнического окружения.

Рассмотрим первую группу факторов. Значимые события в социально-политической сфере в ряде случаев могут способствовать активизации и подъему этнической идентичности целого народа. Яркий пример этого – рост этнической идентичности титульных народов независимых государств, образовавшихся после распада СССР, который привел к возникновению ксенофобии государственного типа и различных форм этнократии. Причинами этого становится хорошо спланированная деятельность новых политических и экономических элит, которые грамотно используют в своих интересах любые факты былых ошибок, обид и дискриминации из советского и даже имперского прошлого. Рассмотрим несколько примеров.

После распада Советского Союза этническая идентичность превратилась в мощный политический ресурс в странах Прибалтики. В Латвии многие русские обречены быть «негражданами». Неграждане ущемлены в 58 правах, для них действует запрет на 19 профессий, им недоступны льготное налогообложение, безвизовые поездки, не гарантирована защита их интеллектуальной собственности и т.д. По сути дела для русских практически закрыта любая государственная и военная карьера, служба в полиции и таможне и др. В Эстонии же около 220 тысяч русских не имеют эстонского подданства, не имея при этом и российского гражданства. Они не могут участвовать в выборах, им также нет пути в государственные и силовые структуры [2, с. 729-730].

Русские в Эстонии и Латвии ущемлены не только законодательно, но и культурно. Закрываются русские школы, снижаются тиражи русской прессы, ограничивается вещание на русском языке, происходит переписывание истории и др. В Эстонии мы наблюдаем стратегию языковой унификации фактически двуязычного общества в качестве центральной идеи внут-

ренной политики, которая имеет явно выраженный ассимиляторский уклон [7].

Но пожалуй, как самый яркий пример на постсоветском пространстве можно привести деятельность официальных властей Украины. С 2005 г. в основание своей гуманитарной политики они заложили стремление радикально изменить ценности и мировоззренческие установки граждан Украины в отношении их этнической и культурной идентичности, зародившейся в Древней Руси и оформившейся в общих с народами России формах государственности – Российской империи и СССР. Цель националистов – полная смена украинцами (а вместе с ними и гражданами неукраинского происхождения) сложившихся представлений о самих себе как об этносе, что и является сменой этнической идентичности. Все усилия власти сосредотачивались на радикальной и полной смене объектов этнокультурной идентификации украинского населения по всем параметрам, из которых она состоит. Пересмотру подвергались буквально все исторические периоды, знаковые события истории, которые были традиционными символами русско-украинского единства. Не оставили без внимания и ценности, образ жизни, ритуалы, праздники, которые за время совместной истории стали общим русско-украинским достоянием, неотъемлемой составляющей образа жизни и культур обоих народов. Яркими примерами могут служить культ ОУН-УПА, фальсификация истории так называемого «голодомора» 1932-1933 гг., героизация таких антигероев истории обеих стран и даже Европы, как С. Бандеры, Р.И. Шухевича, гетмана Мазепы и т.п. Ниспровержению подвергается всё, что, так или иначе, связано с русской составляющей украинской этнокультурной идентичности [5].

Апофеозом всех этих процессов, конечно, стали события, последовавшие за государственным переворотом февраля 2014 г. Только тогда для многих стал понятен масштаб трагедии, величина той пропасти, которую заботливо создали украинские идеологи «самостийности и незалежности», взрастив на новых школьных программах и учебниках поколение прыгающих на площадях под страшные и безумные лозунги подростков, свято верящих, что их главный враг – тот, кого всего лишь несколько десятков лет назад их родители называли братьями. Это страшный пример того, к чему ведёт потеря исторической памяти и манипуляции с этнической и национальной идентичностями.

Мы полностью согласны с мнением В. Малахова, который писал: «вера в то, что государственно-политическая общность прочна лишь тогда, когда опирается на этнокультурную однородность, – один из самых трагических предрассудков XX в. Политика, направленная на форсирование гомогенности общества, неизбежно сопряжена с насилием, влекущим за собой ответное насилие, и потому часто имеет обратный результат» [3, с. 15]. И этим обратным результатом стало пробуждение этнической идентичности у многих русских жителей бывших союзных республик. Многие из них в серьёз задумались о том, что они русские именно тогда, когда столкнулись с дискриминацией и увеличением культурной дистанции с «титовым» этносом. Всё это привело к тому, что этническая принадлежность человека начала определять его место в обществе, комплекс его прав и обязанностей и стала одной из важнейших характеристик его бытия. Из всего этого становится ясно, что позитивная этническая идентичность народа и личности может сформироваться как благодаря успехам народа в области экономического роста и достижению устойчивого авторитета в политике, так и в обратных ситуациях. Поэтому влияние социально-политических, экономических и духовных факторов на состояние этнической идентичности весьма сложно оценить однозначно.

Безусловно, огромное влияние на формирование этнической идентичности оказывает духовная сфера жизни общества. Духовная культура народа более других сторон жизни этноса связана с этнической идентичностью. Этничность не может нормально формироваться и сохраняться при серьёзных трансформациях духовной культуры. Изменения в идеологической, религиозной и языковой сферах, в обычаях, обрядах, нормах поведения, морали и права, в народном творчестве и прикладном искусстве незамедлительно сказываются на процессе этнической социализации и состоянии этнической идентичности.

Вторая группа факторов, влияющих на формирование и проявления этнической идентичности, – однородность/неоднородность (гетерогенность/гомогенность) этнического окружения. Осознание этнической принадлежности значительно зависит от того, живут ли люди в полиэтнической или моноэтнической среде. В настоящее время практически не существует моноэтнической среды. В основном человек растет и развивается в полиэтническом окружении. Процесс формирования этнической идентичности в полиэтнической среде начинается раньше, и индивиды получают больше информации о различиях между разными этническими группами.

Если опыт межэтнического общения отсутствует, то это определяет, с одной стороны, меньшую склонность к подобным контактам, т.к. у индивида не формируются коммуникативные навыки, а с другой стороны, он проявляет значительно меньший интерес к собственной этничности. В таких случаях формирование этнической идентичности проходит более гладко, без выраженных кризисов и трансформаций.

Если человек живет в полиэтнической среде, то этническая идентичность осознается им более четко, а знания о различиях между общностями приобретаются раньше. Но скорость формирования этнической идентичности и полнота знаний о своей принадлежности к определенному народу во многом зависят от того, принадлежит ли человек к группе этнического большинства или группе меньшинства. Исследования психологов показали, что представители этнического большинства могут даже не думать о своей этничности, в то время как для членов этнического меньшинства их этническая идентичность становится, как минимум вынужденной, а связанные с ней проблемы жизненно важными [8, с. 208-211]. То есть на определение собственной этнической принадлежности значительное влияние оказывает осознание статуса этноса в социальной структуре общества. Но в полиэтнической среде вероятна и другая ситуация. В условиях неконфликтных межэтнических отношений возможна некоторая размытость этнической идентичности, её маргинализация. И эта тенденция не противоречит вышеописанному.

Исследуя этническую идентичность, невозможно обойти социально-психологический ракурс проблемы. Живя в полиэтнической среде, человек вольно и невольно производит сравнение. В его поле зрения всегда есть «Другой», через понимание инаковости которого познается специфика «Своего». Если в результате этого он выявляет положительные отличия своей группы от чужой, то это порождает её высокий престиж, а отрицательные – низкий. Этническая идентичность может иметь как негативный, так и позитивный эмоциональный фон. И то, что этническая идентичность может носить определенный эмоциональный окрас – важно, т.к. именно от этого часто зависит, какую форму она приобретает.

Подводя итоги, мы можем констатировать, что рождаясь, любой человек попадает в определенную, объективно заданную этническую среду, которая воспринимается им изначально неосознанно. В процессе онтогенеза посредством социализации и инкультурации осуществляется интериоризация имеющихся знаний, традиций, обычаев, правил, норм поведения и т.д. своего этноса. Этническая социализация, в процессе которой происходит усвоение этнокультурных знаний, умений и навыков, выступает необходимым и важнейшим фактором возникновения и развития этнической идентичности. При этом идентичность и её содержание детерминируется господствующими в обществе социальными отношениями, уровнем их стабильности и интегрированностью субъектов в них. По мере усвоения этнокультурных образцов личность экстериоризируется в ходе своей жизнедеятельности в присущей только ей субъективной форме самовыражения, носящей как рациональные, так и эмоциональные отношения. При этом надо учитывать, что даже в зрелом возрасте сложившаяся структура этнической идентичности не является чем-то непоколебимым, поскольку этническая идентичность подвижна и подвержена внешним воздействиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий* / под ред. Ф. Барта / пер. с англ. М.: Новое изд-во, 2006. 198 с.
2. **Калашников М., Кугушев С.** Третий проект. Погружение: книга расследование. М.: АСТ: Астрель, 2005. 766 с.
3. **Малахов В.** *Скромное обаяние расизма и другие статьи*. М.: Модест Колеров и «Дом интеллектуальной книги», 2001. 176 с.
4. **Некрасов С.И., Некрасова Н.А.** Особенности формирования научных знаний // *Научный Вестник МГТУ ГА*. 2008. № 129. С. 43-48.
5. **Пироженко В.** *Смена украинской идентичности как цель гуманитарной политики националистов*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.odnarodyna.ru/author/16.html> (дата обращения 10.11.2009).
6. **Полянский В.С.** *Историческая память в этническом самосознании народов*. [Электронный ресурс]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/289/137/1231/002_Polyanskiy.pdf (дата обращения 18.11.14).
7. *Русский язык в культуре, социальном и политическом процессе республик Прибалтики. Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ)*. М., 2011. 128 с.
8. **Стефаненко Т.Г.** *Этнопсихология*. [Электронный ресурс]. URL: http://pedlib.ru/Books/3/0371/3_0371-205.shtml#book_page_top (дата обращения 03.04.2012).
9. **Piaget J., Weil A.M.** The development in children of the idea of the homeland and of relations with other countries // *International Social Science Bulletin*. 1951. Vol. 3. Pp. 561-578.

ON THE FORMATION OF ETHNIC IDENTITY

Muhlynkina Yu.V.

The article is devoted to the analysis of essence, the contents, formation and development of ethnic identity of the personality (community). The problem of formation of ethnic identity is considered. Complexity and diversity of this process is shown. The advantage of article is the analysis of a wide range of factors and a determinant of formation of ethnic identity. The author refers to them ethnic socialization in a family and in society in general, influence of historical memory, social and economic, political and spiritual factors of life of society.

Keywords: ethnic group, ethnic identity, ethnic socialization.

REFERENCES

1. *Jetnicheskie grupy i social'nye granicy: Social'naja organizacija kul'turnyh razlichij*. Pod red. F. Barta. Per. s angl. M.: Novoe izd-vo. 2006. 198 p. (In Russian).
2. **Kalashnikov M., Kugushev S.** *Tretij proekt. Pogruzhenie: kniga rassledovanie*. M. AST: Astrel'. 2005. 766 p. (In Russian).
3. **Malahov V.** *Skromnoe obajanie rasizma i drugie stat'i*. M.: Modest Kolerov i «Dom intellektual'noj knigi». 2001. 176 p. (In Russian).
4. **Nekrasov S.I., Nekrasova N.A.** Osobennosti formirovanija nauchnyh znanij. *Nauchnyj vestnik MGTU GA*. 2008. № 129. Pp. 43-48. (In Russian).
5. **Pirozhenko V.** *Smena ukrainskoj identichnosti kak cel' gumanitarnoj politiki nacionalistov*. URL: <http://www.odnarodyna.ru/author/16.html> (accessed 10.11. 2009). (In Russian).
6. **Poljanskij V.S.** *Istoricheskaja pamjat' v jetnicheskom samosoznanii narodov*. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/289/137/1231/002_Polyanskiy.pdf (accessed 18.11. 2014). (In Russian).
7. *Russkij jazyk v kul'ture, social'nom i politicheskom processe respublik Pribaltiki. Institut diaspori i integracii (Institut stran SNG)*. M. 2011. 128 p. (In Russian).
8. **Stefanenko T.G.** *Jetnopsihologija*. URL: http://pedlib.ru/Books/3/0371/3_0371-205.shtml#book_page_top (accessed 03.04 2012). (In Russian).
9. **Piaget J., Weil A.M.** The development in children of the idea of the homeland and of relations with other countries. *International Social Science Bulletin*. 1951. Vol. 3. Pp. 561-578.

Сведения об авторе

Мухлынкина Юлия Владимировна, окончила ОрГУ (2000), кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии МГУПС (МИИТ), автор 13 научных работ, область научных интересов – культурология, социальная философия, этика.

УДК 324:008(470+571)

НОВЫЙ СТИЛЬ КУЛЬТУРОНАСЛЕДОВАНИЯ

Н.М. МАМЕДОВА

В статье анализируются особенности трансляции социокультурного опыта. Показано, что современный исторический этап связан с формированием единого демократического стиля отношения к культурному наследию прошлого. Он обусловлен глубинными закономерностями развития самой культуры, усилением интеграции во всех сферах жизни общества. В этом плане высвечивается особенность временного бытия культуры – наличие социальной памяти. Формирование общечеловеческих ценностей – это своеобразный итог истории культуры. В качестве ключевого механизма преемственного развития культуры все более осознается необходимость бережного, ответственного отношения к национальным культурам, к культурным богатствам человечества.

Ключевые слова: преемственность культуры, культурные универсалии, социальное время, культурное наследие, гуманизм.

Демократизация модернистского импульса и культура 1960-х гг. привели к формированию постмодернизма, основанного на признании равенства традиций, множественности тенденций в культуре. В результате складывается новый стиль отношения к культурному наследию прошлых эпох. Качественная определенность данного этапа социального времени состоит в переоценке человечеством своего отношения к прошлой культуре. Другая особенность момента – осознание взаимосвязи социального времени и социального пространства. Сама проблема сохранения культуры выдвигается в ранг глобальных проблем, затрагивающих интересы всего человечества. В свете сказанного по-новому предстает вопрос преемственности культуры как механизма, с помощью которого осуществляется ее трансляция, или иначе – проблема стиля наследования культуры, своеобразного типа отношения современного человека к культуре прошлого, к классике прежде всего. Этот процесс тесно связан с изменением в реальных способах освоения культурного наследия прошлого (роль средств массовой информации, компьютерной техники) в трансляции духовных ценностей. В динамично развивающемся мире возросла потребность в выявлении внутренних ценностей культуры, в ориентации на духовные константы, одной из которых является красота.

Тенденцию к поискам связующей нити в культурах различных цивилизаций выражают и зарубежные теоретики. Французский писатель, философ, общественный деятель Андре Мальро на торжественной церемонии по случаю открытия международной кампании по спасению памятников Нубии от затопления водами Нила говорил, что «красота стала одной из величайших загадок нашего времени, таинственной силой, связывающей творения египтян со статуями христианских соборов, ацтекских святилищ и пещерных храмов Индии и Китая с картинами Сезанна и Ван Гога, с величайшими шедеврами прошлого и настоящего, вошедшими в сокровищницу мировой культуры. Впервые человечество открыло для себя, что язык искусства универсален» [1, с. 5]. Осознание всеобщей мировой связи культуры является характерной приметой нашего времени.

Рассмотрение проблемы преемственности культуры возможно в ретроспективном плане и в плане взаимовлияния культур. Ретроспективный план предполагает выявление соотношения традиций и новаторства, субстанциальной общности культуры, взятой во временном существовании. Взаимовлияние культур связано с рассмотрением пространственных форм существования культуры. Как известно, вопрос о взаимовлиянии культур сам является определенной интеллектуальной традицией. В наиболее систематической, концептуальной форме возможность исторической преемственности цивилизаций отвергается в теории локальных цивилизаций. Однако эта теория абсолютизирует некоторые черты тех эпох, когда народы действительно существовали порознь, а взаимодействие было незначительным и

спорадическим. Ныне изменился тип исторического процесса. Антропологическое единство человечества все более становится единством культурно-историческим, которое находит свое выражение в осознании общечеловеческих глобальных проблем. На этой основе происходит становление универсальной культуры. Осознание единства общечеловеческих ценностей ведет к взаимопроникновению западной и восточной культурных традиций. В культуре в целом, как и в науке действует принцип дополнительности, сформулированный Нильсомором. Европоцентристская парадигма сменилась осознанием взаимодополняемости восточной и западной культуры. Глубинной причиной такой переориентации является кризис классического западного рационализма. Многие видные ученые приходят к выводу, что современная наука не способна понять мир в целом. Еще в прошлом веке европейская наука в лице своих лучших представителей сформировала эпистемологический вывод об относительности, приблизительности любого знания. В этой новой познавательной ситуации обнаружилась удивительная открытость европейской культуры, ее способность воспринимать, ассимилировать восточные традиции. Идет поиск многомерного понимания человеческой жизни, которая не может быть сведена только к рациональному началу. Причем речь идет не об отбрасывании разума, а о дополнении его другими основаниями духовной культуры. Этим объясняется влияние дзэн-буддизма, индуизма на европейскую культуру XX в., которое отразилось в художественном творчестве, в различных молодежных субкультурных движениях, во всей массовой культуре. Западная культура во второй половине XX в. переживает кризис рационализма, затронувший все ее типологические черты: культ разума, науки, установку на покорение природы, безразличие к экологическим последствиям. Вместе с тем ее достижения – неотъемлемый элемент общественно-исторического прогресса – и простой возврат к руссоистским идеалам, интеллектуальный луддизм не способны решить проблемы современности. Будущая рациональность, общее глобальное мироощущение могут быть созданы в результате взаимообогащения культур Запада и Востока, достигшего поразительных успехов в проникновении во внутренний мир человека и способах воздействия на него. Сам факт взаимопроникновения западных и восточных культурных традиций предполагает существование общих оснований культуры – культурных универсалий. Единая культура человечества – результат единых законов развития истории, общности интересов всех людей, закрепленных в нравственных, эстетических нормах. В этом плане высвечивается особенность временного бытия культуры – наличие социальной памяти, которая аккумулирует в материальных и духовных ценностях, в разнообразных знаковых системах накопленный человеческий опыт [1, с. 43-48]. Формирование общечеловеческих ценностей – это своеобразный итог истории культуры. Наиболее рельефно гуманистическое содержание культуры проявляется в искусстве, которое изначально ориентировано на мир человека, на постижение смысла человеческого существования, что сближает истинное искусство с философией.

Преимственность является внутренним законом развития искусства, которая обеспечивает прогресс художественной культуры. Преимственность проявляется на двух уровнях – формальном и содержательном [4, с. 101]. В сфере формальных приемов преимущество осуществляется через определенную, диктуемую коммуникативными функциями искусства, константность методов, средств реализации художественного замысла. Система изобразительно-выразительных средств складывалась веками, овладение ею составляет исходную предпосылку художественного творчества. Если формальная преимущество является очевидной, исторически фиксируемой, относится к области явлений, то содержательная преимущество искусства касается его сущности. Искусство является эмоционально-образным осмыслением человеческой жизни. В искусстве различных эпох, цивилизаций прослеживается некоторая общая концептуальная направленность, связанная с выражением человеческого начала бытия, с возникновением гуманистического мироощущения. Гуманистический идеал человечества формировался в ходе развития практического и

теоретического отношения к действительности и наиболее универсально воплотился в искусстве. В памятниках искусства древнего Востока, античности, Средневековья, Возрождения, Древней Руси воплощены многовековые мечты человечества о гармонии человека и общества, о цельном прекрасном человеке. Искусство различных эпох в большей или меньшей степени тяготело к отражению гуманистического идеала, различных аспектов гуманизма (в широком смысле слова). Академик Н. Конрад подчеркивал преемственный характер гуманизма Возрождения: «Не следует думать, что эта концепция гуманизма устраняла прежние. Она не могла бы это сделать: слишком драгоценны для человеческой жизни и культуры, для самой истории те были» [2, с. 233].

Современное искусство неизменно обращается к своим истокам – народному эпосу, изобразительному искусству, архитектуре. Так, специалисты-искусствоведы считают, что для современной культуры «не случаен интерес к художественному наследию Древней Руси. Здесь особенное значение имеют отдельные стороны Древнего искусства, ответившие потребностям ее бурной истории и национального подъема» [3, с. 5]. Это нашло отражение в стремлении к монументальности содержания и форм, в которых воплощены чувства величия мира, возвышенное ощущение связей всех и всего с судьбами мира. Древнерусское изобразительное искусство, архитектура, литература составляют наряду с художественным наследием других народов часть классического мирового культурного наследия. Таким образом, в искусстве помимо формальной преемственности прослеживается концептуальная, связанная с исторической преемственностью гуманистического идеала, который составляет некоторое инвариантное идеальное ядро искусства.

Особенность преемственности в искусстве состоит в том, что «потребление» художественной культуры не уничтожает ее ценность, а наоборот, сообщает им новую. Искусство обладает не только материальным бытием, но и идеальным, становится достоянием личности и реализуется вновь в ее деятельности. Выдающиеся произведения искусства наделены вневременной значимостью, историческим самодвижением. Наследие, например, А.С. Пушкина, воспринятое на уровне нового исторического самосознания, богаче, чем было раньше. Перед нами две ступени правды: первая – та, которую выразила классика, и вторая – та, которая выросла на ней вместе с историей. Всемирная история искусства представляет собой процесс обогащения человечества художественными ценностями, которые, отражая свою эпоху, приобретают всемирно-историческое значение. Новые художественные произведения не отменяют созданных ранее. В науке, например, все предшествующие открытия включаются в систему современных знаний, «поглощаются» ими. Поэтому в науке нет необходимости всякий раз обращаться к ее истокам и основам, к достижениям предшествующих эпох. Художественные произведения имеют значение не только с точки зрения их влияния на развитие искусства, но и обладают внеисторической самоценностью, становятся достоянием всего человечества. И в этом проявляется еще одна особенность социального времени – непреходящий характер явлений культуры, их вневременное самодвижение.

Современный исторический этап связан с формированием единого стиля отношения к культурному наследию прошлого. Он обусловлен глубинными закономерностями развития самой культуры, усилением интеграции во всех сферах жизни общества, переменами в социально-политическом облике планеты. Эти перемены повлекли переоценку ориентиров современной жизни, потребовали более серьезного социального анализа процесса передачи социокультурного опыта от поколения к поколению. Конец 1960-х – начало 1980-х гг. в западном обществе были отмечены движением антитрадиционализма, особенно ярко проявившемся в возникновении молодежной контркультуры. Антитрадиционализм сопровождает различные по своей направленности социальные движения. Антитрадиционализм, с точки зрения социально-культурного прогресса, может иметь нравственно положительный или нравственно отрицательный смысл. Он может быть проявлением борьбы с психологией потребительства, хищнического отношения к природе и

т.п., и в этом качестве имеет положительный смысл. Но антитрадиционализм может принимать самые причудливые, контркультурные формы. И в этом срезе он имеет разрушительные последствия в культуре. В середине 1980-х гг. в обществе, как отмечают западные социологи, произошла переоценка ценностей. Антитрадиционалистские движения уступили место консервативным силам. В сфере культуры это проявилось в возврате к классическим ценностям, что нашло яркое отражение в тяготении к классицизму в искусстве. В архитектуре – стиль «постмодерн», освобождение от функционального подхода. Возвращение к классике охватывает все сферы образа жизни, восстанавливаются глубинные ценности: семья, терпимость, взаимовыручка, верность.

Под влиянием осмысления новых явлений в социально-политической, культурной жизни прогрессивные ученые во всем мире приходят к выводу о неизбежности формирования единого демократического стиля наследования культуры. В качестве ключевого механизма преемственного развития культуры все более осознается необходимость бережного, ответственного отношения к национальным культурам, к культурным богатствам человечества. Прогрессивные силы человечества рассматривают этот процесс как становление подлинно гуманистического общения между людьми. Совместная деятельность по охране, реставрации культурных богатств в рамках ЮНЕСКО – свидетельство становления общепланетарного отношения к культурным ценностям, постепенного освобождения от исторической и этнической узости.

Выявление механизма преемственности развития человеческой культуры позволяет понять такие черты социального времени, как наличие культурной памяти, вневременных констант культуры, которые составляют инвариантное ядро различных исторических и региональных культур. Итак, несмотря на различие оснований, определяющих отношение мира и человека в отдельные исторические эпохи, несмотря на несхожесть национальных культур, есть нечто, благодаря чему существует единая культура, общий стиль отношения к культурному наследию, и это нечто выступает как преемственность культурного развития. Инвариантные основания обеспечивают взаимосвязь различных этапов культуры. Основанием являются культурные универсалии, среди которых особую вневременную значимость имеет красота, прекрасное. Генезис представлений о прекрасном, их онтологические предпосылки проясняют глубинные основы преемственности культуры.

Таким образом, все предшествующие этапы культуры имели универсальный смыслообразующий принцип, упорядочивающий жизнь человека и сообщества людей. Средневековье имело в Абсолютной идее Бога некую смысловую гармонию Истины, Красоты, Блага, которые выступали различными ее ипостасями. Эта гармония высших ценностей не могла устоять с рождением ренессансной культуры, ибо свободный человек в своем желании покорить мир стал следовать логике целенаправленного действия, вступающей в противоречие со средневековыми ценностями. Ренессансная ценность свободной индивидуальности требовала выработки общих национальных стереотипов поведения. Принцип индивидуальности предполагал выработку универсальных прав и свобод, норм поведения. Ф. Ницше впервые осознал трагический парадокс культуры – раскрепощение индивидуальности невозможно как итог массового процесса, который стандартизирует все уникальное. Индивид, призванный к постоянному самопревосхождению, может оказаться в ловушке собственных бескрайних возможностей, ибо ничто не мешает ему посягнуть на свободу другого. Творчество, лишённое универсальной смысловой перспективы, может быть использовано во зло людям. Поэтому современная культура в различных ее проявлениях пытается найти универсальные смыслообразующие ценности.

Вопрос о статусе гуманизма, его месте в системе ценностных координат, необходимых сегодня планетарному сообществу, не потерял своего значения. Гуманистическое наследие остается важным компонентом европейской культурной традиции. Однако есть отрицательные следствия в абсолютизации антропоцентризма. Нельзя забывать, что вырастая из жизненной

стихии, человек сам является ее частью, хотя его мысль постоянно заставляет дистанцироваться от нее. Ориентиры природы и жизни неминуемо должны войти в набор его универсальных ценностей. Гуманизм предполагает не только индивидуально значимое, но и родовое, общечеловеческое. Самореализация индивида должна ориентироваться на универсальные смысловые константы культуры Истины, Красоты, Добра.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Гаранина О.Д.** Феномен социальной памяти в духовной эволюции общества // *Научный Вестник МГТУ ГА*. 2014. № 203. С. 43-48
2. **Конрад Н.И.** *Запад и Восток*. М.: Прогресс, 2010. 496 с.
3. **Лихачев Д.С., Лихачева В.Д.** *Художественное наследие Древней Руси и современность*. Л.: Лениздат, 1971. 120 с.
4. **Мамедова Н.М.** *Культура: традиции и современность*. М.: Аграф, 2009. 156 с.

NEW STYLE OF THE CULTURAL HERITAGE

Mamedova N.M.

The paper analyzes the characteristics of the broadcast of sociocultural experience. It is shown that modern historical stage is associated with the formation of a united democratic style of relationship to the cultural heritage of the past. It is caused by deep-seated patterns of culture itself, increased integration in all spheres of society. In this regard, feature of temporal being culture – the presence of social memory is highlighted. Formation of human values is the result of a kind of cultural history. As a key mechanism of successive development of a culture increasingly recognized the need for careful and responsible attitude to national cultures, to the cultural wealth of mankind.

Keywords: continuity of culture, cultural universals, social time, cultural heritage, humanism.

REFERENCES

1. **Garanina O.D.** Fenomen social'noj pamjati v duhovnoj jevoljucii obshhestva. *Nauchnyj Vestnik MGTU GA*. 2014. № 203. Pp. 43-48.
2. **Konrad N.I.** *Zapad i Vostok*. M.: Progress. 2010. 496 p.
3. **Lihachev D.S., Lihacheva V.D.** *Hudozhestvennoe nasledie Drevnej Rusi i sovremennost'*. L.: Lenizdat. 1971. 120 p.
4. **Mamedova N.M.** *Kul'tura: tradicii i sovremennost'*. M.: Agraf. 2009. 156 p.

Сведения об авторе

Мамедова Наталия Михайловна, окончила МГУ им. М.В. Ломоносова (1973), доктор философских наук, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, автор более 80 научных работ, область научных интересов – философия культуры, философская антропология, социальная философия.

УДК 911.3(470.57)

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ И ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ (ПО ДАННЫМ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН В 1990-2014 гг.)

С.С. АЛЕКСЕЕНКО, Ф.Г. САФИН, А.И. ХАЛИУЛИНА

Статья посвящена характеристике региональной и общероссийской идентичностей в ходе процессов суверенизации и постсоветского развития национальных республик в составе Российской Федерации, которые внесли коренные изменения в сферу проявления самоидентификации. Раскрывается особая роль языкового фактора в формировании и развитии общероссийской идентичности на примере многонациональной Республики Башкортостан в контексте проявления как государственного, так и гражданского самосознания в зависимости от социально-психологических установок населения. Обоснован вывод о том, что, несмотря на предпринятые политическим руководством республики усилия по формированию региональной идентичности, результаты этносоциологических исследований показывают рост общероссийской идентичности многонационального населения Республики Башкортостан.

Ключевые слова: идентичность, российская нация, языковой фактор, этносоциологический опрос, этногосударственные отношения, регионализм.

В 2015 г. исполняется 70 лет победы нашей страны в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Анализируя прошедшие годы, можно констатировать, что процессы суверенизации и постсоветского развития национальных республик внесли коренные изменения в сферу государственной и гражданской идентичностей. Советский народ, как особая историческая общность, о формировании которой писали отечественные обществоведы в 70-80-е гг. XX в., канул в прошлое. Во вновь образованных национальных республиках Российской Федерации появились теоретические обоснования процессов формирования новых исторических общностей типа татарстанской или башкортостанской модели.

В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., принятой в декабре 2012 г., отмечалось, что одним из приоритетных направлений государственной политики является упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации). По мнению известного российского ученого В.А. Тишкова, «проживающий в нашей стране народ может с полным основанием считаться многоэтничной гражданской нацией» [5, с. 5]. В этом смысле, вслед за известным этносоциологом Л.М. Дробижевой «принципиально важно различать государственное и гражданское самосознание» [3, с. 16]. По ее мнению, между государственным и гражданским самосознанием... нет пропасти, и даже в наших российских условиях они в чем-то перекрещиваются, особенно в условиях «демократического перехода» [3, с. 17]. Но в целом пока можем говорить в общей форме как о национально-гражданской или государственно-гражданской идентификации [3, с. 252].

Целью данной статьи является анализ динамики формирования, развития и изменения региональной и общероссийской идентичности на примере многонациональной Республики Башкортостан в контексте проявления как государственного, так и гражданского самосознания в зависимости от социально-психологических установок населения. Немаловажное влияние на формирование идентичности оказывает языковой фактор. В зависимости от того, на каком языке протекает воспитательный процесс, происходит формирование самосознания личности. Показательными являются данные о том, на каком языке проходит процесс обучения в общеобразовательных школах Башкортостана. Например, у детей, обучающихся в школах на башкирском языке, в учебниках зафиксировано, что «столица моей Родины – Уфа», в татарских

учебниках «столица Родины – Казань». Все эти факторы в той или иной степени оказывают непосредственное влияние и формируют больше региональную идентичность, нежели общероссийскую. В старших классах, когда идет процесс приобщения к русской литературе и культуре, закладываются основы общегосударственной общности, т.е. осознание себя в большей степени представителем российской государственности. Данные последних двух Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. показывают неуклонный рост владения русским языком нерусским населением и сокращение признания родным языка своей национальности.

По переписи 2010 г. 96,9% башкир, 97,9% марийцев, 99,9% – мордвы, 95,9% удмуртов, 99,3% чувашей, 98,7% татар, 99,9% украинцев отметили, что владеют русским языком, тогда как в качестве родного отметили язык своей национальности всего лишь 75,3% башкир, 85,3% татар, 89,6% удмуртов, 83,9% чувашей и 88,4% марийцев [4]. Иными словами, русский язык все более проникает не только в общественную, но и семейно-бытовую сферу полиэтничного общества. Нельзя не согласиться с мнением ряда известных специалистов по этноязыковым процессам, утверждающим, что русский разговорный язык, вопреки волевым министерским постановлениям, циркулярам и инструкциям, пробивает себе дорогу и оказывается востребованным, не только на заседаниях республиканского парламента, но и в сфере дружеских и семейных взаимоотношений [2, с. 306].

Востребованность изучения русского языка и обучения на русском языке подтверждается и данными этносоциологических исследований. Респонденты всех без исключения национальностей, проживающих в республике, в своем абсолютном большинстве разделяют мнение о необходимости преподавания русского языка во всех школах Башкортостана. С этим мнением солидарны 94,8% башкир, 91,7% татар, 92,2% русских и 90,5% респондентов других национальностей¹. Как показывают данные этносоциологических исследований, респонденты, разговаривающие в повседневной жизни на русском языке, считают себя больше россиянами, чем представителями своего региона, а употребляющие национальный язык больше склонны идентифицировать себя с представителями региона. Так, например, башкиры, в своем большинстве разговаривающие в повседневной жизни на башкирском языке, больше ассоциируют себя только как представители республики, нежели россияне. Удельный вес респондентов башкир, разговаривающих на русском языке, считающих себя в равной степени как представителем Башкортостана, так и россиянином, превышает более половины опрошенных (52,9%), тогда как доля башкир, предпочитающих свой родной язык в повседневном общении с близкими друзьями достигает 45,9%. Среди русскоговорящих татар и башкир, удельный вес отмечающих только региональную башкортостанскую идентичность, занимает весьма незаметную долю, соответственно 6,9% и 8,0%. Две трети русскоязычных татар, как выяснилось в ходе опроса, отмечают в равной мере как региональную, башкортостанскую, так и общероссийскую идентичность. Хотя следует заметить, что указанный показатель для национально-язычных татар оказался довольно высоким (60,0%), не говоря уже о самих русских. Вместе с тем следует отметить, что жители республики наряду с общероссийской идентичностью в 2002 г. в значительной степени ассоциировали себя и с региональной идентичностью.

Спустя 20 лет динамика взглядов на данный вопрос среди всех национальностей значительно изменилась в сторону признания общероссийской идентичности. Это заметно во взглядах респондентов титульной национальности. Если среди башкир в 1995 г. 61,4% респондентов ассоциировали себя только с представителем Башкортостана, то в 2014 г. доля таковых сократилась более чем в 2,4 раза и составила 26,5%. Аналогичное снижение

¹ Этносоциологический опрос «Современные этнические процессы в Башкортостане: этничность, идентичность и толерантность» проводился в Республике Башкортостан в январе 2014 г. (Авторы проекта: д.и.н., проф. Ф.Г. Сафин, к.и.н. А.И. Халиулина (Фатхутдинова), руководитель исследования – А.И. Халиулина (Фатхутдинова). Опрошено 1000 респондентов, в том числе 361 русских, 295 башкир, 254 татар и других национальностей в 11 городах и 11 районах.

наблюдалось также и среди татар (с 31,9% до 16,7%), среди русских (с 15,2% до 6,2%) и среди представителей других национальностей (с 13,1% до 6,3%). Среди татар и русских респондентов доля считающих себя больше представителем Башкортостана, чем россиянином имела тенденцию некоторого снижения.

Если в ходе этносоциологического исследования по проекту «Межнациональная толерантность и внутринациональная солидарность в постсоветской России» лишь 22,2% башкир считали себя в равной мере представителем Башкортостана и россиянином, то в ходе опроса в 2014 г. по исследовательскому проекту «Современные этнические процессы в Башкортостане: этничность, идентичность и толерантность» доля таковых выросла более чем два раза, составив 48,4%. За указанный период с 1995 г. по 2014 г. выросла также доля тех, кто ассоциировал себя больше россиянином, чем представителем Башкортостана.

Таблица 1

Представителем какой государственности Вы себя считаете*?

	Башкиры	Татары	Русские	Другие
Только представителем Башкортостана	61,4	31,9	15,2	13,1
Больше представителем Башкортостана, чем россиянином	10,6	12,2	7,5	4,0
В равной мере представителем Башкортостана и россиянином	22,2	37,9	42,5	54,7
Больше россиянином, чем представителем Башкортостана	1,9	6,7	13,2	9,1
Только россиянином	0,8	4,4	16,4	12,8
Затрудняюсь ответить	3,0	6,8	5,2	6,2

*Таблица составлена по данным опроса «Межнациональная толерантность и внутринациональная солидарность в постсоветской России» (август 1995 г.)².

Таблица 2

Представителем какой государственности Вы себя считаете*?

	Башкиры	Татары	Русские	Другие
Только представителем Башкортостана	26,5	16,7	6,2	6,3
Больше представителем Башкортостана, чем россиянином	10,3	7,9	5,4	7,9
В равной мере представителем Башкортостана и россиянином	48,4	47,6	41,1	47,6
Больше россиянином, чем представителем Башкортостана	5,8	11,5	21,3	19,0
Только россиянином	7,7	10,1	23,6	14,4
Затрудняюсь ответить	1,3	6,2	2,4	4,8

*Таблица составлена по данным опроса «Современные этнические процессы в Башкортостане: этничность, идентичность и толерантность» (2014 г.).

Таким образом, как показывают данные этносоциологических исследований за прошедшие 20 лет соотношение региональной и общегражданской идентичности претерпело определенную эволюцию. Если в первой половине 1990-х гг. преобладало признание региональной идентичности, то спустя 20 лет маятник движения сдвинулся в сторону общероссийской идентичности. Вектор направленности в сторону общероссийской идентичности можно

² Этносоциологический опрос по проекту «Межнациональная толерантность и внутринациональная солидарность» был проведен в августе 1995 г. под руководством Ф.Г. Сафина. Опрошено 2100 человек.

объяснить прежде всего тем, что в начале 1990-х гг. в связи с курсом суверенизации национальных республик в средствах массовой информации широко афишировался тезис о преимуществах декларируемого суверенитета.

Это особенно ярко манифестировалось в национально-башкирорязычной масс-медиа. С укреплением российской государственности, с приведением в соответствие основных законов и законодательных актов республик с российскими законами, а также изменением вектора центростремительных тенденций произошли коррективы в сторону общероссийской идентичности.

Таблица 3

Что для Вас является Родиной*?

	Башкиры	Татары	Русские	Другие
Моя родина – бывший СССР	16,7	38,8	29,2	56,6
Моя родина – Россия	5,1	21,5	38,6	25,2
Моя родина – Башкортостан	76,3	34,7	28,2	12,8
Затрудняюсь ответить	1,9	5,0	4,0	5,5

*Таблица составлена по данным опроса «Межнациональная толерантность и внутринациональная солидарность в постсоветской России» (август 1995 г.).

Интересной представляется динамика изменения признания чувства Родины респондентами разных национальностей. Так во время опроса по проекту «Межнациональная толерантность и внутринациональная солидарность в постсоветской России» в августе 1995 г. абсолютное большинство башкир (76,3%) отметило, что их родиной является Башкортостан, тогда как об этом заявила лишь одна треть татар и еще немногим менее этого респондентов русских. Аналогичной позиции придерживался лишь каждый 13-й из 100 опрошенных респондентов. Если в первой половине 1990-х гг. 38,8% татар, 29,2% русских и более доброй половины (56,6%) респондентов других национальностей своей родиной считали бывший Советский Союз, то через 20 лет доля таковых снизилась среди татар до 20,7%, русских до 21,7% и среди других национальностей до 23,8%. Неизменной осталась только доля представителей титульной национальности, которая равнялась 16,8%.

Таблица 4

Что для Вас является Родиной*?

	Башкиры	Татары	Русские	Другие
Моя родина – бывший СССР	16,8	20,7	21,7	23,8
Моя родина – Россия	41,3	41,0	55,0	33,3
Моя родина – Башкортостан	40,0	34,3	21,3	34,9
Затрудняюсь ответить	1,9	4,0	2,0	8,0

*Таблица составлена по данным опроса «Современные этнические процессы в Башкортостане: этничность, идентичность и толерантность» (2014 г.).

Доля русских и татар, считавших своей родиной Башкортостан, осталась почти на прежнем уровне, тогда как у представителей других национальностей она увеличилась почти втрое (с 12,8% в 1995 г. до 34,9% в 2014 г.). Но при этом доля респондентов татар, считающих своей родиной Россию, увеличилась в два раза. Аналогичная тенденция была характерна как для русских, так и для представителей других национальностей. Самый высокий рост признания своей родиной Россию был отмечен среди респондентов титульной национальности. Если в 1995 г. доля таковых составляла лишь 5,1%, то в 2014 г. данный показатель достиг 41,3%, увеличившись в 8 раз.

Таким образом, в сфере этногосударственных отношений там, где формируется и проявляется гражданская идентичность, для русскоязычных башкир и татар чувство общности с гражданами России является преобладающим. Среди русскоязычной части башкир и татар, доля считающих себя одновременно представителем Башкортостана и гражданином России выше, чем такие же показатели у башкироязычных башкир и татароязычных татар.

В контексте этногосударственных отношений в формировании общероссийской гражданской идентичности в разных субъектах, особенно в полиэтничном регионе, немаловажным является соотношение этнической, региональной и общегражданской идентичностей. В этом смысле период трансформации российского общества наложил определенный отпечаток на формирование этих показателей. Как выяснилось в ходе этносоциологического опроса, самый высокий показатель, когда респондентов больше всего объединяет чувство общности, отмечен в индикаторе «с гражданами России». Соответственно наибольший удельный вес показали респонденты русской (48,1%), затем башкирской (39,4%), татарской (38,8%) и других национальностей (34,9%). На второй позиции располагались результаты региональной идентичности. Несмотря на произошедший еще 23 года назад распад Советского Союза, в памяти жителей республики все еще присутствует ностальгия по бывшему Советскому Союзу. Определенная часть респондентов выразила свое чувство общности с гражданами бывшего СССР. Самые высокие показатели этого индикатора отмечены среди респондентов других национальностей (25,4%).

Таблица 5

С кем Вас больше всего объединяет чувство общности*?

	Башкиры	Татары	Русские	Другие
С гражданами бывшего СССР	14,8	14,5	16,7	25,4
С гражданами России	39,4	38,8	48,1	34,9
С жителями Республики Башкортостан	31,0	28,6	17,8	25,4
С жителями Республики Татарстан	1,3	2,2	0,8	0,0
С теми, кто разделяет Ваши политические взгляды	1,9	2,6	5,4	0,0
Затрудняюсь ответить	11,6	13,3	11,2	14,3

*Таблица составлена по данным опроса «Современные этнические процессы в Башкортостане: этничность, идентичность и толерантность» (2014 г.).

Для молодежи, которая родилась уже после распада Советского Союза, осознание чувства общности или же принадлежности к государственному образованию, значительно отличается. Видимо, это объясняется тем, что молодежь, менталитет и этнополитические представления которой формировались в период трансформации российского общества, совсем иначе воспринимает эти процессы. Если, с одной стороны, на нее влияли общероссийские ценности и представления, то, с другой, в период суверенизации республик приоритеты были акцентированы на национально-региональную составляющую. Как показывают данные опроса молодежи, для большинства представителей титульной части (59,2%) родиной является Башкортостан, тогда как Россия ассоциируется лишь у одной трети респондентов. Для татарской же части молодежи общероссийская и региональная идентичность почти одинаково близка.

В этом смысле следует подчеркнуть, что при рассмотрении общероссийской идентичности в социологическом исследовании различают многоуровневую идентичность, при этом соотношение общероссийской идентичности несколько не принижает этническую, а также региональную идентичность. Эти процессы просто дополняют и обогащают друг друга [1]. Молодежь русской (69,2%) и других национальностей (61,5%) считает своей родиной только Россию.

Таблица 6

Что для Вас является Родиной**?

	Башкиры	Татары	Русские	Другие
Моя родина – бывший СССР	1,4	2,8	3,2	0,0
Моя родина – Россия	33,3	45,3	69,2	61,5
Моя родина – Башкортостан	59,2	43,5	18,1	28,2
Затрудняюсь ответить	6,1	8,4	9,5	10,3

*Таблица составлена по данным опроса «Социальная доверительность и толерантность в поликультурной молодежной среде» (январь 2014 г.) [9].

Таким образом, анализ результатов переписей населения 2002 и 2010 гг., а также данных этносоциологических исследований в Башкортостане показывает, что русский язык выступает важным и значимым фактором формирования общероссийской государственно-гражданской идентичности. Если в первой половине 1990-х гг. преобладало признание региональной идентичности, то спустя 20 лет значительная доля населения стала ассоциировать себя с общероссийской государственной идентичностью. Поэтому представляется, что формирование общероссийской идентичности в полиэтничной национальной республике также приобретает свое очертание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко И.И., Харитонов В.Г. *Общегражданская и этническая идентичности населения Чувашии*. Чебоксары. 2013. 44 с.
2. Губогло М.Н. *Русский язык и толерантность*. М.: Старый сад, 2003. 306 с.
3. Дробизева Л.М. *Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет*. М.: Новый хронограф, 2013. 336 с.
4. Тишков В.А. *Российский народ: история и смысл национального самосознания*. М.: Наука, 2013. 649 с.
5. *Национальный состав населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический бюллетень*. Уфа: Башкортостанстат, 2012. 120 с.

THE DYNAMICS OF CHANGES OF REGIONAL AND ALL-RUSSIAN IDENTITIES IN THE POLYNATIONAL REGION (BASED ON THE ETHNOSOCIOLOGICAL STUDIES IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN IN 1990-2014)

Alexeenko S.S., Safin F.G., Khaliulina A.I.

The article is devoted to the process of assuming sovereignty and post-Soviet development of national republics within the Russian Federation which made profound changes in the sphere of national and civil identity. The article reveals the role of the linguistic factor in the formation and development of Russian identity in the multinational republic of Bashkortostan in the context of national and civil identity display depending on the social and psychological views of respondents. The main advantage is that in spite of the measures taken by the authorities of the republic to form regional identity, the results of the ethnosociological studies show that all-Russian identity of the multinational population of the republic of Bashkortostan is increasing.

Keywords: identity, Russian nation, linguistic factor, ethnosociological survey, ethnonational relationships, regionalism.

REFERENCES

1. Boiko I.I., Haritonova V.G. *Obshhegrazhdanskaja i jetnicheskaja identichnosti naselenija Chuvashii*. Cheboksary. 2013. 44 p. (In Russian).
2. Guboglo M.N. *Russkii yazyk i tolerantnost'*. M.: Staryi sad. 2003. 306 p. (In Russian).
3. Drobizheva L.M. *Etichnost' v social'no-politicheskom prostranstve Rossiiskoi Federacii. Opyt 20 let*. M.: Novyi hronograf. 2013. 336 p. (In Russian).
4. Tishkov V.A. *Rossiiskii narod: istoriya i smysl nacional'nogo samosoznaniya*. M.: Nauka. 2013. 649 p. (In Russian).

5. *Nacional'nyi sostav naseleniya Respubliki Bashkortostan po dannym Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda: statisticheskii byulleten'*. Ufa: Bashkortostanstat. 2012. 120 p. (In Russian).

Сведения об авторах

Алексеевко Светлана Сергеевна, окончила Нефтекамский филиал БГУ (2012), аспирантка Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН, автор 7 научных работ, область научных интересов – этнополитология, русский народ, русская идентичность.

Сафин Фаиль Габдуллович, 1959 г.р., окончил БГУ (1985), профессор, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, заместитель директора по научной работе Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН, автор более 100 научных работ, область научных интересов – этнополитология, этноязыковые процессы, федеративные отношения.

Халиулина Айгуль Ильясовна, окончила БГПУ (2006), кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН, автор более 50 научных работ, область научных интересов – этнополитология, этноязыковые процессы, социолингвистика.

УДК 128/179.9

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО ТЕЧЕНИЯ РУССКОГО КОСМИЗМА (НА ПРИМЕРЕ УЧЕНИЯ В. СОЛОВЬЕВА)

Н.А. НЕКРАСОВА, А.Г. СОШНИНА

В данной статье авторами рассмотрена религиозно-философская составляющая русского космизма, его нравственные основания. Дан краткий философский анализ проблемы добра и зла в учении одного из представителей религиозной ветви космизма – В. Соловьева. В основе его философии лежит концепция всеединства, В. Соловьев рассматривает вопрос о связи двух миров – идеального и реального. Дается авторское видение подходов к изучению проблемы божественного в мире, проблема о третьем начале – Софии как о преображении мира и человека, которое происходит под влиянием космических, Божественных энергий. Человек выступает как связующее звено между Богом, космосом, человеком. Он активный творческий исполнитель высшей воли Бога. На основе работ В. Соловьева показаны роль и место религиозно-философского направления в русском космизме.

Ключевые слова: русский космизм, добро, зло, София, «космичность сознания», Логос, всеединство.

Идея «космичности сознания» человека, его причастности к космическому бытию, рассмотренная в философии русского космизма, отражает процесс, итогом которого должно стать формирование образа планетарно-космического типа личности, понимающей корни своего происхождения и осознающей смысл своего существования.

Космизм как особый духовно-теоретический феномен возник в России в конце XIX - начале XX вв. Будучи целостным философско-мировоззренческим явлением, космизм ориентирован на синтетическое видение действительности, в его основе лежит представление о космосе как об особом живом организме. Человек воспринимается как часть космического единства, способная реализовать свою творческую природу в процессе изменения мироздания. В русском космизме традиционно принято выделять несколько направлений: религиозно-философское, естественно-научное и поэтически-художественное. В идеях космизма нет пропасти между человеком и природой, в нем отразилась распространенная в XIX в. вера в мощь, могущество и безграничные возможности человека. Русские мыслители заговорили о космической этике, об ответственности человека, взгляд которого направлен в космическую эру, о том, что человек должен стать активно действующим лицом, которое в состоянии предотвратить глобальную катастрофу путем преобразования себя и мира. Именно в религиозно-философской мысли, в религиозном направлении русского космизма преобладала идея преобразования мира, духовного просветления человека, его обновления над идеей спасения.

В идее преобразования основой выступает возможность максимального выправления духовных уродств и искажений, возможность развития, нравственного просветления человека. Такая позиция требует своей логики. В ней важна установка на возможность обращения зла в добро, трансформации разрушительно направленных энергий в благие и созидательные – без этого никакое творчество вселенского спасения невозможно. Чистилище, искупление зла и греха, оказывается физической и нравственной необходимостью для большинства [10, с. 50].

Одним из представителей религиозно-философского направления русского космизма был В.С. Соловьев, отличительной чертой творчества которого являлась космическая направленность религиозной мысли. Данный путь философствования, представителями которой были П.А. Флоренский, В.С. Соловьев, русский мыслитель Н.А. Бердяев называл: «космоцентрическим, узревающим божественные космические энергии в тварном мире, которые обращены к преобразению мира», и «антропоцентрическим... обращенным к активности человека в обществе и природе;... здесь ставятся проблемы о человеке и космосе»,

разрабатывается активная творческая мысль: «конец истории зависит от творческого импульса человека» [1, с. 148-149].

Среди основных идей религиозно-философского направления русского космизма наиболее актуальными и популярными являются: вера в победу добра над злом, космоса над хаосом, вера в космическую силу и активность человека как истинного хозяина Вселенной, способного преобразить окружающий мир. Человек – микрокосм, вобравший в себя все космические стихии и энергии, ответственен за природу и то, что в ней совершается.

Центральное место в природной системе, как известно, занимает человек, появляясь на определенной ступени развития этой системы, он ведет временное, изменчивое существование, он и есть вечный субъект космического воздействия. Согласно учению В. Соловьева, человек не рассматривается как результат эволюции, происхождение человеческого рода не сводится к просто случайности. Эволюция – это выявление сил, заложенных в космическом мироздании, формирование всесторонне развитой, гармоничной личности, физически совершенного, духовно богатого, деятельного, нравственно и умственно развитого человека, созидательная деятельность которого направлена во благо развития не только в масштабах Земли, но и в масштабах космоса. В. Соловьев говорит: «о человеке идеальном, но тем не менее вполне существенном и реальном...в нем заключается бесконечно богатство сил и содержания, скрытых за порогом нашего теперешнего сознания, через который переступает постепенно лишь определенная часть этих сил и содержания, никогда не исчерпывающая целого...» [8, с. 157].

В. Соловьев утверждает, что человек как преходящее явление ничтожен в своей действительности. Он одновременно есть и божество и ничтожество. Невозможно верить в бесконечность того, что подвержено гибели, разрушению. Соответственно можно сделать вывод о том, что вера в человека именно тогда имеет смысл, когда он сможет стать возможным обладателем вечной жизни, бессмертия, о чем размышлял Николай Федоров - основоположник русского космизма. Человек, находящийся во власти смерти, не свободен от мира, в котором «бедствие всех бедствий – смерть оказывается неизбежностью, а благо всех благ – бессмертие – безусловной невозможностью» [8, с. 120-121]. В. Соловьеву была близка философия Н. Федорова, идея воскрешения предков, но при этом, он весьма скептически относился к его естественно-научным способам воскрешения. Он понимал процесс воскрешения не как одностороннее действие человека, а как совместно дело Всевышнего и духовно совершенного человека, в результате которого должно произойти преображение Вселенной, прекращение хаоса, «космизация сознания».

Одну из своих основных работ Владимир Соловьев посвятил оправданию добра, то есть доказательству силы, полноты и чистоты морального добра. Согласно Соловьеву, человек должен видеть задачу всей своей жизни в служении добру. Содержание идеального добра он пытался вывести из действительных природных основ. К природным основам нравственности философ относит чувство жалости, стыда. Человек стыдится зависимости от материального, жалеет других людей, живые существа и подчиняется сверхчеловеческому началу. Нравственный закон помогает нам повелевать и сдерживать все чувственные страсти и влечения, этот закон выступает в качестве божественной законодательной воли. Когда это всеобщее оправдание добра, то есть распространение его на все человеческие отношения станет на деле ясным каждому уму, тогда для единичного лица останется только практический вопрос воли: отвергнуть или принять для себя совершенный нравственный смысл жизни. Но пока еще конец не наступил, сила добра не стала очевидной во всем и для всех, возможно еще некое сомнение, неразрешимое в пределах философии нравственной или практической, хотя несколько не подрывающее обязательности ее правил для людей доброй воли [9, с. 97]. Окончательное совершенство добра определяется Соловьевым как «нераздельная организация триединой любви» – восходящей (любовь к высшему началу), уравнивающей (к другим людям)

и нисходящей (действующей на материальную природу). Осуществляется такая организация не в отдельном человеке, а в собирательном образе – народе, семье, человечестве.

Совершенство и правота добра пока еще не стала ясным и очевидным фактом для всего человечества. Распространение добра во все жизненные отношения пока не является смыслом жизни для каждого отдельно взятого человека. Бытие может иметь какой-то смысл только в связи с совершенным добром. Владимир Соловьев делает акцент на необходимость активной космической творческой деятельности нравственного человека. Моральный долг человека заключается в проявлении своего богоподобия и в следовании по пути восстановления утраченного в мире всеединства и гармонии. Совершенствование человека неразрывно и неотделимо от созидательной деятельности единения и гармонизации с природой. Он отвечает за эволюцию всего живого, должен познавать космические законы жизни, творчески управлять природными процессами как в планетарном, так и в космическом масштабах.

Подход мыслителя к взаимодействию добра со злом реализуется в его рекомендациях по практическому отношению к преступлениям и злодеяниям. Здесь автор советует избегать двух неверных и противоположных доктрин – отмщение и словесное вразумление. Закономерная необходимость образумить обидчика не должна превращаться в слепую месть с утратой человеческого отношения к преступнику, а потребность защитить обижаемого не должна переходить комическое словесное заступничество без принятия конкретных мер предупредительного и воспитательного характера. Поэтому, согласно Соловьеву, вынужденное насилие в борьбе со злом допустимо, но при этом надо жалеть и преступника. Он старается избежать сведения морального добра к какому-то одному признаку – любви к ближнему, служению богу, но в то же время старается определить тот критерий, который обеспечивает нравственную значимость таких моральных качеств, как великодушие, бескорыстие, щедрость и др. Он не сводит всю нравственность только лишь, например, к одному чувству сострадания, то есть границы человеческого добра гораздо шире, нежели одна только любовь, жалость или вера. Такие качества человека как великодушие, храбрость, бескорыстие нуждаются в уточнении и подтверждении тремя должными отношениями человека к природе, людям и т.д. Соловьев подчеркивает бескорыстность добра, необходимости служения добру ради самой идеи добра (так как оно само по себе ценно) из одного уважения к долгу или моральному закону.

В случае если моральный смысл существования человека сводится, в сущности, к многостороннему поединку и победе добра над злом, то возникает извечный вопрос: откуда же зло? Если оно из добра, то не есть ли борьба с ним недоразумение, если же оно имеет свое начало помимо добра, то каким образом добро может быть безусловным, абсолютным, имея за пределами себя условие для своего осуществления? Бог постепенно приближает человека к совершенству, хотя мог бы спасти мир и человека своей силой. Но тогда Владимир Соловьев подчеркивает, что «не было бы свободного сотрудничества человека с Богом, не было бы истинного объединения и совершенного союза между творением и Творцом, и само человечество, потеряв свободу своей воли, стало бы подобно физическому миру» [9, с. 49].

Предоставляя человеку внутреннюю свободу творить зло, Бог дает возможность самостоятельно пройти через все несовершенства, прочувствовать и испытать мировое зло не из любви к нему, а из постоянного стремления к божественному совершенству. Человек свободен в отношении добра и зла, но само по себе зло несвободно, оно подчинено свободе выбора, подчинено добру и побеждается добром. Согласно Соловьеву проблема зла решается через оправдание добра. Человек, пройдя через грехопадение, утратил свою целостность, единство с другими, с природой, замкнулся в себе. Русский мыслитель утверждал, что: «Исключительное самоутверждение или эгоизм, всесильный в практической жизни, является коренным злом нашей природы, и так как эгоизм свойственен всему в природе, то зло – это общее свойство всей природы» [9, с. 66]. Человечество зависимо от любого внешнего факта, который его подавляет. И эта несостоятельность, невозможность проявить свою

исключительность «быть действительно всем, – есть коренное страдание человека» [9, с. 102]. Проникнутая светом разума темная основа приобретает некую организацию и единство. Она отпадает от Бога, чтоб вновь обрести с ним единство.

На человека возложена важная миссия, задача, которую он должен выполнить. Задача преодоления вселенского зла, несовершенства материального мира – содействовать процессу соединения всех живых существ друг с другом, с Космосом, в первую очередь процесс этого преодоления человечество должно начать с себя, со своего постоянного внутреннего духовно-нравственного очищения и преображения. Человек обязан совершить духовный подвиг внутреннего преодоления искушений, в нем заложено соотношение трех начал – природное, божественное и человеческое, которое было нарушено грехопадением. Избавление, искупление от зла – спасение не только тела, но и в первую очередь души – приобщит, соединит человеческое и космическое.

Человечество – есть вечная душа мира – София. Здесь космическая душа впервые соединяется с Божественным (проявленное божество) в полноту Богочеловечества. Человек может постичь моральное бессмертие тогда, когда его Мысль соединится с вечной жизнью Вселенной. Мысль имеет силу лишь тогда, когда она нравственно наполнена добром и благом. Человек, осознавший свое единство с природой, с космосом, с жизнью вообще, понимает, что любой акт насилия по отношению к живому – есть насилие над самим собой. Человек, получивший знание того, что есть зло и добро, и осознавший способность выступить в поддержку добра, становится не способен сотворить зло, так как он осознает, что творить зло – значит, совершать акт саморазрушения. Умение отделить добро от зла – основной показатель нравственной культуры, исток культурной цивилизации.

Можно выделить несколько главных религиозно-философских идей космизма В. Соловьёва:

1. Идея всеединства, вечного мира, которая носит религиозно-философский характер (Бог, будучи трансцендентным, находящийся за пределами мира, является творческой силой). Человек – проводник, организатор Вселенной, он возник в результате того, что Бог сообщил мировой душе творческий импульс, начало.

2. Тайна сопричастности человека космосу в его человеческой божественной природе (идея соотношения абсолютно-божественного и природного, где связующим звеном выступает человек. Он есть и божество и ничтожество одновременно).

3. В.С. Соловьёв развивал идеи христианского активизма, богочеловечества, тесного объединения божественной и человеческой энергий в деле избавления мира от законов «падшего» естества. Религия – это воссоединение человека и мира с всецелым, безусловным началом. Единство Бога и человека он видит в человеческом творчестве (Логосе) и в том, что произведено этим творчеством (Софии).

В его концепции наибольшее значение имеют две космические идеи: идея единства мира как гармоничного целого, обладающего способностью эволюционировать, и идея предназначения человека. Рассматривая человека как божественное существо, В.С. Соловьёв говорит о двойственности его сущности. Прежде чем познать действительность вне себя, он должен осознать ее как идею в себе.

Главным вопросом его философии является идея всеединства: «Существует ли и в чем заключается высшее благо, или то единое, чему необходимо подчиняются все прочие блага как безусловному мерилу (критерию) желательности вообще?» [8, с. 250]. Это важное философско-мировоззренческое положение В.С. Соловьёва, выражающее его собственную религиозную позицию. Это религиозно-нравственная позиция, в которой содержится стремление философа представить творчество как особый вид деятельности, который приобщает человека к совершенному, благу и божественному.

Наша жизнь получает особый смысл тогда, когда между жизнью и совершенным Добром устанавливается соответствующая связь. Победа над злом есть только момент космического происхождения, побеждая мир зла, человек идет к откровению Бога, в этом состоит смысл

человеческого творчества. Найти путь к откровению – значит выявить глубины личностного опыта. Всякое знание – путь от Хаоса к Космосу, процесс просветления и очищения. В человеке как в микрокосме дана разгадка тайны бытия макрокосмоса, человек потому и может постичь тайны Вселенной, что он одного с ней состава, в нем те же стихии и разум. За человечеством признается не только земное, но и космическое значение. Человечество – космический центр бытия, высшая точка подъема, душа мира. Она отпала от Бога и должна к нему вернуться. Такова суть идеи Богочеловека. Богочеловечество – совершенное соединение человечества с Божеством и подлинное достижение гуманизма, свободное подчинение человека власти Бога и поднятие самого человека на высоту божественного смысла [11].

В.С. Соловьев указывает на то, что человек вводится в самое сердце окружающего мира с единственной задачей – оберегать этот мир от сил разрушения. Человек, по его утверждению, «не только участвует в действии космических начал, но способен знать цель этого действия и, следовательно, трудиться над ее достижением осмысленно и свободно» [9, с. 272]. Понятие «всечеловеческое» содержит у В.С. Соловьева категориальный, мировоззренческий смысл, когда человек олицетворяет собой высшее начало (Бога). Человек существует как завершение мирового процесса, созданного Богом по своему образу и подобию. Поэтому тот мир, в котором он живет, должен стать достойным его воли. Так через человеческую деятельность в ее должном качестве В. Соловьев определяет «волевое положение» человека. Если в человеке обитает нечто то, что идет от Бога, то это нечто есть вечное, существующее в каждом отдельном человеке. Оно выше временной связи, охватывающей человека, составляет силу мироздания. «Идеальный человек» В.С. Соловьева выражает вечное и всеобъемлющее в нем, идею единства мирового целого и личностного.

Согласно философско-религиозной традиции русского космизма, разрешение всевозможных противоречий возможно на пути природного и морально-нравственного преображения человека, приближения его к Абсолюту. Требуется активная работа для преодоления промежуточного положения человека, его несовершенства, усиления активного творческого, созидательного начала. Процесс самосовершенствования человека, распознавания истинного, подлинного добра был всегда очень трудным, а для борьбы со злом требуется очень много мужества, зачастую нравственная культура так и не могла пробиться сквозь упрямство и мрак нравственного невежества.

Феномен русского космизма следует рассматривать как концепцию органической полноты и единства жизни во Вселенной. Развитие космических идей способствует в настоящее время разработке стратегии формирования единого, целостного человечества. Русский космизм как уникальное явление исходит из понимания направленности, восходящего характера эволюционного развития сознания и творческого импульса человека. Достижение этой цели требует единения человечества, осознавшего неразрывную связь со всей Вселенной, этическую и объективную необходимость активных эволюционных действий и продвижения. И в этом продвижении человечество должно восходить в соответствии с законами эволюции – восходить высоконравственно, духовно [8, с. 85].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. *Русская идея*. М: Традиция, 2009. 278 с.
2. Булгаков С.Н. *Православие. Очерки учения православной церкви*. Минск, 2011. 370 с.
3. Волжский А.С. Проблема зла у В. Соловьева // *Вопросы религии*. 2000. С. 211-250.
4. Демин В.Д. *Русский космизм вчера, сегодня, завтра*. М., 2014. Ч. 1. 270 с.
5. Ковалева Г.П. Русский космизм как культурный феномен // *Вопросы философии*. 2009. № 8. С. 45-51.
6. Ловецкий Г.И. *Наука и философия науки. Философия науки и русский космизм*. М: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 356 с.
7. Некрасов С.И., Иваносова А.Ю. Гуманистические идеи русского космизма // *Научный Вестник МГТУ ГА*. 2012. № 182. С. 64-69.
8. *Русский космизм: Антология философской мысли* / под ред. С.Г. Семенова, А.Г. Гачева. М.: Наука, 1993. 514 с.

9. Соловьев В.С. *Собрание Сочинений*: в 8-и т. М.: Наука, 1994. Т. 3.
10. Соловьев В.С. *Чтения о богочеловечестве*. СПб., 2014. 386 с.
11. Усольцев В.А. Русский космизм и "волны жизни" // *Культура и время*. 2008. № 3. С. 34-42.
12. Шлёкин С.И. *Русский космизм: проблемы иррационального знания, художественного чувства и научно-технического творчества*. М.: Наука, 2010. 248 с.

THE MORAL FOUNDATION OF THE RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL CURRENTS OF RUSSIAN COSMISM (THE TEACHINGS OF V. SOLOVYOV)

Nekrasova N.A., Soshnina A.G.

In this article, the authors considered the religious – philosophical component of Russian cosmism, its moral Foundation. A brief philosophical analysis of the problem of good and evil in the teaching of one of the representatives of religious branches cosmism – Solovyov. At the core of his philosophy is the concept of unity, Solovyov considers the question of the relationship of the two worlds - the ideal and the real. The author's vision approaches to the study of the divine in the world, the problem of the third start – Sofia as the transformation of the world and the person, which occurs under the influence of cosmic, Divine energies is given. Man acts as the connecting link between God, the cosmos, man. He is an active creative artist of the highest will of God. Based on the Solovyov shows the role and place of religious-philosophical movement in the Russian cosmism.

Keywords: Russian cosmism, good, evil, Sofia, "cosmic consciousness", Logo, unity.

REFERENCES

1. Berdjaev N.A. *Russkaja ideja*. М.: Traditsiya. 2009. 278 p. (In Russian).
2. Bulgakov S.N. *Pravoslavie. Oчерki uchenija pravoslavnoj cerkvi*. Minsk. 2011. 370 p. (In Russian).
3. Volzhskij A.S. *Voprosy religii*. М. 2000. Pp. 78-89. (In Russian).
4. Demin V.D. *Russkij kosmizm vchera, segodnja, zavtra*. М. 2014. Ch. 1. 270 p. (In Russian).
5. Kovaleva G.P. *Russkij kosmizm kak kul'turnyj fenomen. Voprosi filosofii*. 2009. № 8. Pp. 45-51. (In Russian).
6. Loveckij G.I. *Nauka i filosofija nauki. Filosofija nauki i russkij kosmizm*. М.: UNITY-DANA. 2014. 356 p. (In Russian).
7. Nekrasov S.I., Ivanosova A.Yu. *Gumanisticheskie idei russkogo kosmizma. Nauchnyj vestnik MGTU GA*. 2012. № 182. Pp. 64-69. (In Russian).
8. *Russkij kosmizm: Antologija filosofskoj mysli*. sost. S.G. Semenova, A.G. Gacheva. М.: Nauka. 1993. 514 p. (In Russian).
9. Solov'ev V.S. *Sobranie Sochineni'*. М.: Nauka. 1994. Т. 3. (In Russian).
10. Solov'ev V.S. *Чтения о богочеловечестве*. СПб. 2014. 386 p. (In Russian).
11. Usol'cev V.A. *Russkij kosmizm i "volny zhizni"*. *Kul'tura i vremja*. 2008. № 3. Pp. 34-42. (In Russian).
12. Shlyokin S.I. *Russkij kosmizm: problemy irracional'nogo znaniya, hudozhestvennogo chuvstva i nauchno-tekhnicheskogo tvorchestva*. М.: Nauka. 2010. 248 p. (In Russian).

Сведения об авторах

Некрасова Нина Андреевна, окончила ХГУ (1973), КГУ (1979), профессор, доктор философских наук, академик Российской академии естествознания, заведующая кафедрой философии и культурологии МГУПС (МИИТ), автор около 300 научных работ, область научных интересов – онтология, философия науки и техники, философская антропология, этика, политология.

Сошнина Анастасия Геннадиевна, окончила МГУПС (МИИТ) (2012), аспирантка МГУПС (МИИТ), автор 3 научных работ, область научных интересов – социальная философия, этика, философская антропология.

УДК 12

СТРАТЕГИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

О.Б. СКОРОДУМОВА

В статье рассматриваются новые тенденции воздействия на общественное сознание в условиях информационных войн. Раскрывается содержание понятия «информационная война» и анализируются причины широкого распространения такой стратегии информационной войны, как применение «мягкой силы». В работе раскрываются особенности данной стратегии, показана значимость социокультурных факторов при ее применении. В статье дается анализ новых факторов применения стратегии «мягкой силы» в контексте ее социокультурной обусловленности.

Ключевые слова: информационная эпоха, информационные войны, стратегия «мягкой силы», глобализация, геополитика, социальные сети, социокультурные факторы.

В информационную эпоху развитие средств коммуникации достигает такого уровня значимости для социума, что решение любой экономической, политической или социальной проблемы невозможно без их использования. В связи с этим в рамках межгосударственных взаимоотношений на первый план выдвигается новая стратегия решения как геополитических проблем, так и вопросов отстаивания национального суверенитета. Жизнь социума в большинстве современных стран активно вовлечена в виртуальную среду Интернета. Социальные сети стали аналогами транснациональных корпораций, но только в сфере общения. Их мониторинг позволяет не только исследовать и прогнозировать изменения в обществе отдельных стран, но и стимулировать эти изменения в заданном направлении. Такие стратегии получили название «мягкая сила» и рассматриваются как наиболее перспективные в современную эпоху. В данной работе ставится задача исследования их социокультурной обусловленности, анализа особенностей их применения в условиях информационных войн.

На ранних стадиях развития сети Интернет возник целый ряд утопических проектов единения человечества на принципиально новой основе абсолютно свободного социума. Наиболее ярким примером подобного рода подхода является так называемая «калифорнийская идеология», провозглашенная такими представителями американской технической элиты, как Барбук Р., Камерон Э., Барлоу Дж. и др. [6].

Они утверждают, что с возникновением Глобальной сети Интернет формируется новая коммуникационная среда, позволяющая создать новый тип «постгуманистического общества». Достаточно оптимистические прогнозы относительно возможностей Глобальной сети Интернет как средства гуманизации общества, развития демократии и свободы характерны и для Всемирного саммита по информационному обществу, прошедшего в Женеве в декабре 2003 г., где говорилось об открытости, доверии и равном доступе к информации и знанию, о необходимости поддержания культурного разнообразия и культурной самобытности, о создании безопасной благоприятной виртуальной среды и развитии этического потенциала средств массовой коммуникации, в частности Интернета. С середины 1990-х гг. начались интенсивные исследования влияния и использования Интернета для оказания психологического давления и манипулирования сетевым мнением в заданных целях [4].

До середины 90-х гг. XX в. развитие Глобальной сети Интернет оценивалось с количественной точки зрения, во многом обусловленной авторитетом и влиянием Клода Шеннона, который абстрагировался от качественной оценки информации. К. Шеннон рассматривал только одну форму информации – сообщение, абстрагируясь от сведений, которые связаны со смыслом. Информация понимается им как количество сообщений, измеряемое в «битах» и определяемое как вероятности частотности символов. Отвлечение от

качественных характеристик информации было обусловлено потребностями теории связи и установкой на рассмотрение информации как части физического мира наподобие энергии или вещества. Дальнейшие исследования феномена информации показали, что наиболее значимой является ее смысловое содержание. Встала проблема демаркации конструктивной информации, способствующей развитию, гуманизации общества от деструктивной, направленной на формирование агрессивных действий, стремления к удовлетворению низменных потребностей, извращенного вкуса и т.п.

В научно-исследовательской литературе осознаются новые возможности информационного воздействия Глобальной сети и ведения информационных войн [8]. Информационно-психологические войны велись всегда, достаточно вспомнить китайские приемы психологических атак путем коллективных самоубийств перед строем вражеских воинов, планомерное уничтожение символики традиционных богов во время реформы Эхнатона в Египте, проведение и трансляции по радио футбольных матчей в осажденном Ленинграде и т.п. Но только при возникновении Глобальной сети Интернет возникли принципиально новые возможности обработки общественного сознания в заданном направлении в кратчайшие сроки и в очень больших масштабах. Не случайно само понятие «информационная война», введенное в научный оборот в 1976 г. Томасом Рона, хронологически совпадает с формированием Интернета как Глобальной сети. В тот период еще доминируют количественные подходы как к трактовке информации, так и к пониманию информационной войны. Информационные войны определяются количеством и эффективностью хакерских атак, числом созданных или обезвреженных вирусных программ, программных закладок, фальсификации информации в каналах связи и т.п.

И только к концу 90-х гг. XX в. намечается отход от количественных оценок и осознание необходимости исследования как самого понятия информации, так и понятия «информационная война» в ценностно-смысловом контексте. Аксиологическая сторона информации выходит на первый план. На это обращает внимание Кузьменко Г.Н. [7], утверждая, что ценностная сторона информации наиболее значима в современном обществе. Информация определяется теперь с точки зрения единства сведений и сообщений, при ее оценке делается акцент на связь информации с управлением, воздействием на сознание человека в единстве синтаксических, семантических и прагматических характеристик. Информационная война начинает рассматриваться не столько с технической точки зрения, сколько в контексте психологической обработки населения с целью дестабилизации общества и государства с использованием возможностей новых информационных технологий. Особое внимание уделяется созданию определенного имиджа той или иной страны.

В качестве примера можно привести документальный фильм французского режиссера Жан-Марсиаль Лефрана «Киберпартизаны, хакеры, пираты и тайные войны», выпущенный в 2008 г. и рассказывающий о современном ведении информационных войн. Сама подача материала в этом фильме, несмотря на его документальный характер, построена таким образом, что американские военные выглядят доблестными рыцарями, борющимися с темными силами компьютерных террористов всего мира, сами же американские хакеры творческие люди, занимающиеся взломом ради шутки, а вот китайцы и русские – корыстные и злые злодеи, готовые на все ради денег. Таким образом, фильм, претендующий на научную объективность в освещении информационных войн, сам становится информационным оружием в руках его создателей.

Анализ понятия «мягкой силы» наиболее подробно разработан в американской социально-философской и политологической традиции. В своих работах Джозеф Най [9; 12; 13] рассматривает «Soft Power» («мягкую силу») как один из наиболее эффективных способов отстаивания своих интересов и нанесения ущерба противнику в современных условиях ведения информационных войн. В широком плане «мягкая сила» представляет собой форму осуществления политической власти, достижения желаемых политических результатов на основе создания собственного привлекательного имиджа и целенаправленного разрушения

подобного имиджа у противника. Особенность данного подхода состоит в том, что победа над противником достигается либо силами самого противника, либо анонимным агентом киберпространства. Дж. Най обращает внимание на то, что события, происходящие в виртуальном киберпространстве, могут иметь реальные последствия в физическом мире. Так, например, в своей статье 2012 г. «Кибервойна и мир» он приводит пример с киберчервем «Stuxnet», поразившим компьютерные системы, обслуживающие ядерные программы Ирана. Специалисты антивирусной лаборатории Е. Касперского, исследовав червя Stuxnet, пришли к выводу, что наступает время широкомасштабных виртуальных войн и кибертерроризма. Не меньшее значение, чем использование вирусов, имеет и распространение собственного культурного влияния и разрушение национально культурной идентичности противника. В аналитическом отчете одного из независимых английских научно-исследовательских институтов [11], посвященном анализу возможного использования «мягкой силы» и разработке индекса «мягкой силы» для ведущих стран мира, особое внимание уделяется таким факторам, как культура, дипломатия, образование, бизнес-инновации. По данным 2011 г. по использованию «мягкой силы» лидируют США. В первую пятерку помимо США входят Великобритания, Франция, Германия, Австралия. Успех США во многом объясним широким распространением американской массовой культуры. Американская традиция привлекать в свои университеты крупных ученых со всего мира создает иллюзию, в соответствии с которой все нобелевские лауреаты – американцы. Интернет, являясь международной Глобальной сетью, в своем развитии опирался на разработчиков и программистов со всего мира. Тем не менее целенаправленно проводится идея, что он чисто американское изобретение, и все, что с ним связано, например, социальные сети, тоже типично американское достижение.

Активная колониальная политика западноевропейских стран и противоречия, возникающие при взаимодействии с аборигенным населением на американском континенте в XIX в., породили потребность в научных исследованиях культуры, быта и образа жизни местного населения. Возникает антропология как самостоятельная наука, опирающаяся на полевые исследования, целью которых была выработка рекомендаций по эффективному взаимодействию и ассимиляции колонизированных территорий. Во второй половине XX - начале XXI вв. возникает потребность в исследовании культурных традиций и менталитета с целью решения геополитических проблем. Наиболее успешным примером использования «мягкой силы» является тактика и стратегия США при ведении информационной войны против СССР, подробно описанная в монографии И.П. Панарина «Информационная война и коммуникации» [10]. Тщательная проработка (в США исследованием различных сторон жизни граждан СССР занимались более 170 научно-исследовательских институтов) уязвимых мест русского менталитета, склонного к раскаянию, а в отдельных случаях и к самобичеванию, позволили создать, в условиях полного отсутствия цензуры, установки правительства на всевластие рынка, образ негативной идентичности. Наиболее рельефно он отражен в работах Л. Гудкова [3], у которого базовые черты криминальной субкультуры распространяются на все российское общество. Эти особенности действительно характерны для криминальной субкультуры, а именно: жесткая иерархическая система, безоговорочное подчинение лидеру, пренебрежение индивидуальностью, зависимость и чувство страха перед расправой, резко заниженный статус рядового члена, всеобщая ненависть и недоверие. Л. Гудков приписывает их всему российскому социуму. С его точки зрения, базовыми чертами русского менталитета является внутренняя неприязнь и в то же время зависимость от враждебного «Другого». В понятие «Другого» автор вкладывает предельно широкое содержание. Это и партнер, и сосед, учитель, сотрудник, любовник и т.д. При таком подходе любой человек воспринимается неполноценным, в большей или меньшей степени – негативным, враждебным и агрессивным. Традиционная культура с ее ценностями, особенности национального характера высмеиваются как неполноценные. По его мнению, доминирующими факторами, формирующими социальное поле России, являются неприязнь и ненависть. «Склока» является базовой основой

социальности на всех уровнях, начиная с семьи и кончая политикой. Все социальные статусы предельно занижены, что разрушает мотивацию достижения, мобильности, активности. Л. Гудков утверждает, что подобная система идентификации закреплялась государством через систему образования и воспитания, обычаи и традиции. Государство выполняет репрессивную функцию, играя роль общего «мы» по отношению к конкретному «обычному человеку», неудачнику. Это ведет к ликвидации многообразия групп и дифференцированных систем. По мнению автора, система понижающей идентификации опирается на запросы городского люмпена, его моральные оценки и стандарты поведения. Третируются все виды творческой активности, допускается лишь организационно-рутинные или технологически-инструментальные действия. Возникает тип человека, существование которого становится атомизированным и изолированным одиночеством. Поведение такого человека основывается на демонстративном хамстве, употреблении ненормативной лексики, открытом неуважении к другим. В то же время весь пласт самобытной восточно-славянской культуры, начиная с Киевской Руси и кончая современными достижениями, остается незамеченным.

Подход Л. Гудкова является ярким примером применения стратегий «мягкой силы» в современных условиях против своей же страны. Распространение выводов, полученных относительно маргинальной субкультуры на российскую культуру в целом, возможность популяризации через средства массовой информации подобного рода идей свидетельствуют о существенных недоработках и отставании России в использовании стратегий «мягкой силы». И действительно, по официальным данным международного рейтинга Россия находится на 28 месте по использованию «мягкой силы». Тем не менее постепенно осознается необходимость создания положительно имиджа не только русской культуры и русского народа, но и всего славянского мира в целом.

На базовые ценности восточно-славянского мира и их потенциальную значимость для человечества в целом обращают внимание такие крупнейшие исследователи, как, например, Ж. Аттали. Глобальный экономический кризис, охвативший наиболее развитые страны мира в 2008 г., привел к осознанию краха индивидуалистических западных ценностей и востребованности новых коллективистских ориентиров уже в масштабах всего мира. С точки зрения Ж. Аттали [1], глобальный экономический кризис привел также и к кризису социальному, идеологическому и политическому. Анализируя причины кризиса, Ж. Аттали отмечает, что их нельзя объяснить ни классовыми противоречиями, ни ссылками на объективный характер глобализации или с помощью субъективистского подхода о наличии «заговора Вашингтона». Действительными причинами кризиса, по Аттали, является углубление социального неравенства, разрыв между богатством и бедностью и формирование особой группы людей – финансово-экспертной олигархии (в его терминологии «посвященных»), которая владеет данными аналитической информации и манипулирует ими в спекулятивных целях [1, с. 166]. Для так называемых «посвященных» характерны жизненные установки, где доминируют «апология личной свободы», и в то же время традиционные ценности, связанные с понятиями совести, долга, верности, отсутствуют. Опасность состоит в том, что данные ориентиры прививаются и внедряются в массы. Формируется установка, что все ненадежно, непрочно, обратимо, следовательно, нужно жить интересами одного дня. Правовое пространство становится фикцией. Возникает глубокое противоречие между рынком и демократией. Ж. Аттали считает, что в силу глобального характера современных экономических процессов отдельному государству вряд ли удастся обуздать аппетиты финансовой олигархии. Необходимы независимые контрольные органы в мировом масштабе. Независимая контролирующая система общемирового масштаба, по мнению Ж. Аттали, могла бы обеспечить равный доступ граждан к информации, создать эффективную правовую систему и контролирующую ее исполнение структуры. При этом возникает потребность в новом мировоззрении, основанном на принципе доверия. Подобного рода задачи требуют и нового восприятия мира, основанного не на культе неолиберальной индивидуальной свободы, а на

отражении общности интересов. Таким образом, становятся востребованными идея соборности, стремление к отзывчивости, прощению, характерные для христианского мировоззрения.

Подводя итоги, следует отметить, что в обострившейся ситуации информационного противостояния, связанной во многом с событиями на Украине и терактами во Франции в 2014-2015 гг. создание положительного имиджа России приобретает стратегически важное значение. Обращение к традициям и ценностям русской культуры, проведение целенаправленной политики воспитания у молодежи чувства гордости за свою страну и ее историческое прошлое становится одной из первостепенных задач. Базовые ценности христианской культуры в своей основе не противоречат ценностям классического ислама, и та и другая религии имеют общие корни. Идеи коллективности, соборности, доверия, понимания того, что объединяет культуры, а не разделяет их, становятся значимыми и могут быть использованы в рамках стратегий «мягкой силы», что является актуальной задачей для России в современной геополитической ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аттали Ж. *Мировой экономический кризис... А что дальше?* СПб.: Питер, 2009. 176 с.
2. Гаранина О.Д. Феномен социальной памяти в духовной эволюции общества // *Научный Вестник МГТУ ГА*. 2014. № 203. С. 43- 49.
3. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. *Постсоветский человек и гражданское общество*. М.: Московская школа политических исследований, 2008. 96 с.
4. Кара-Мурза С. *Манипуляция сознанием-2*. М.: Эксмо, 2009. 528 с.
5. Коваль Т.И. Социальные риски как элемент общества знания // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2011. № 8-2. С. 107-109.
6. *Криптоанархия, кибергосударства и пиратские утопии. Антология* / сост. П. Ландау. М.: Ультра, Культура, 2005. 239 с.
7. Кузьменко Г.Н., Евреева О.А. Базовые аксиологические модели социально философского знания // *Ученые записки Российского государственного социального университета*. 2009. № 6. С. 111-114.
8. Лисичкин В., Шелепин Л. *Война после войны: Информационная оккупация продолжается*. М.: Эксмо, 2005. 224 с.
9. Най Дж. С. *Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике*. Новосибирск-М.: Фонд социологических исследований «Тренды», 2006. 224 с.
10. Панарин И.Н. *Информационная война и коммуникации*. М.: Горячая линия-Телеком, 2014. 236 с.
11. Jonathan McClory. *The new persuaders II. A 2011 Global Ranking of Soft Power*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.instituteforgovernment.org.uk/publications/new-persuaders-ii> (дата обращения 02.10.2014).
12. Joseph S., Nye Jr. Get Smart: Combining Hard and Soft Power // *Foreign Affairs*. July/August. 2009.
13. Joseph S., Nye Jr. Public Diplomacy and Soft Power // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Pp. 67-79.

THE STRATEGY OF «SOFT POWER» AND ITS IMPORTANCE IN THE MODERN ERA

Skorodumova O.B.

In the article new tendencies of impact on public consciousness in the conditions of information wars are considered. The content of the concept "informational war" is being revealed and the reasons of a wide circulation of such information war strategies as application of "the soft power" are analyzed. In this work the features of this strategy are revealed, the importance of sociocultural factors is shown in its application. In the article the analysis of concrete strategy of "the soft power" in a context of their sociocultural conditionality is given.

Keywords: information era, information wars, strategy of "the soft power", globalization, geopolitics, social networks, sociocultural factors.

REFERENCES

1. Attale G. *Mirovoy ekonomicheskiy krizis... A chto dalshe?* SPb. 2009. 176 p. (In Russian).

2. **Garanina O.D.** Fenomen social'noj pamjati v duhovnoj jevoljucii obshhestva. *Nauchny Vestnik MGTU GA*. 2014. № 203. Pp. 43-49. (In Russian).
3. **Gudkov L.D., Dubin B.V., Zorkay N.A.** *Postsovetsky chelovek i grajdanskoe obshestvo*. M.: Moskovsky chkola politicheskikh issledovany. 2008. 96 p. (In Russian).
4. **Kara-Murza S.** *Manipulyciy soznaniem-2*. M.: Aksmo. 2009. 528 p. (In Russian).
5. **Koval T.I.** Social'nye riski kak jelement obshhestva znaniya. *Istorichesky, filosochny, politichesky i uridichesky nauki, kulturology u iskusstvovedenie. Voprosi teorii i praktiki*. 2011. № 8-2. Pp. 107-109. (In Russian).
6. *Kriptoanarhy, kibergosudarstva i piratsky utopii. Antology*. M.: Ultra, Kultura. 2005. 239 p. (In Russian).
7. **Kuzmenko G.N., Evreeva O.A.** Bazovye aksiologicheskie modeli social'no filosofskogo znaniya. *Uchony zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo socialnogo universiteta*. 2009. № 6. Pp. 111-114. (In Russian).
8. **Lisichkin V., Shelepin L.** *Voyna posle voyni: Informazionny okkupazy prodoljaetsa*. M.: Aksmo. 2005. 224 p. (In Russian).
9. **Nay Dj. S.** *Gibky vlast. Kak dobitsa uspeha v mirovoy politike*. Novosibirsk-M.: Fond socio-prognosticheskikh issledovaniy «Trendi». 2006. 224 p. (In Russian).
10. **Panarin I.N.** *Informacionny vojna i kommunikazii*. M.: Gorachy liny-Telekom. 2014. 236 p. (In Russian).
11. **Jonathan McClory**, *The new persuaders II. A 2011 Global Ranking of Soft Power*. URL: <http://www.instituteforgovernment.org.uk/publications/new-persuaders-ii> (accessed 02.10.2014).
12. **Joseph S., Nye Jr.** Get Smart: Combining Hard and Soft Power. *Foreign Affairs*. July/August. 2009.
13. **Joseph S., Nye Jr.** Public Diplomacy and Soft Power. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Pp. 67-79.

Сведения об авторе

Скородумова Ольга Борисовна, окончила МГУ им. М.В. Ломоносова (1982), доцент, доктор философских наук, профессор кафедры философии, религиоведения и теологии РГСУ, автор 120 научных работ, область научных интересов – социальная философия.

УДК 316.423; 327.3

РОССИЯ В СИСТЕМЕ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Д.Е. КРАСНЯНСКИЙ

Статья посвящена положению России в современной «мир-системе», сегодняшнее общество переживает революционные изменения, которые привели к тому, что Российская Федерация оказалась перед лицом ряда вызовов: реорганизации государственности, обретения новой идентичности, нового позиционирования в мировых процессах. Показано, что компонентами новой идентичности являются длительная традиция сильного государства, «имперский миф», советский опыт, европейские социокультурные образцы и дуалистическое восприятие общественно-государственной практики США. Проанализированы характеристики «центра силы», которые формируют блоки конфигурации современного многополярного мира. Рассмотрено положение России в нем как одного из «центров силы».

Ключевые слова: центр силы, российская идентичность, социально-исторический организм, многополярность, политарный проект, мягкая сила.

После гигантской «геополитической катастрофы XX в.» – распада СССР и слома биполярной мировой системы капитализма, социализма и неприсоединившихся стран в 1991 г. наступил период доминирования США, который ряд мыслителей, философов, вслед за Ф. Фукуямой обозначили как «конец истории». Мыслилось, что капитализм победил, и на глазах человечества в блеске и величии создается «мировая империя» или как минимум мировой гегемон – США [3].

В этой ситуации появившаяся в результате бурных социальных процессов на просторах бывшего СССР Российская Федерация встала перед сложнейшими вопросами дальнейшей организации своей государственности, позиционирования себя в мировых процессах, обретения новой, несоветской идентичности.

Если говорить про формирующийся российский социально-исторический организм (попростому общество) и государственную систему, то внешне они похожи на западноевропейские страны, которые базируются на принципах разделения властей, правового государства и идеи примата прав и свобод человека, существования во взаимном диалоге структур гражданского общества и государства [2]. Однако сущностно российский социально-исторический организм и формирующееся российское государство представляют собой новую модификацию базовой основы – политарной системы, которая является фундаментом еще с момента зарождения древнерусского общества и государства в IX в., и пережила ряд трансформаций («политарных проектов») в процессе исторического развития и адаптации к меняющимся социокультурным условиям.

Проблема формирования новой идентичности стояла с самого провозглашения независимости РФ в августе 1991 г. Сложность данного процесса заключалась в том, что советская идентичность, которая не могла исчезнуть сразу, мгновенно, отрицалась сама по себе фактом провозглашения независимости России. К тому же идентичность – это такой феномен, который складывается спонтанно, стихийно, естественно, имея своей особенностью социокультурные отличия конкретного общества. Специально создать, «сделать» идентичность усилиями идеологии, пропаганды и воздействия СМИ, рекламы и PR невозможно. Социокультурная специфика российского общества заключалась в наличии целого ряда компонентов, которые нужно было органично объединить в единое целое. Первый компонент – длительная традиция сильного государства, ассоциация себя с ним, имеющая в сознании его жителей сакральный характер. Второй компонент – так называемый «имперский миф», который хотя и сохранялся в сознании россиян и после краха Российской империи, но в очень искаженном виде. Наиболее яркий образ его представлен в художественных произведениях литературы, кино и театра. Третий компонент – советский опыт или то, что образно было названо «Homo Sovietikus» [1]. Четвертый – европейские образцы и надежды, которые связаны с рыночными экономическими структурами,

потребительским изобилием, комфортной жизнью, ассоциирующейся с Европой. Пятый компонент – ориентация на успехи и достижения США – то, что было образно сформулировано как «догнать и перегнать Америку». Центром современной российской идентичности, которая приобретает завершённые характеристики буквально на наших глазах, является священное отношение к Великой отечественной войне и победа над гитлеровской Германией в мае 1945 г. Спустя почти четверть века после возникновения РФ сложилась гибридная российская идентичность, где в органической системе нашли свое место все отмеченные выше компоненты.

Однако вопреки концепциям и предположениям о «конце истории» и установлении длительного периода однополярного доминирования во главе с единственной оставшейся сверхдержавой – США по историческим меркам этот период оказался исключительно краткосрочным – порядка двадцати лет. Начиная с конца нулевых годов XXI в. сначала на экспертном уровне, в текстах научных публикаций и на страницах мировых СМИ стали возникать концепции многополярного мира. Самым главным же стало то, что тенденции многополярности начали пробивать себе дорогу в реальной политике [4].

Что такое многополярный мир? Это наличие равноправных и вполне самостоятельных центров силы, которые выступают на политическом поле в качестве субъектов, а не объектов международной политической жизни. Статус такого «центра силы» должен быть подкреплён экономической ролью в мировом разделении труда. Существует хороший индикатор экономической мощи – вес страны в мировой экономике. В данный момент Россия занимает пятое место среди стран мира по объёму валового внутреннего продукта, т.е. размеру экономики. На первом месте пребывают США, далее идут КНР, Япония и ФРГ. США – признанный лидер и центр мировой экономики с конца 20-х гг. XX в., КНР после реформ Дэн Сяопина и перехода к политике «открытости миру и четырех модернизаций» превратилась во вторую экономику планеты с колоссальными перспективами будущего роста. Уже сейчас Китай называют «промышленной мастерской мира», где производят практически весь возможный спектр товаров, значительная часть которых продается по всему миру. Кстати, это положение «мастерской мира» большую часть XX в. занимали США, а в XIX столетии – Англия, которые одновременно были и центрами мира-экономики своей эпохи. Это косвенный аргумент в копилку тех теоретиков, которые провозглашают ведущую роль Азии в XXI в. и выход к середине данного столетия КНР на доминирующие позиции в мире.

Некоторые наблюдатели, несмотря на количественные показатели российской экономики, утверждают, что она слишком моноцентрична и завязана на нефть и газ, что не позволяет говорить о ее сбалансированности и независимости от ведущих экономических центров: рынка ЕС, Китая, США. В результате чего она предопределена быть «сырьевым придатком» либо Европы, либо Китая, либо иных «индустриальных гигантов». Однако если внимательно проанализировать структуру сегодняшней российской экономики, то можно видеть, что она совершенно не укладывается в стандарты «моноэкономики», где один-два-три ресурса обеспечивают от 80% доходов бюджета или валютных доходов государства. На нефть и газ (и вообще топливно-сырьевые товары) приходится меньше половины российского ВВП, валютной же выручки эта группа ресурсов обеспечивает порядка 60%. Россия экспортирует в серьезных масштабах продукцию разных переделов в черной металлургии, цветной, крупные объёмы товаров химической промышленности, минеральных удобрений, лесного хозяйства. Россия – важный игрок на мировых рынках зерна и целого ряда иной сельскохозяйственной продукции. А самое главное, Россия обладает емким внутренним рынком, на который ориентирована многоотраслевая промышленная индустрия. Хотя нельзя отрицать того, что экономика России очень сильно интегрирована в мировое хозяйство и быстро откликается на ритмы хозяйственной конъюнктуры, являясь в этом плане весьма уязвимой для действий внешних сил. Кроме того, серьезным ограничителем самостоятельности является также тесная связка национальной валюты – рубля с ценой на нефть, фактически рубль – это нефтяная валюта, но цена на нефть и соответственно курс рубля к другим валютам определяются не национальным центром, а внешними источниками.

Кроме того, ограничителем является и политика зависимого развития, которая подразумевает принципиальную ориентацию или на Запад (имея в виду под ним англосаксонский блок во главе с США, в который включены страны G-7 (США, Канада, Великобритания, ФРГ, Франция, Италия, Япония)) или на какого-то другого активного гегемона, например, КНР. Только при условии формулирования независимой политики и выхода на самостоятельность во внешнеполитических, а также и внутренних делах, страна может превратиться из объекта в субъект международной политики.

Весьма важной характеристикой «центра силы» является военная составляющая. Не случайно все страны, которые претендуют на самостоятельную роль в международных делах, кто принципиально видит себя субъектом, а не объектом мировой политики, уделяют первостепенное внимание вооруженным силам. Самая многочисленная армия, имеющая самый большой годовой бюджет – армия США. В первую пятерку по этим показателям (количественный состав, наличие стратегических ядерных сил, ежегодный бюджет) входят КНР, Россия, Индия, Франция. Характерно, что Япония – страна с третьей в мире экономикой, не рассматривается самостоятельным «центром силы». Одной из причин является наличие у страны ограничений на развитие военных структур и скромных масштабов армия – наследие поражения во II мировой войне и встроенности в системы военно-политических блоков во главе с США, которые представляя оборонный зонтик Японии, одновременно косвенно контролируют Японию в ее военных делах. Однако, возможно, ключевым критерием военной составляющей «центра силы» следует считать наличие у государства ядерного оружия, в более узком смысле – стратегических ядерных сил сдерживания, являющихся «последним доводом королей» как говаривали в эпоху галантного века [5]. В данный момент таковой ядерный потенциал имеют США, Российская Федерация, Великобритания, Франция и КНР. По данным военных экспертов, как российских, так и независимых западных, к странам, обладающим ядерным оружием можно отнести порядка десяти государств, самыми важными из которых являются Индия, Пакистан, Израиль, Северная Корея, Исламская республика Иран. Как нетрудно заметить, именно те страны, которые официально обладают стратегическими ядерными силами, одновременно являются постоянными членами Совета Безопасности ООН, то есть в мировой политической системе, сложившейся по итогам II мировой войны – это те самые «центры силы» эпохи «холодной войны». Тот же список стран, которые являются «неофициальными» обладателями ядерного потенциала, одновременно являются странами, которые или пытаются защитить свой суверенитет, либо же претендуют на статус субъекта, а не объекта мировой политической жизни. Хотя многие мыслители, представители мирового экспертного сообщества, пытались представить аргументы о «преодолении» ядерного оружия, его «ненужности», бессмысленности и абсурдности особенно в реалиях новой постиндустриальной цивилизации, реальная жизнь полностью опровергла эти аргументы.

Еще одна составляющая «центра силы» – это «мягкая сила» («soft power»). Это то, что является крайне притягательным, фактически заставляет окружающих ориентироваться как на образец для подражания. Можно назвать «мягкую силу» своеобразным магнитом, который притягивает все, что оказывается вблизи от «центра силы», и, таким образом, формирует ее периферию. Что образует этот «магнит», данную притягательность? Если проанализировать, что составляет soft power США, то можно в первую очередь указать на те ценности, которые сформировали «американский миф». Свобода, примат индивидуума, возможность достичь экономического процветания, используя разные возможности, имеющиеся у человека, равные стартовые условия и господство силы закона. Наглядным выражением этой притягательности служит продукция американской аудиовизуальной индустрии, которая крайне популярна не только в самих США, но и в Европе, Азии, Африке и Южной Америке, т.е. повсюду в мире. Если подумать, что является «мягкой силой» ЕС, то первое, что бросается в глаза – это рационально устроенная, комфортная жизнь в рамках «социального государства», оптимально выстроенные общественные структуры и экономическое процветание. Что является «мягкой силой» России? Вероятно,

это богатство русской культуры, которое известно во всем мире, в тех же США, Южной Америке, Азии, Африке и Европе.

Таким образом, можно констатировать, что современный многополярный мир, активно формирующийся на рубеже XX и XXI вв. представляет собой конфигурацию следующих составляющих: 1. США и сформированная ими система военно-политических и экономических союзов в лице НАТО, ЕС, G-7. 2. КНР и выстраиваемая ими система в первую очередь торгово-экономических, а во-вторых, военных и, в-третьих, политических связей (куда входят такие страны, как Пакистан, Иран, десятки стран Африки, Юго-Восточной Азии). Политической манифестацией этого «полюса» является – Шанхайская организация сотрудничества ШОС. Хотя, вне всякого сомнения, этот «полюс» не является полностью «достроенным» и вызревшим окончательно. 3. Индия, которая является крупнейшим демократическим государством мира, в котором живут порядка полутора миллиарда человек, с активно развивающейся экономикой. 4. Бразилия – центр кристаллизации экономических связей, регионального сотрудничества и политических взаимодействий почти для всех государств Южной Америки. 5. ЮАР – самое мощное и развитое в экономическом, военном и цивилизационном отношении государство в Африке. После слома системы апартеида и воссоздания страны на основе принципа равенства прав для всех жителей не зависимо от цвета кожи ЮАР постепенно превращается в центр притяжения многих государств Африки к югу от экватора (Ботсвана, Намибия, Свазиленд, Мозамбик). 6. Россия, которая богата в сфере экономических ресурсов, обладающая серьезным военным потенциалом (в первую очередь стратегическими ядерными силами), формирующая Таможенный союз и Евразэс с целью интегрировать связанные с российской экономикой, культурным пространством страны СНГ. Данный «полюс» также пока находится в процессе становления и укрепления.

Можно с уверенностью заключить, что длительные споры, которые ведутся, начиная с эпохи перестройки, о роли и месте новой России в мировой системе должны быть прекращены, ибо Россия – это субъект мировой политики, один из формирующихся сегодня «центров силы».

ЛИТЕРАТУРА

1. **Зиновьев А.А.** *Гомо советикус*. М.: Aslanov, 2007. 470 с.
2. **Валлерстайн И.** *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. СПб.: Университетская книга, 2001. 512 с.
3. **Фукуяма Ф.** *Конец истории и последний человек*. М.: АСТ, 2004. 588 с.
4. **Хантингтон С.** *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ, 2003. 603 с.
5. **Фукс Э.** *Иллюстрированная история нравов*. М.: Республика, 1994. 420 с.

RUSSIA IN THE MULTIPOLAR WORLD SYSTEM

Krasnyansky D.E.

The article is devoted to the position of Russia in the modern «world-system», society today is undergoing revolutionary changes that have led to the fact that the Russian Federation has been facing a number of challenges: the reorganization of the state, gaining a new identity, a new positioning in the world. It is shown that the components of the new identity is a long tradition of a strong state, "the Imperial myth", the Soviet experience, the European socio-cultural patterns and dualistic perception of the public practice of the United States. The characteristics of a "centre of power", which form the blocks configuration of the contemporary multipolar world are analysed. Considered Russia's position in it, as one of the "centers of power" is considered.

Keywords: power center, Russian identity, social-historical body, multipolarity, politarny project, soft power.

REFERENCES

1. **Zinov'ev A.A.** *Gomo sovetikus*. М.: Aslanov. 2007. 470 p. (In Russian).
2. **Vallerstayn I.** *Analiz mirovyh sistem i situatsiya v sovremennom mire*. SPb.: Universitetskaya kniga. 2001. 512 p. (In Russian).

3. **Fukuyama F.** *Konets istorii i posledniy chelovek*. М.: AST. 2004. 588 p. (In Russian).
4. **Huntington S.** *Stolknovenie tsivilizatsiy*. М.: AST. 2003. 603 p. (In Russian).
5. **Fuks E.** *Illyustrirovannaya istoriya nraov*. М.: Respublika. 1994. 420 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Краснянский Дмитрий Евгеньевич, 1971 г.р., окончил МГУ им. М.В. Ломоносова (1996), кандидат философских наук, доцент кафедры связей с общественностью МГТУ ГА, автор 20 научных работ, область научных интересов – проблемы общества, философия культуры, проблемы этноса и нации, феномены иллюзорного и массового сознания.

УДК 347.471.33

ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ РАЗВИТИИ СТРАХОВОГО РЫНКА РОССИИ

Н.И. ЗАХАРОВА, Л.И. КУПРЮХИНА, Е.И. ПАСЬКО

В статье раскрываются особенности и тенденции развития российского страхового рынка, анализируются показатели развития страхового рынка России. В статье рассматривается вопрос о направлениях повышения эффективности функционирования страхового рынка РФ, особое внимание обращается на институциональные основы модернизации страхового рынка. Авторы статьи формулируют основные задачи по развитию страхового бизнеса в РФ на современном этапе.

Ключевые слова: российский страховой рынок, совокупный капитал отечественных страховщиков, страховые продукты, нестабильность на финансовых рынках, рентабельность бизнеса страховых компаний, уставный капитал.

Анализируя результаты развития российского страхового рынка за последние несколько лет, можно отметить достаточно положительную динамику. Однако есть реальные основания для продолжения исследований и учета качественных характеристик современных страховых отношений. Вопрос качества российского страхования до настоящего времени остается актуальным. Особое внимание к значению качества страховых отношений было привлечено на многих форумах, анализировавших развитие российского страхового рынка.

При измерении всего страхового пакета внимание было сосредоточено, главным образом, на реальном, «физическом», наполнении количественных показателей. Аналитики отмечали, что страховые отношения в современной России недостаточно развиты, и в течение последних 20 лет роль страхования в российском обществе восстановить не удалось.

Современный страховой рынок имеет ряд особенностей, среди которых можно выделить постепенное снижение доли добровольного страхования в общей структуре сбора страховых премий. На основе анализа статистических данных построим график динамики удельного веса добровольного и обязательного страхования в РФ на период 2006-2013 гг., с помощью которого можно наглядно показать, что в последние годы принуждение потребителей к расходованию денег на страхование становится основным фактором, определяющим динамику рынка [4].

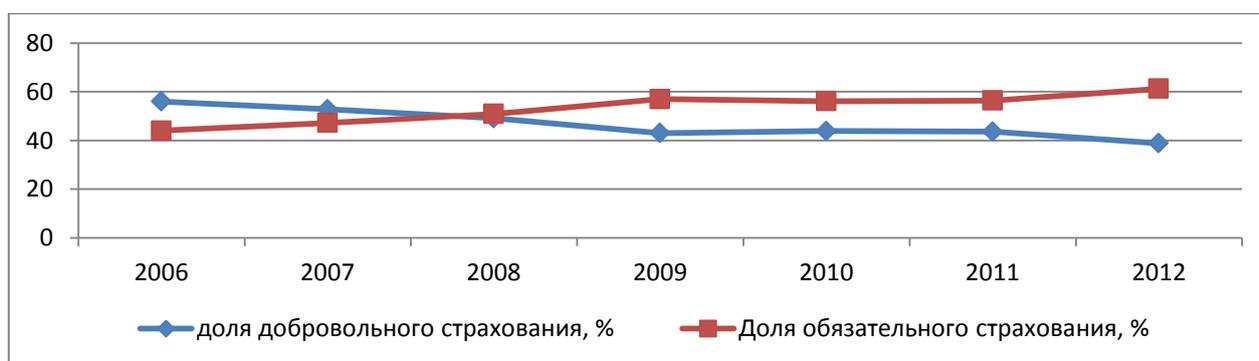

Рис. 1. Удельный вес добровольного и обязательного страхования

Присутствие обязательных видов страхования — не редкость и на других рынках страхования. Отметим, что в развитых странах развитие обязательных видов страхования

может достаточно органично сочетаться с развитием добровольного страхования, в России оно действует на добровольное страхование угнетающе.

Общая ограниченность платежеспособности потенциальных страхователей в России отразилась на превышении доли обязательного страхования. опережение темпов развития принудительного страхования над добровольным еще несколько лет до обострения экономического кризиса привело к формированию тенденции сокращения востребованности страхования в обществе. На наш взгляд, наибольшую тревогу вызывает тенденция падения общественной значимости страхования. Основные причины такого состояния заключаются в низкой и нестабильной платежеспособности потенциальных потребителей страховых услуг, а также в их устойчивом недоверии страховщикам, вызванном тем, что далеко не все из них готовы в реальности учитывать интересы страхователей.

Проведя анализ динамики доли страхования в ВВП России, можно отметить, что в 2011-2013 гг. произошло некоторое улучшение показателей. Вместе с тем, что касается добровольного страхования, то его уровень из года в год снижается, и самые низкие показатели наблюдаются в 2010-2013 гг. Отметим, что доля страхования в ВВП РФ имеет достаточно низкий показатель: от 1% (по добровольному страхованию) до 2,5% (по всем видам страхования, включая ОМС), что значительно ниже международных показателей. А именно доля страховых взносов в ВВП РФ (без учета ОМС) в настоящее время самая низкая среди стран БРИКС (например, в 2,4 раза ниже, чем в Бразилии; в 2,6 раза ниже, чем в Китае; и почти в 4 раза ниже, чем в Индии), а по сравнению со странами, входящими в G-7, этот показатель ниже в среднем в 6,7 раза [1].

Следует отметить, что в странах Европы доля страхования в ВВП составляет 5-6%. В России при существующих темпах развития страховой отрасли приблизить уровень доли страхования до 5-6% будет трудно, и на это потребуются много времени. По прогнозам, доля страхования в ВВП России только к 2050 г. должна составить около 7%. Предполагается, что общий сбор страховых премий в России к 2050 г. вырастет более чем в семь раз, до 7,7 трлн. руб. (в 2013 г. сбор страховых премий составил около 1 трлн. руб.) [5].

Анализ статистических данных показывает, что кризисные явления начали нарастать на российском рынке еще за несколько лет до обострения проблем в мировой экономике. Поэтому страховое сообщество вынуждено искать причины обострения кризиса российского страхования и пути его дальнейшего развития «внутри» самой модели российского страхования, несмотря на планы масштабного внедрения обязательного страхования, где все возрастающую роль играет принуждение, а значит, нарастает опасность игнорирования интересов потребителей. Несмотря на это, продолжает существовать мнение о том, что отечественное страхование может вывести из кризиса введение дополнительного ряда обязательных видов страхования. Однако не следует забывать о том, что страховой рынок – это система отношений, главным источником функционирования которой является страхователь, от уровня финансового состояния и благополучия которого зависит развитие всего страхового рынка. А поэтому следует заметить, что необходимы мероприятия по совершенствованию всего национального рынка страхования, формированию системы обязательного страхования в целях защиты экономики от непредвиденных рисков с минимальными затратами бюджетных средств для решения социально-значимых задач (с учетом макроэкономической потребности и уровня развития страховых отношений).

Анализ показателей развития страхового рынка позволил также сделать вывод о том, что в обозримом будущем страховой бизнес столкнется с дальнейшим обострением экономических, социальных и вытекающих из них проблем, с сокращением своей рентабельной доходной базы. Однако можно отметить, что развитие всех этих процессов не выйдет слишком далеко за среднесрочную перспективу, и 2015 г. может оказаться в этом смысле поворотным. Но можно отметить, что при разработке Стратегии по развитию отечественного страхования в РФ в ближайшей и долгосрочной перспективах обозначенные выше экономические факторы должным образом не учитываются. Внедрение обязательных видов страхования,

предполагающих увеличение финансовой нагрузки на потребителей, планируется проводить при одновременном сокращении платежеспособности потребителей, что объективно будет вызвано дальнейшим развитием кризисных ситуаций в РФ, и это нужно учитывать. Анализируя показатели развития страхового рынка России (динамику поступлений премий, страховых выплат), можно отметить, что за последние 4 года наблюдается значительный рост поступлений страховых премий: от 108,6% до 121,8%. Только в 2009 г. снизился объем страховых премий на 7%, а страховые выплаты увеличились против предыдущего года на 14,7. Страховые выплаты в 2011-2013 гг. составляли 45,7-46,5%, что является достаточно высоким уровнем, отрицательно влияющим на всю страховую деятельность. Отметим, что 2013 г. оказался менее успешным для страхового рынка, чем предыдущие 2 года. Объем премий в абсолютном выражении увеличился до 904,43 млрд. руб., но годовой темп роста премий снизился почти в 2 раза (11,8% в 2013 г., 21,8% в 2012 г.) [7].

Представленный нами анализ развития страхования в РФ показывает, что в последующие годы может еще более обостриться проблема общественного недоверия к страхованию, а это, в свою очередь, породит новые проблемы. Данная ситуация приведет к возникновению необходимости вмешательства государства с целью разрешения возникающих противоречий. В современных условиях функционирования страхового рынка следует предусмотреть более активное использование рыночных механизмов решения существующих, возникающих и потенциальных противоречий. В поисках путей выхода следует обратить особое внимание на институциональные основы модернизации страхового рынка, так как развитые, современные институты страхования являются «символами цивилизованного государства» [1]. Совершенствование институциональных основ страхового рынка в Российской Федерации приведет к повышению эффективности функционирования страховых компаний и несомненно, отразится на жизни и деятельности потребителей услуг страхования.

Обратим внимание на одну из острых проблем развивающегося страхового рынка. Это – ориентированность некоторых страховых компаний на увеличение объемов продаж без обеспечения должного контроля за финансовой устойчивостью. Сокращение объемов собираемых премий и связанное с ним отсутствие необходимого роста страховых резервов, обеспеченных высоколиквидными активами, серьезно ухудшило финансовое положение таких страховщиков. Отметим также следующую проблему: падение стоимости акций и иных ценных бумаг, банкротство ряда российских банков, неплатежеспособность контрагентов – участников финансового рынка. Не менее острой в РФ является проблема нехватки ликвидности для выполнения страховых обязательств страховщиков. Низкий спрос на страховые услуги из-за невысокого уровня страховой культуры и страховой грамотности потребителей, низкой платежеспособности потенциальных страхователей сдерживает развитие страховой отрасли России. В такой сложной ситуации страховщикам и их профессиональным объединениям необходимо повысить внимание к пропаганде страхования, разъяснению условий страхования и его преимуществ по сравнению с иными финансовыми институтами.

Специфика функционирования рынка страховых услуг в РФ, а также мировой финансовый и экономический кризис оказали негативное влияние на российскую экономику в целом и отрицательно повлияли на показатели страхового рынка. Рост числа страховых организаций сменился их значительным сокращением. Если в 2008 г. на рынке страховых услуг действовали 786 страховых компаний, то в 2011 г. функционировало уже 618. Только в 2010 г. с рынка ушли 62 компании. В 2011 г. процесс сокращения числа страховщиков продолжался: по состоянию на 1 марта 2011 г. в едином государственном реестре субъектов страхового дела было зарегистрировано 614 страховщиков, а на 1 июля уже 596 страховых компаний (15 – не проводили страховые операции, 8 – не предоставили статистическую отчетность), у 46% из них (275 страховщиков по общему страхованию) уставный капитал не соответствует новым требованиям.

Многие страховые компании имеют недостаточные размеры уставного капитала. Анализ статистических данных СБРФР показал, что в 2012 г. 441 страховая компания или 71% общего количества страховщиков имеют уставной капитал, не соответствующий требованиям. В целом по Российской Федерации дефицит уставного капитала составляет 54,3 млрд. руб. Это приводит к тому, что на страховом рынке постоянно сокращается число участников, остаются только самые крупные страховые организации, что характерно для олигопольной формы рынка. Анализ динамики количества страховых компаний в РФ за период 2005-2013 гг. свидетельствует о том, что в рассматриваемый период число страховых компаний сократилось в 3 раза [6].

В 2013 г. на рынке действовали 422 компании. По итогам аналогичного периода 2012 г. на рынке действовало 458 компаний. Общее количество страховщиков сократилось только за 2012-2013 гг. на 7,9% или на 36 компаний. Количество компаний, которые функционируют на страховом рынке, но не собирают страховые премии (без учета ОМС), сократилось с 52 в 2012 г. до 40 в 2013 г. Сокращение числа компаний на страховом рынке связано с изменением законодательной основы страхового рынка в РФ. Согласно Федеральному закону № 65 – ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 22.04.2010 г. увеличен минимальный размер уставного капитала страховых компаний. С 1 января 2012 г. уставный капитал страховых компаний должен быть не менее 60 млн. руб. для осуществления исключительно обязательного медицинского страхования; 120 млн. руб. для осуществления страхования от несчастных случаев и болезней, добровольного медицинского страхования, страхования имущества, гражданской ответственности, страхования предпринимательских рисков; 240 млн. руб. для осуществления страхования жизни, страхования от несчастных случаев и болезней; 480 млн. руб. для осуществления перестрахования, а так же страхования в сочетании с перестрахованием [3].

Анализ статистических показателей количества страховых компаний в 2012 г. и динамики количества страховых компаний в 2013-2014 гг. по данным Центра стратегических исследований страхового рынка, а также размеров их уставного капитала показывает, что страховых компаний с размером уставного капитала до 120 млн. руб. на 01.01.2013 г. было 136, а на 01.01.2014 г. – 107. По остальным критериям изменения незначительные. Следовательно, можно сделать вывод, что компании-страховщики начали наращивать уставные капиталы, но не так активно, как это требуется на современном этапе развития страхового рынка. Размер уставного капитала у многих компаний не соответствовал требованиям законодательства:

- у 113 компаний, осуществляющих перестрахование, из 173 (отметим, что здесь недопустимо высока доля компаний, уставный капитал которых не соответствует требованиям (65%));

- у 90% компаний-страховщиков жизни уставный капитал ниже требований (у 57 компаний из 63);

- у компаний, осуществляющих страхование имущества, уставный капитал не соответствует требованиям, что составляет 66% компаний (у 184 страховщиков имущества из 278);

- из 104 компаний-страховщиков ОМС у 81% компаний уставный капитал ниже нормы.

В целом дефицит уставного капитала у перестраховщиков составляет 29,8 млрд. руб., у страховщиков жизни – 8,8 млрд. руб., у компаний по иным видам страхования – 15,7 млрд. руб. Целесообразно обратить внимание на структуру страхового рынка: доля первых десяти крупных страховых компаний России (с уставным капиталом более 480 млн. руб.) составляет 79% рынка. Компании, уставный капитал которых менее 120 млн. руб., составляют лишь 7% страхового рынка. Увеличение минимального размера уставного капитала страховщиков отразилось на деятельности участников рынка: мелкие и средние компании объединились с более крупными компаниями или, не выдержав конкуренции, ушли с рынка.

Общая сумма уставного капитала компаний-страховщиков в марте 2014 г. составила 217,3 млрд. руб., что на 3% больше по сравнению с декабрем 2013 г., а по сравнению с декабрем 2011 г. он увеличился на 17%. Об этом свидетельствуют статистические данные, опубликованные на страницах интернет-сайта Центра стратегических исследований (ЦСИ) «Росгосстраха».

Начиная с 2011 г., который стал годом инвестиционной привлекательности компаний отечественного страхового рынка, значительно повысился интерес государства в развитии страховой отрасли. Данная положительная тенденция проявляется и в настоящее время в условиях действия новых законов обязательного страхования, которые нацелены на:

- повышение ответственности предприятий и организаций, эксплуатирующих объекты повышенной опасности (ОПО);

- повышение внимания к страхованию сельскохозяйственных рисков с элементами реформирования системы агрострахования;

- повышение ответственности перевозчиков;

- внесение корректировок в существующий закон об обязательном страховании ответственности автовладельцев (ОСАГО).

Кроме этого, отметим, что страховые компании имеют существенный потенциал. Они могут осуществлять дальнейшее развитие розничной инфраструктуры, поднять на более высокий уровень хорошо зарекомендовавший себя высокодоходный сектор корпоративного страхования крупного бизнеса, развивать и совершенствовать экономические отношения с банковскими и кредитными учреждениями. Обратим внимание и на то, что помимо нестабильности на финансовых рисках остается недостаточным уровень надзора за страховыми компаниями и отсутствие надзора за страховыми посредниками. В России должна быть создана система регулирования деятельности страховых посредников – реестр и система аттестации страховых агентов, квалификационные и финансовые требования к страховым брокерам, определение зоны ответственности страховых посредников и страховщиков.

Результаты анализа, проведенного авторами статьи, позволяют сделать следующие выводы об основных задачах по развитию страхового бизнеса на современном этапе.

Во-первых, необходимо формирование такой законодательной базы рынка страховых услуг, которая соответствовала бы требованиям сегодняшнего дня.

Во-вторых, необходима разработка новых видов страхования и обеспечения опережающего развития добровольных видов страхования по сравнению с обязательными.

В-третьих, необходимо создание стабильного, эффективного и заинтересованного механизма государственного регулирования и надзора за страховой деятельностью.

В-четвертых, необходимо разработать основы системы обязательного повышения квалификации всех работников, всех специалистов страховой отрасли.

Переход к новой структуре страхового рынка потребует от страховщиков выработки качественно иного подхода к ведению страхового бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Захарова Н.И., Купрюхина Л.И. Интеграция России в ВТО и ее последствия для национального страхового рынка / *Новое поколение новой России: на старте в будущее: сб. материалов Всероссийской науч. конф. 21-23 мая 2013 г.* СПб.: СПбГПУ, 2013. С. 32-36.

2. *Об организации страхового дела в Российской Федерации*: Федеральный закон от 27.11.1992 г. № 4015-1 статья 25 пункт 3 (в ред. Федеральных законов от 28.12.2013 г. № 410-ФЗ, от 04.11.2014 г. № 344-ФЗ).

3. *Российский страховой рынок в посткризисной перспективе* // *Страхование сегодня*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.insur-info.ru/printable/analysis/699/-b12> (дата обращения 28.11.2014).

4. *Forecast 2060*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rgs.ru> (дата обращения 10.12.2014).

5. *Официальный сайт СБРФР*. [Электронный ресурс]. URL: <http://fcsm.ru> (дата обращения 18.02.2014).

6. *Страхование сегодня*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.insur-info.ru/analysis/922/> (дата обращения 03.12.2014).

7. Центр стратегических исследований (ЦСИ) «Росгосстраха». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unityre.ru> (дата обращения 23.11.2014).

TRENDS AND PROBLEMS IN THE CONTEMPORARY DEVELOPMENT OF THE INSURANCE MARKET OF RUSSIA

Zakharova N.I., Kupryukhina L.I., Pasko E.I.

The article reveals features and tendencies of development of the Russian insurance market, indicators of development of the insurance market of Russia are analyzed. In the article the question of the directions of efficiency of the insurance market functioning in the Russian Federation is raised, special attention is paid to institutional bases of the insurance market. The authors of the article formulate the main objectives on the development of insurance business in the Russian Federation at the present stage.

Keywords: Russian insurance market, joint capital of domestic insurers, insurance products, instability in the financial markets, profitability of business of insurance companies, authorized capital.

REFERENCES

1. **Zakharova N.I., Kupryukhina L.I.** Integracija Rossii v VTO i ee posledstvija dlja nacional'nogo strahovogo rynka. *Novoe pokolenie novoj Rossii: na starte v budushhee: sb. materialov Vserossijskoj nauch. konf. 21-23 maja 2013 g.*. SPb.: SPbGPU. 2013. Pp. 32-36. (In Russian).
2. Ob organizatsii strakhovogo dela v Rossijskoj Federatsii: Federal'nyj zakon ot 27.11.1992 g. № 4015-I stat'ya 25 punkt 3 (v red. Federal'nykh zakonov ot 28.12.2013 g. № 410-FZ i ot 04.11.2014 g. № 344-FZ). (In Russian).
3. *Strakhovanie segodnya*. URL: <http://www.insur-info.ru/printable/analysis/699/> - b12 (accessed 28.11.2014). (In Russian).
4. *Forecast 2060*. URL: <http://www.rgs.ru> (accessed 10.12.2014). (In Russian).
5. *Ofitsial'nyj sayt SBRFR*. URL: <http://fcsr.ru> (accessed 18.02.2014). (In Russian).
6. *Strakhovanie segodnya*. URL: <http://www.insur-info.ru/analysis/922/> (accessed 03.12.2014). (In Russian).
7. *Tsentr strategicheskikh issledovanij (TSSI) «Rosgosstrakha»*. URL: <http://www.unityre.ru> (accessed 23.11.2014). (In Russian).

Сведения об авторах

Захарова Наталья Ивановна, окончила ВЗФЭИ (1974), кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита Владикавказского института управления, автор более 40 научных работ, область научных интересов – страхование как составляющая часть финансов государства, приоритеты в области авиационного страхования на современном этапе развития общества.

Купрюхина Людмила Ивановна, окончила МГУ им. М.В. Ломоносова (1966), кандидат экономических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-политических наук МГТУ ГА, автор более 100 научных работ, область научных интересов – актуальные проблемы экономического развития Российской Федерации.

Пасько Елена Ивановна, окончила Владикавказский институт управления (2009), преподаватель Владикавказского филиала Московского государственного финансового университета при Правительстве РФ, автор 4 научных работ, область научных интересов – особенности современного экономического развития Российской Федерации, РСО Северная Осетия – Алания.

УДК 2-1

СОХРАНЕНИЕ ИМПЛИЦИТНОГО ДОГМАТИЗМА В ПРОЦЕССЕ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ

Д.В. КАНАКОВ

Секуляризация в современном обществе носит противоречивый характер: наравне со способствующими секуляризации факторами действуют факторы, сдерживающие этот процесс, укрепляющие позиции религии. Тенденция дедогматизации традиционных исторических форм сопровождается распространением новых синкретических (восточных и западных) культов, пересмотром традиционных религиозных догм, текстов, мифов, наполнением их новым содержанием, попытками модернизировать традиционные религиозные формы, психологически оправдать религию. Утвердившись, эти умонастроения могут трансформироваться в новые формы религиозного догматизма. Сейчас можно констатировать определенные элементы имплицитного догматизма в рамках подобного рода движений.

Ключевые слова: религиозный догматизм, имплицитный догматизм, эксплицитный догматизм, общество, секуляризация.

В последние десятилетия XX в. и первой декаде XXI в. обострились дискуссии о так называемом «постсекулярном обществе» [1], суть которых заключается в пересмотре светских и антиклерикальных представлений, возникших в эпоху Нового Времени и Просвещения. Тогда ряд мыслителей был убежден во временном характере религиозных верований, полагая, что религия будет преодолена новым развивающимся типом мировоззрения – научным. Секуляризационные процессы в общественном сознании XIX и XX вв. свидетельствовали об упадке религии и казались признаком надвигающегося умирания религии. Религиозные институты, прежде всего церковь, в ряде передовых с точки зрения общественного развития стран отделяются от государства и школы, пересматриваются традиционные для этих стран государственно-церковные отношения. Однако материалистическое мировоззрение не вытеснило окончательно религиозное, поэтому можно сделать вывод, что секуляризация определила лишь общую тенденцию развития общественного сознания, но эта тенденция не исключает возможности сохранения и даже усиления позиции религии и религиозного догматизма. В последние десятилетия подтвердилась устойчивость религиозной системы, что оживило дискуссии о «постсекулярном обществе».

По существу, уже в 20-30-е гг. XX в. проявились факторы, способствовавшие новому укреплению позиций религии. К числу этих факторов можно отнести кризис европейской цивилизации, наступивший после первой мировой войны, подорвавший в среде интеллектуалов надежды, связанные с развитием науки и научно-технического прогресса. В ходе первой мировой войны проявились бессознательные силы разрушения, когда научно-технический прогресс использовался для получения новых средств вооружений с целью массового уничтожения живой силы противника. В дальнейшем эта тенденция усилилась в связи с фактами массового уничтожения не только военной силы, но и гражданского населения противника и развитием оружия массового поражения. Это не могло не поставить под сомнение представления, возникшие в среде мыслителей Нового Времени и Просвещения, о действительности светских гуманистических ценностей. Поэтому религиозные авторы подвергают критике образ бездушной, технократической, машинной цивилизации, способной уничтожить все живое на Земле [2, с. 87-92].

Отличительной чертой развития науки стало то, что действительное решение одних проблем (например, развитие атомной энергетики, интенсификация хозяйства) породило другие проблемы, что связано с определенными потерями. Несмотря на возросшее в капиталистическом обществе благосостояние части населения, огромное число людей в

сегодняшнем мире по-прежнему страдает от нищеты, голода и болезней. Так называемые «страны третьего мира», не получив всех благ современной цивилизации «потребительского общества», уже столкнулись с негативными последствиями техногенной и ориентированной на потребительское общество цивилизации в виде экологических катастроф, загрязнения окружающей среды, размывания почв и т.д. Следует отметить, что еще видный отечественный религиовед Д.М. Угринович с уверенностью предполагал, что «... экологический кризис ... является одним из существенных факторов, способствующих распространению ... религиозности в условиях капитализма» [3, с. 122]. Проблемы развития современного общества порождают противоречивые явления, обусловленные тем, что в «век науки» стали популярны оккультизм, мистика, астрология и другие околорелигиозные явления, в значительном количестве появились новые религиозные движения, наблюдается рост интереса к парапсихологии, вообще к паранауке, ясновидению, предсказаниям и другими формам мистических учений и культов.

Кроме того, во второй половине XX в. религия сумела упрочить свои позиции, включившись в национально-освободительное движение в разных регионах. В Западной Европе важную общественно-политическую роль сыграли христианско-демократические партии. Деятельность индуистских проповедников способствовала освобождению Индии от пут колониализма. Активную общественно-политическую роль в национально-освободительных движениях сыграли также ислам и буддизм. В США протестантский фундаментализм стал влиять даже на внешнюю политику государства, в Латинской Америке получила развитие так называемая «теология освобождения», призвавшая христиан бороться с социальным злом и несправедливостью, неоколониализмом и империализмом. В качестве примера возрастающей общественно-политической роли религии во второй половине XX в. необходимо отметить так называемую «исламскую революцию» 1979 г. в Иране, коренным образом сменившую политическое, общественное и экономическое развитие страны и поставившую вопрос об исламском возрождении. Во всех указанных примерах религиозный догматизм способствовал возрастанию роли религии в общественных процессах XX в., воздействуя на области религиозной идеологии, к которой обращались за обоснованием своих действий религиозные деятели, и религиозной психологии, оказавшей влияние на побудительные мотивы участников общественных преобразований. Важно также отметить, что с позиции религиозной ортодоксии, выражающей догматизм в религиозной идеологии, общественно-экономический и последовавший за ним политический кризис в 1980-е гг. в бывшем Советском Союзе и странах «Восточного блока» был проинтерпретирован как кризис нежизнеспособности безрелигиозной культуры.

С другой стороны, в последние десятилетия получило развитие сотрудничество между светскими и религиозными институтами в области морали. Религиозная по характеру этика и безрелигиозная этика светского гуманизма вместе противодействуют аморализму, бесчеловечности, нравственному распаду, характерному для «общества потребления». Будучи еще митрополитом, ныне Патриарх Русской Православной Церкви Кирилл Гундяев особенно выделял именно нравственную сторону религии, а не культовую. Сближение верующих и светских гуманистов возможно, в частности, в сфере морали, потому что человек может быть носителем моральных качеств как в том случае, если он основывает нравственное поведение на божественном авторитете, так и в том случае, если он самостоятельно следует моральным нормам, выработанным культурной традицией. Светский гуманизм защищает права верующих, что отражено в действующих международных правовых нормах. Так, согласно «Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений», принятой резолюцией 35/55 Генеральной Ассамблеей ООН от 25 ноября 1981 г. (A/RES/36/55) [4], дискриминация людей на основе религии или убеждений рассматривается как оскорбление достоинства человеческой личности и отрицание принципов Устава ООН, осуждается как

нарушение прав человека и основных свобод, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека (1948 г.).

Таким образом, положение религии в современном обществе достаточно противоречиво, это затрудняет однозначную оценку ее перспективы. Научно-техническое развитие, глобализация, социальная динамика как характерные черты современного общества, с одной стороны, разрушают традиционные формы религиозности, а с другой, зачастую создают новые перспективы для развития религиозности. В данном контексте представляются односторонними как прогнозы относительно неминуемого и близкого умирания религии, так и скорого возрождения ее былой силы, поскольку научное и светское мировоззрение достаточно крепко утвердилось в общественном сознании современного общества.

Противоречивость роли религии особенно обострилась в условиях глобализации, стандартизации мирового хозяйственного уклада и общечеловеческих ценностей. В частности, авторы сборника статей «Религия в глобальном гражданском обществе» признают, что религия, с одной стороны, выступает противником глобализации (*enemy of globalization, globalization's foe*), а с другой, способна содействовать пониманию и терпимости в межкультурном диалоге и предложить свои собственные «глобальные» ценности [5]. На русском языке проблеме места религии в процессах глобализации посвящен сборник статей «Религия и глобализация на просторах Евразии» [6]. Авторы сборника выделяют «... три тенденции (направления) – адаптация, противоборство, собственная альтернатива. <...> [Которые] прослеживаются в каждой религии» [6, с. 332], а также делают противоречивый вывод, что глобализация «... стимулирует дальнейшую секуляризацию общества (*необратимость которой сегодня уже не выглядит столь однозначно*) (курсив наш – Д.К.)» [6, с. 331].

Отмеченная противоречивость процесса секуляризации общественного сознания обуславливает противоречивость процессов освобождения от религиозного мировоззрения вообще и размывания религиозного догматизма, в частности. С одной стороны, очевидно, что в современную эпоху в связи с усилением нерелигиозных областей культуры по мере секуляризации общественного сознания происходит постепенное размывание религиозного догматизма и освобождение от власти религиозных догм. С другой стороны, имеет место проявление новых, пока еще неявных, скрытых, имплицитных форм религиозного догматизма. Далее, несмотря на кризис эксплицитного догматизма традиционных для Запада религиозных верований, прежде всего христианства, не прекращаются попытки теологов «обновить» христианство, модифицируя эксплицитный догматизм, но сохраняя неизменным имплицитный догматизм.

Новые элементы имплицитного религиозного догматизма можно увидеть, в частности, в так называемом «межрелигиозном диалоге». В отечественной литературе одним из первых, кто обратил внимание на «имплицитный» подтекст «межрелигиозного диалога», был В.К. Шохин. В статье ««Диалог религий»: идеология и практика» автор справедливо отмечает, что межрелигиозный диалог имеет не «...только эксплицитно выраженное назначение (межрелигиозное взаимопонимание), но...» имеет «некую имплицитную сверхзадачу» «... для гипотетической “религии будущего”» [7, с. 295]. По существу, такой характер диалога готовит почву для формирования новой формы имплицитного догматизма, которая в будущем может обрести и четко выраженные формы эксплицитного религиозного догматизма. Поэтому наибольшей критике подвергаются традиционные для Запада религии, в частности, В.К. Шохин отмечает, что «... из всех религий, участвующих в этом процессе уже в настоящее время, в наибольшей степени подвергается деформации христианство – видимо, потому, что “неприкосновенность” для него более значима, чем для других партнеров по “религии диалога”» [8, с. 224-225]. Эта критика со стороны идеологов «диалога религии», в частности, выражается в критике важнейшего элемента эксплицитного догматизма христианства, установленного в 451 г. на Халкидонском соборе, – догмата о боговоплощении, устанавливающего исключительность Иисуса Христа как богочеловека. Среди консервативной

части католицизма подобный «межрелигиозный диалог» встречает скепсис, в частности, высказывается сомнение, что «... плодом межрелигиозного диалога станет объединение религии...» [9, с. 124], а также отрицается возможность вытеснения «христианской миссии» «межрелигиозным диалогом» [9, с. 126].

Противоречивое, двойственное отношение к религиозному догматизму отражает позиция образованных кругов религии. Так, в частности, некоторые теологи утверждают, что между религиозной верой и догматизмом значимой связи не существует, фактически подводя итоги исследований под свои конфессиональные установки [10, р. 93], а в других работах обобщается, что, несмотря на снижение уровня религиозности, религиозный догматизм будет сохраняться столько, сколько будет существовать религия [11, pp. 696-697]. Другие авторы, например, преподаватели христианского колледжа гуманитарных наук (Christian liberal arts college) отмечают, с одной стороны, догматизм у своих учеников, а с другой, – «развитие глубокой созерцательной христианской веры» (developing a thoughtful Christian faith), свой долг (commitment) видят в том, чтобы помогать студентам развиваться в направлении (in a way) «... снижения степени догматичности мышления, не нивелируя при этом ведущей (читай: основной, то есть догматической) истины евангельских христиан [дословно «библейского христианства», но речь именно о евангелистах]», и делают вывод о необходимости «научно-познавательной открытости новым идеям» (epistemological openness) «... в поисках окончательной истины ... (search for ultimate truth)», что ведет к исчезновению догматизма (resulting lack of dogmatism) [12, pp. 211, 219]. Однако ряд западных исследователей на основе конкретно-социологических исследований пришел к выводу, что «... догматизм равномерно распространен по всему населению...» [13, р. 257].

Таким образом, современное состояние общества можно охарактеризовать как противоречие между процессом секуляризации, размыванием эксплицитного догматизма в западной культуре и сохранением имплицитного догматизма в массовом религиозном сознании, что связано с общим положением религии в современном обществе. Несмотря на повышение уровня образования и улучшение социально-экономических условий жизнедеятельности человека, религиозный догматизм окончательно не изживается, а сохраняется, как продолжает сохраняться общая религиозность населения. Догматизм может иметь тенденцию к ослаблению, но верно и обратное, что в определенных условиях он может укрепляться, так как наравне со способствующими секуляризации факторами действуют факторы, сдерживающие секуляризацию, укрепляющие позиции религии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Узланер Д.А. «Постсекулярное»: ставим проблему // *Русский журнал*. 2009. 17 сентября 2009г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/pole/Postsekulyarnoe-stavim-problemu> (дата обращения: 27.10.2013).
2. Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). *Диалектика секуляризации*. М.: Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2006. 112 с.
3. Угринович Д.М. *Введение в религиоведение*. М: Мысль, 1985. 270 с.
4. Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, принятая резолюцией 35/55 Генеральной Ассамблеей ООН в от 25 ноября 1981г. (A/RES/36/55) // Веб-сайт ООН. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/relintol.shtml (дата обращения: 07.10.2012).
5. Juergensmeyer M. *Introduction: Religious Ambivalence to Global Civil Society* // *Religion in global civil society* / Ed. by Juergensmeyer M. Oxford [etc.]: Oxford univ. press, 2005. Pp. 4-5.
6. *Религия и глобализация на просторах Евразии*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Моск. центр Карнеги, 2009. 341 с.
7. Шохин В.К. «Диалог религий»: идеология и практика // *Альфа и Омега*. 1997. № 1 (12). С. 281-295.
8. Шохин В.К. «Диалог религий»: идеология и практика (Окончание) // *Альфа и Омега*. 1997. № 2 (13). С. 223-240.
9. Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). *Многообразие религий и единый завет*. М.: Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2007. 130 с.

10. **Francis L.J., Robbins M.** Christianity and dogmatism among undergraduate students // *Journal of Beliefs & Values*. 2003. Vol. 24. № 1. Pp. 89-95.
11. **Francis L.J.** Measuring attitude towards Christianity during childhood and adolescence // *Personality and Individual Differences*. 1989. Vol. 10. № 6. Pp. 695-698.
12. **McNeel S.P., Thorsen P.L.** A Developmental Perspective on Christian Faith and Dogmatism // *High School Journal*. 1985. Vol. 68. № 3. Authoritarianism and Dogmatism. Part 1 / February-March 1985. Pp. 211-220.
13. **Ray J.J.** The development and validation of a balanced dogmatism scale // *Australian Journal of Psychology*. 1970. Vol. 22. № 3 / December 1970. Pp. 253-260.

THE PRESERVATION OF IMPLICIT DOGMATISM IN SECULARIZATION

Kanakov D.V.

Secularization in modern society is contradictory. Although there exists factor that contributes to the secularization there are some factors that restrain the processes of the secularization and strengthen the position of religion. The tendency of demagnetization traditional forms is accompanied by the spread of new syncretic (Eastern and Western) cults, a revision of the of traditional religious dogmas, texts, myths and filling them with a new content, attempts to modernize traditional religious forms, psychologically justify religion. Having established that these attitudes can be transformed into new forms of religious dogmatism. Now we can state certain elements of implicit dogmatism inside such movements.

Keywords: religious dogmatism, implicit dogmatism, explicit dogmatism, society, secularization.

REFERENCES

1. **Uzlaner D.A.** «Postsekuljarnoe»: stavim problemu (2009). URL: <http://www.russ.ru/pole/Postsekulyarnoe-stavim-problemu> (accessed 27.10. 2014). (In Russian).
2. **Habermas Ju., Ratzinger J. (Benedikt XVI).** *Dialektika sekuljarizacii*. M.: St. Andrew's Biblecal Theological Institute. 2006. 112 p. (In Russian).
3. **Ugrinovich D.M.** *Vvedenie v religiovedenie*. M.: Mysl'. 1985. 270 p. (In Russian).
4. Deklaracija o likvidaciji vseh form neterpimosti i diskriminacii na osnove religii ili ubezhdenij, prinjataj rezoljuciej 35/55 General'noj Assambleej OON v ot 25 nojabrja 1981 g. (A/RES/36/55). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/relintol.shtml (accessed 07.10. 2013).
5. **Juergensmeyer M.** *Introduction: Religious Ambivalence to Global Civil Society. Religion in global civil society*. Ed. by Juergensmeyer M. Oxford [etc.]: Oxford univ. press. 2005. Pp. 4-5.
6. *Religija i globalizacija na prostorah Evrazii*. M.: Russian political encyclopedia (ROSSPEN Publisher), The Carnegie Moscow Center. 2009. 341 p. (In Russian).
7. **Shohin V.K.** «Dialog religij»: ideologija i praktika. *Al'fa i Omega*. 1997. № 1 (12). Pp. 281-295. (In Russian).
8. **Shohin V.K.** «Dialog religij»: ideologija i praktika (Okonchanie). *Al'fa i Omega*. 1997. № 2 (13). Pp. 223-240. (In Russian).
9. **Ratzinger J. (Benedikt XVI).** *Mnogoobrazie religij i edinyj zavet*. M.: St. Andrew's Biblecal Theological Institute. 2007. 130 p. (In Russian).
10. **Francis L.J., Robbins M.** Christianity and dogmatism among undergraduate students. *Journal of Beliefs & Values*. 2003. Vol. 24. № 1. Pp. 89-95.
11. **Francis L.J.** Measuring attitude towards Christianity during childhood and adolescence. *Personality and Individual Differences*. 1989. Vol. 10. № 6. Pp. 695-698.
12. **McNeel S.P., Thorsen P.L.** A Developmental Perspective on Christian Faith and Dogmatism. *High School Journal*. 1985. Vol. 68. № 3. Authoritarianism and Dogmatism. Part 1. February-March 1985. Pp. 211-220.
13. **Ray J.J.** The development and validation of a balanced dogmatism scale. *Australian Journal of Psychology*. 1970. Vol. 22. № 3. December 1970. Pp. 253-260.

Сведения об авторе

Канаков Дмитрий Владимирович, 1975 г.р., окончил МГУ им. М.В. Ломоносова (2007), кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии МГУПС (МИИТ), автор более 20 научных работ, область научных интересов – религиоведение, философия религии, востоковедение.

УДК 101

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТНОГО УРОВНЯ ВОСПРИЯТИЯ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА

С.И. НЕКРАСОВ, А.В. НОВИКОВА

Статья посвящена философскому осмыслению проблемы восприятия ценностей и антиценностей. Убеждения, признанные среди людей относительно целей, к которым важно стремиться на протяжении жизни, названы ценностями. Они являются фундаментом для нравственных принципов и обеспечивают людям их человеческое существование даже несмотря на то, что разные культуры придерживаются непохожих принципов. Племя яномаме ценит жестокость по той причине, что мужчина, защищающий свою честь в схватке, проявляет мужество, выдержку, веру в свои силы. Так или иначе, принципы, которых придерживается личность, объясняются моралью. Принципы обосновывают нормы и стандарты, поддерживают человека в стремлении быть честным, искренним для того общества, в котором живёт, и быть достойным его представителем.

Ключевые слова: ценности, мораль, нравственность, антиценности, бестактность, цинизм, взаимопонимание, принципы, дауншифтинг, антипотребительство, хикикомори.

Ценности могут сами по себе стать хорошей причиной для поступков, но для начала они тоже должны объясняться. Понятные причины проливают свет на путь, наполненный ценностями, каждый раз, когда открывается выбор между нравственным и безнравственным поступками. На следующем этапе, когда человек осознанно выходит на тропу нравственности, основания для ценностей служат ему фундаментом, на котором строится достойная жизнь. Очень важно, чтобы нуждающиеся в обосновании ценности стали понятными для каждого ребёнка, и до тех пор, пока дети во всём мире задают вопросы о них, культура человечества будет существовать и иметь под собой основания.

Гуденау объединил все эти элементы следующим образом: "Культура содержит образцы, помогающие решить, что существует (представления и понятия об окружающем мире), что может быть (взаимосвязи), как относиться к тому, что есть и что может быть (ценности), что с этим делать и как это делать (нормы)" [10, с. 62].

Культуры, придерживаясь разных ценностей, все до единой говорят об уважении друг к другу и к особенностям каждой из них, поэтому такое большое их количество никогда не мешает гармоничному сосуществованию в мире и согласии. Так, антрополог Франц Боас отмечает, что культура приживается извне не только у "дикарей", а у каждого человека: "Не будет преувеличением сказать, что нет людей, чьё культурное развитие обошлось без влияния иностранной культуры" [9, с. 626-638].

Внутри каждой культуры ценности дают основание нормам, которые реализуются в процессе людского взаимодействия. Нарушение ожиданий и стандартов по тем или иным причинам регулируется санкциями, целью которых является правовое регулирование поведения в обществе и, в конечном итоге, сохранение важнейших столпов, на которых зиждется культурное благополучие общества. Тюремное заключение или смертная казнь – вопрос, до сих пор вызывающий ожесточённые споры среди учёных, общественных деятелей, политиков, религиозных организаций. Имея под собой моральные основания, он поднимает проблему гуманизма: казнь как убийство свержает ценность человеческой жизни, а лишение свободы развязывает заключённому руки, ведь вторым пожизненным заключением его уже не напугать [6]. Всё же данный вопрос являет собой санкцию, саму по себе обеспечивающую существование общественных норм, которые обоснованы мировыми ценностями.

Однако даже в XXI в. не во всех сферах мировые культуры пришли к согласию. Долгосрочная аккультурация, не перетёкшая в культурную ассимиляцию, скорее всего, заключает в себе

латентный конфликт; часто над диаспорами, прошедшими аккультурацию, стоит риск полной ассимиляции.

Почему происходит нарушение единства культуры и, как следствие, санкции становятся настолько острой проблемой? Обществоведы отмечают зависимость роста преступности от неустойчивости религиозных и семейных ценностей, а если говорить в общем – наступает момент кризиса. Эмиль Дюркгейм вводит понятие "аномия", означающее нарушение культурного единства по причине отсутствия чётко определённых норм в обществе.

В настоящее время такие понятия, как честь, совесть, откровенность, искренность, открытость, с одной стороны, трактуются иначе, а с другой стороны, реализуются ещё более искажённо. В современном мире мы уже давно почтительно не обращаемся к нашим родителям на "Вы", а молодёжь путает прямолинейность с бестактностью и цинизмом.

Потерявший духовную защиту, человек оказывается перед враждебным для него миром, в котором имеющиеся ценности низвергаются, и тогда возникают мысли о бренности бытия, о безысходности и безнаказанности. Весь XX в. пронизан кризисом, занимающим всё более широкое пространство: он захватывал и смежные сферы жизни, тогда их проблемы объединялись, накладываясь в несколько слоёв, начинали взаимодействие и совершенно разные области человеческой деятельности, окружая людей всего мира захлёбывающейся, но стремящейся выжить культурой. Это выразилось в поиске новых образов, новых средств и материалов выражения. В эти сто лет направления и школы в сферах культурной и социальной деятельности развивались особенно стремительно, несомненно, и только благодаря философии, литературе, музыке, архитектуре: они занимались поиском фундаментальных оснований, отвечающих новым актуальным вопросам времени.

Рассмотрим экзистенциальный аспект проблемы ценностного отношения человека к миру.

До работ философов Д. Юма и И. Канта самонаблюдение и определение ценностной составляющей когнитивной деятельности системно не разъяснялись ни в теологии, ни в этике, ни в эстетических и иных учениях. В «Критике способности суждения» И. Кант пишет о познавательной и ценностной оценке окружающего мира: «Если бы мир состоял из одних безжизненных или отчасти из живых, но лишенных разума существ, то существование такого мира не имело бы никакой ценности, так как в нем не было бы существа, которое имело бы хотя бы малейшее понятие об этой ценности» [3, с. 485]. В данном высказывании допускается теоретическая мысль о существовании мира, не обладающего ценностью без самого человека и она обязана своему существованию человеку, во внутреннем мире которого оказалось безразличие к самому себе. Рационализаторский подход к ценностному отношению свидетельствует о переходе на новый этап развития культурных отношений человечества. Ватерлиния предшествующего этапа существования исторического, географического, этнического, религиозного многообразия культур держалась на познании, развитии, поведении и была установлена относительно ценностного отношения к действительности. Современный этап выходит за эти пределы и благодаря мыслительным трудам И. Канта характеризуется рассмотрением окружающего мира с другого ракурса.

Иное ценностное понимание запускается в познании в результате потери бытийной рефлексии человека. Индивид становится поддерживающим элементом системы, имеющим определённый функционал, и в отсутствии бытийного самопонимания он устремляет свою энергию в деятельностную составляющую своей жизни, где проявляет себя как полезная часть функционирующего и имеющего значимость, иногда глобального процесса, контекстным значением которого пренебрегаем, зато фокусируем своё внимание на функциональной определённости, это задаёт понимание вектора жизнедеятельности человека и направляет его активность, в которой он сравнительно ясно видит смысл. Ориентирами для него могут быть абсолютно разные значения себя, в зависимости от его картины мира, начиная от научных концепций, заканчивая социальными ролями, однако все они имеют определённый концепт ценностной системы, имеющей для человека значимость как для частички сущего, имеющей предопределённость, благо-

даря которой она действует, меняет мир и саму себя и вместе с другими образует динамическую деятельностную систему. Это определило человека быть значимым ещё вне его смысла быть, поэтому современное познание (XIX-XXI вв.) благодаря появлению в усиленно развивающемся научном познании теории ценностей сосредоточено на разграничении сущего на части, воспроизводимые в системах значений. Часть значений интерпретируется как ценностные ориентиры, а социологические методы исследования человека, подводящие смысл к концепции заранее определённой человеческой сущности стали актуальным ответом на ситуацию потери бытия в самопонимании современного человека.

Позже данную идею развивали Ф. Ницше и М. Хайдеггер.

Ф. Ницше поставил проблему переоценки всех ценностей. По сути, это проблема вообще возможности бытия ценностей в западном обществе, то есть как они могут формироваться, в чем их исток. М. Хайдеггер в «Европейском нигилизме» полагает, что «воля к власти» – вот новый принцип формирования новых ценностей. Но смотря как понимать волю к власти. С М. Хайдеггером можно было бы согласиться только тогда, когда «воля к власти» означает волю к жизни, сформированную инстинктом выживания. На этот смысл формулы Ф. Ницше указывает П. Тиллих. После О. Шпенглера вплоть до наших дней стало обычным утверждение, что система ценностей западного общества претерпевает глубокий кризис и это, в частности, проявляется в процессах дегуманизации общества. Изменение, обозначенное как потеря бытия в самопонимании человека при переходе к деятельному самопониманию, совпадает с периодом кризиса ценностей западного общества. Данный кризис сопровождается дистанцированием человека по отношению к ценностям, с чем связана возможность их познаваемости методологически и философски, что обуславливает развитие аксиологии. С.В. Поросёнков в своей монографии подчёркивает связь между процессом потери бытийного самопонимания и кризисом ценностей [7]. Зависимость ценностей и условий человеческого существования – это вопрос не о происхождении ценностей, не качеств человека, определяющих ценностные значения, а вопрос об онтологической форме, которую задает ценностному отношению взаимосвязь существования человека с совершаемой им деятельностью.

Среди концепций и философских идей аксиология, выступающая как самостоятельная философская дисциплина, появляется сравнительно недавно. Появление аксиологий в XIX в. совершилось на фоне исчезновения единой ценностно-смысловой системы координат бытия для западноевропейского мышления. Это было одним из факторов различий в теориях ценностей. Г.Х. Гадамер, характеризуя это историческое время, пишет: «XIX столетие стало столетием теорий познания, так как с распадом гегелевской философии окончательно разрушилось самоочевидное соответствие логоса и бытия» [2, с. 270].

Панлогизм Г. Гегеля – последний рубеж в европейской философии, когда смысл и бессмысленность совпадали в одних и тех же категориях.

Рассматривая направления теории ценности, можно выделить объективно-идеалистические теории (где сущность – вне времени и пространства), субъективно-идеалистические теории (где ценность – явление сознания, оценка объекта человеком), натуралистические теории (где ценность – выражение закона природы или естественных потребностей человека). В идеалистической философии аксиологические системы открыто или образно ставят человека как личность напротив общества.

В обществе, где эксплуатация человеческих сил выдаётся за норму и не опровергается, отчуждение личности является базовым элементом взаимоотношений, и человек рассматривается как отдельное звено, вне общественного контекста. Разнообразие культур способствует движению научной мысли в вопросах возможности самоидентификации индивидуального субъекта творческой деятельности, проходящего процесс социализации, и его способности выживать в многообразии транслируемых и навязываемых "Я"-образов. Часто они не отражают внутренние ощущения и убеждения личности.

Идея противопоставления человека обществу даёт основание изучаемому нами явлению деструктивности, т.е. в рассматриваемом случае конфликт, подающий импульс на разрушение общественной системы, происходит на ценностном уровне восприятия окружающего мира личностью в результате несоответствия представлений отдельно взятого человека о фундаментальных понятиях, на которых зиждется человеческая личность, и окружающей его действительности. Если же личность общественно ориентированная, то конфликт в результате несоответствия ценностям общества происходит на уровне личности, в связи с чем возникает импульс разрушительной силы, направленной человеком на самого себя.

Так или иначе, стремление личности избежать собственного несоответствия с реальностью отражено в понятии "эскапизм", бегство как физическое, так и психологическое, или близких к нему явлениях. Эскапизм может представлять из себя деятельность, формирующую новые "Я"-образы и позволяющую обогатить личностный опыт путём "проигрывания" в воображении разных социальных ролей и даже жизней. Созидательную форму эскапизм представляет из себя при условии общего положительного вектора данного процесса. Есть и разрушающее личность изнутри направление, произрастающее из часто неосознанного стремления уничтожить себя - это тоже попытки уйти от себя и от общества.

Выделяют целый ряд современных способов бегства от реальности и отказа от ценностей, установленных в обществе: дауншифтинг, кидалт, социальная изоляция (в том числе хикикомори), защитное фантазирование, антипотребительство, анскулинг. Все они так или иначе противостоят несоответствию систем ценностей: отдельных личностей и общественных.

Помимо деструктивной и конструктивной направленности цель эскапизма может находиться как внутри личностного мира, так и снаружи. А научно-творческое пространство можно определенным образом выразить как виртуальный эскапический мир бытия Разума, который окружает нашу биосферу и дарит знания всем, кто готов самосовершенствовать себя, конструировать свое мировоззрение путем философских и научных поисков, интуиции в конечном итоге постигать все новые и новые истины Вселенной.

Этот этап процесса познания тесно связан с трансформациями мировоззрения. Исследуя их В.И. Вердандский отмечал, что «Толпа индивидуальностей не уничтожит и не заменит целиком жизни, проявления и отношения к окружающему отдельной личности; потомство индивидуальностей, на них выросшее, не уничтожит и не заменит вечных и своеобразных черт своих предков» [1, с. 62-63], о неповторимости и индивидуальности мировоззренческих установок любой эпохи и потребность при любых исследованиях осуществлять исторический ракурс и открывать все новое и новое, интерпретировать и порождать новые истины, что еще раз подтверждает сущность принципа научного поиска.

Социально-значимые явления заключаются из свойств якобы непосредственно, имманентно принадлежащих личности. В этой связи проблема ценности или ограничена сознанием человека (субъективный идеализм), или вынесена за рамки сознания (объективный идеализм) как религиозная проблема. В буржуазной аксиологии научное и ценностное познание вещей рассматриваются как противоположные, способы и методы ценностного познания вещей не могут быть изучены эмпирически, таким образом выявляется необходимость союза божественного учения о благе как сущности бытия с ценностными категориями, которые развивают в своих трудах М. Шелер, Г. Риккерт, Н. Гартман, К. Ясперс. Целью такого соединения является попытка разбить человеческую деятельность на критерии, соответствующие нормам и целям абсолютных ценностей.

Вопросы ценностного отношения человека, критерии оценок общества и природы достаточно изучены в марксистско-ленинской философии. Фундаментальные аксиологические категории, часто парные, распространены в трудах основоположников теории. В процессе исторического развития производственной деятельности свойства природных вещей и социальных процессов вызывают человеческий интерес, встают на службу удовлетворения потребностей

человека, являют собой средства и объекты его деятельности, обретают степень полезности и, в конце концов, саму ценность [4].

Историческое развитие общества даёт нам понимание того, что в себе заключает категория "ценность", а классы, в свою очередь, в зависимости от собственных потребностей, сопоставляют ценности происходящих явлений и всего, что окружает человека. То, в чём классы видят практическую пользу, человек видит ценность, таким образом, общество создаёт систему параметров, образцов, норм, ориентирующих индивида в социальной среде. Вопрос формирования общественных мерок системно рассматривается на примерах позитивного и негативного опыта социума. Каждый член общества соотносит данный опыт со своими действиями и со свойствами вещей, и переносит в свою жизнь ценностное отношение к каждому элементу окружающего мира.

Ориентировочным для класса становится критерий пользы, а для человека – потребности общества: они раскрывают полноту граней ценностного отношения человека к окружающему миру, дают возможность познавать его законы бытия и развития и сознательно преобразовывать его посредством творческой деятельности.

Э. Трельч, обобщая историю развития аксиологических учений второй половины XIX в. и начала XX в., критикует эти учения из-за игнорирования живого человеческого «я» и ориентации на абстрактно понимаемое «я», безразличное к какому бы то ни было человеческому существованию. С точки зрения Э. Трельча, это можно преодолеть, если «я» мыслить в духе лейбницево́й монады как человеческой монады. Тогда «я» будет наполнено жизнью, само собой разумеющейся собственной субъективностью, а не абстрактной характеристикой субъектности. Индивидуальность «должна служить центральным пунктом именно в теории ценностей» [8, с. 175].

С другой стороны, поздний Шеллер выходит за пределы объективной трактовки человеческой жизни, она устремляется к поиску и реализации сущностного начала, где подобие богу трансформируется в соавторство с богом (Mitbildner), и дух человека выходит за пространственно-временные эмпирические границы и преобразуется в чистую сущность, свободную от аналитической деятельности. Подобное дистанцирование как отличительная черта личностного духа даёт основу существования всем другим его особенностям и так обретает мир. Сам по себе дух не способен к движению, но, напитываясь демоническими силами жизни, он встречает всю яркость и многогранность существования человека. Шеллер и в духовных и в витальных началах: становление личности как существа духовного есть реализация божественного в ней; акт любящего созерцания абсолютных сущностей есть одновременно проявление акта божественной любви.

Человеческая плотская энергия, дающая импульс, проходит через духовную, задающую вектор, результатом их гармоничного взаимодействия становится сама жизнь, исполненная гармонией деструктивных и конструктивных элементов, она предстаёт во всем великолепии и непостижимости, вне зависимости от интерпретаций её конкретных частей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вернадский В.И. *Биосфера и ноосфера*. М.: Айрис-Пресс, 2007. 318 с.
2. Гадамер Х.Г. *Истина и метод: Основы философской герменевтики*. М., 1988. 704 с.
3. Кант И. *Первое введение в критику способности суждения. 1789-1790*: соч. в 6 т. М., 1966. Т. 5. 564 с.
4. Лобовик Б.А. *Критика философской апологии религии*. Киев: Наукова думка, 1985.
5. Маркс К. *Экономические рукописи 1857-1859 годов* // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1968. Т. 1. 463 с.
6. Некрасова Н.А., Разинкова О.И. Жизнь и смерть как общечеловеческие нравственные ценности // *Научный Вестник МГТУ ГА*. 2012. № 182. С. 64-69.
7. Поросенков С.В. *Существование и деятельность в определении ценностного отношения*. Пермь: ПермГУ, 2002. 408 с.
8. Трельч Э. *Историзм и его проблемы*. М: Прогресс, 1994. 720 с.

9. **Boas F.** The aims of ethnology // Reprinted in F. Boas, Race, language, and culture (pp. 626–638). New York: Macmillan. 1940. (Originally published in 1888).
10. **Goodenough W.** Culture, language, and society. Menlo Park, Calif.: Benjamin/Cummings, 1981.

PHILOSOPHICAL ANALYSIS VALUE LEVEL OF PERCEPTION OF THE WORLD

Nekrasov S.I., Novikova A.V.

The article is devoted to the philosophical understanding of the problem of perception of values and antivalues. Beliefs, recognized among the people regarding the purposes to which it is important to strive for life, named values. They are the Foundation for moral principles and provide people with their human existence despite the fact that different cultures hold different principles. In the tribe Yanomami cruelty is considered a value. The expectation that men will defend their honor in combat, is to be the norm corresponding to this value. Anyway, the principles followed by the personality, are accounted for morality. Principles justify the norms and standards that support human being in his desire to be honest and sincere for that society in which he lives, and be worthy of its representative.

Keywords: values, morality, ethics, antivalues, rudeness, cynicism, understanding, principles, downshifting, hiki-komori, antiparasites.

REFERENCES

1. **Vernadskij V.I.** *Biosfera i noosfera*. M.: Ajris- Press. 2007. 318 p. (In Russian).
2. **Gadamer H.G.** *Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenевtiki*. M. 1988. 704 p. (In Russian).
3. **Kant I.** *Pervoe vvedenie v kritiku sposobnosti suzhdenija. 1789-1790: soch. v 6 t.* M., 1966. T. 5. 564 p. (In Russian).
4. **Lobovik B.A.** *Kritika filosofskoj apologii religii*. Kiev: Naukova dumka. 1985. (In Russian).
5. **Marks K.** *Jekonomicheskie rukopisi 1857-1859 godov*. Marks K., Jengel's F. Sochinenija. 2-e. izd. M.: Politizdat. 1968. T. 1. 463 p. (In Russian).
6. **Nekrasova N.A., Razinkova O.I.** Zhizn' i smert' kak obshhechelovecheskie npravstvennye cennosti. *Nauchnyj Vestnik MGTU GA*. 2012. № 182. Pp. 64-69. (In Russian).
7. **Porosenkov S.V.** *Sushhestvovanie i dejatel'nost' v opredelenii cennostnogo otnoshenija*. Perm': PermGU. 2002. 408 p. (In Russian).
8. **Trel'ch Je.** *Istorizm i ego problem*. M.: Progress. 1994. 720 p. (In Russian).
9. **Boas F.** *The aims of ethnology. Reprinted in F. Boas, Race, language, and culture* (pp. 626–638). New York: Macmillan. 1940. (Originally published in 1888).
10. **Goodenough W.** *Culture, language, and society*. Menlo Park, Calif.: Benjamin/Cummings. 1981.

Сведения об авторах

Некрасов Сергей Иванович, 1954 г.р., окончил КГУ (1979), доктор философских наук, заслуженный деятель науки и образования Российской академии естествознания, академик Российской академии естествознания, академик Европейской академии естественной истории, профессор кафедры гуманитарных и социально-политических наук МГТУ ГА, автор более 250 научных работ, область научных интересов – онтология и теория познания, философская антропология, этика, философия науки.

Новикова Алиса Вячеславовна, окончила МГТУ ГА (2012), аспирантка МГУПС (МИИТ), автор 2 научных работ, область научных интересов – тенденция развития современных нравственности, морали, а также факторы, влияющие на их трансформацию.

УДК 316.752

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И НРАВСТВЕННЫЕ УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

С.И. НЕКРАСОВ, Е.В. ЯРИНА

Статья посвящена проблемам формирования ценностной сферы молодежи в трансформационных условиях вузовской среды. Представлен эмпирический анализ динамики ценностных ориентаций и нравственных установок студентов за период 2005-2013 гг. на примере учащихся Московского государственного университета путей сообщения (МГУПС (МИИТ)). Выявлены основные смысложизненные ориентации молодых людей, отражены позитивные и негативные тенденции их развития. Особое внимание уделяется изучению специфики поведенческих стратегий учащихся, в основе которых лежат морально-нравственные установки.

Ключевые слова: ценностные ориентации, нравственность, студенчество, человеческий капитал, инновационная экономика.

В условиях глобализации и модернизации всех сфер общественной жизни в России актуализируется система образования, особенно высшего, как основной источник формирования человеческого капитала. Экономическая парадигма подразумевает, прежде всего, установку на гуманизацию экономических отношений постиндустриального общества, предполагающую внимание к «неэкономическим» факторам поведения индивида – психологическим, духовно-нравственным и морально-этическим. В связи с этим изучение роли морально-нравственных установок и ценностных ориентаций студенческой молодежи в реформируемой образовательной среде вызывает значительный исследовательский интерес.

Ценностная сфера студенчества, являясь элементом качественного содержания человеческого капитала, определяет эффективность будущей транснациональной экономики страны. Отсутствие должного внимания к ценностно-нравственным ориентациям молодежи даже при высоких показателях, традиционно считающихся основными (образование, профессиональные навыки и опыт работы), может привести к негативным тенденциям в экономическом развитии общества [3]. Своевременные и регулярные исследования содержательных особенностей индивидуального сознания студенческой молодежи позволяют отразить качественные и количественные изменения духовно-нравственной составляющей этих носителей человеческого капитала.

С целью анализа динамики ценностных ориентаций и морально-нравственных установок студентов обратимся к данным опросов, проведенных за период с 2005 – 2013 гг. в МГУПС (МИИТ) среди учащихся дневных отделений гуманитарных, экономических и технических специальностей с 1 по 5 курс. Выборочные совокупности опросов составили в 2005 г. – 1173 чел., в 2009 г. – 1297 чел., в 2013 г. – 1207 чел.

Результаты исследований показали, что важное значение в ценностной системе учащихся МГУПС (МИИТ) имеют смысложизненные ориентации, выявляющие общий уровень активности и жизненной стратегии молодых людей (табл. 1).

По данным опросов, устойчивее всего проявила себя ориентация на семью, на нее указали 74-81,7% опрошенных (ранг значимости I). Следует отметить, что в своих стремлениях, как молодые люди, так и девушки придают семейному счастью большое значение: более 79% респондентов-юношей и 81% респондентов-девушек указали на эту ценность в 2013 г.

Второй по значимости ранг занимает позиция «сделать карьеру и добиться высокого положения в обществе», на нее указали более 54% опрошенных учащихся МГУПС (МИИТ) в 2005 г., и 51% – в 2013 г. То есть каждый второй студент нацелен на карьерный рост,

посредством которого возможно приобретение высокого социального статуса, что вполне закономерно. К сожалению, в силу все увеличивающейся социальной и структурной дифференциации общества, значительные шансы на подобное становление имеет лишь небольшая часть студентов – та, которая имеет финансовую и статусную опору со стороны родителей. Возможно, этим и объясняется, что в процентном соотношении в 2013 г. студентов, отметивших данную ценностную ориентацию, стало меньше на 3%.

Таблица 1

Основные смысложизненные ориентации студенческой молодежи по годам, %

	2005 г., N=1169		2013 г., N=1200	
	%	ранг	%	ранг
1. Стать богатым, материально независимым человеком	40,19	III	39,21	V
2. Стать высококвалифицированным специалистом	40,19	III	39,42	IV
3. Стать человеком высокой культуры	18,82	VII	18,67	VIII
4. Иметь свободу выбора	34,77	V	34,44	VI
5. Сделать карьеру, добиться высокого положения в обществе	54,7	II	51,04	II
6. Иметь власть	8,29	VIII	7,05	IX
7. Счастливая семейная жизнь	74	I	81,74	I
8. Стать известным человеком	8,61	IX	6,64	X
9. Жить в свое удовольствие	35,09	IV	40,66	III
10. Быть порядочным человеком, не преступать нравственных законов	29,51	VI	33,82	VII

Примечание: сумма превышает 100%, т.к. можно было выбрать несколько позиций.

Стремления «стать богатым» и «высококвалифицированным специалистом» остаются приоритетными как в 2005 г., так и в 2013 г. (39-40%). Материальное обеспечение и профессиональная самореализация являются потребностями, вполне адекватными времени, не только для студентов, но и любого современного человека.

Негативной тенденцией отмечается рост в молодежной среде гедонистических настроений: так желающих «жить в свое удовольствие» в 2005 г. насчитывалось 35% респондентов (IV ранг значимости), в 2013 г. – более 40% (III ранг). Высокие амбиции современных молодых людей, к сожалению, не подкрепляются активными действиями, наслаждение «здесь и сейчас», а также пассивное восприятие жизненных ситуаций – это черты, которые характерны для таких студентов.

Позиция «быть порядочным человеком, не преступать нравственных законов» заняла лишь седьмое место по популярности: в 2013 г. – 33,8% опрошенных студентов МГУПС (МИИТ), что на 4% больше, чем в 2005 г. Приходится констатировать, что лишь треть молодых людей верит в то, что предварить свои жизненные стратегии возможно с сохранением нравственности и порядочности.

Таким образом, структура ценностных ориентаций разных поколений студентов МГУПС (МИИТ) в целом схожа: семья на протяжении восьми лет остается ценностной доминантой в сознании молодежи, но в то же время нацеленность на карьеру и благополучие в материальном плане являются основными практичными смысложизненными стратегиями. Отрицательной тенденцией современного развития является распространение пассивных гедонистических жизненных позиций студентов. Налицо рост противоречия среди устремлений учащихся: с одной стороны, они характеризуются высокими амбициозными планами – карьера, профессионализм, семья, с другой, нежелание предпринимать к этому серьезных усилий и индивидуалистический настрой, поскольку позиция «жить в свое удовольствие» – является явным настроением потребления, а не созидания.

Происходившие процессы в стране в последние два десятилетия изменили многое не только в экономическом и политическом укладе, но и в повседневной жизни каждого россиянина, а следовательно, в понимании того, что есть успех в жизни, какие цели нужно перед собой ставить, и какие средства для их достижения можно использовать [7]. Представление о средствах достижения успешности в жизни дают результаты выбора студентами альтернативных морально-нравственных установок.

Таблица 2

Альтернативные ценностные ориентации студентов МГУПС (МИИТ) по годам, %

Варианты ответов	2005 г., N=1169, %	2013 г., N=1200, %
Мое материальное положение в настоящем и будущем зависит, прежде всего, от меня	82,4	90,6
От меня мало что зависит – важно, какая экономическая ситуация будет в стране	9,1	4,98
Для достижения успеха в жизни надо рисковать, это дает шанс	53,7	59,5
В жизни лучше не рисковать, а постепенно, но зато надежно строить карьеру	34,2	32,2
Материальных успехов люди должны добиваться сами, бедные зачастую сами виноваты в своих проблемах	52,9	53,3
В жизни везет не всем. Было бы справедливо, если бы те, кто материально преуспел, помогали и заботились о бедных	37,1	39
Только на интересную работу стоит потратить значительную часть жизни	64,5	70
Главное в работе – это то, сколько за нее платят	17,6	21,4
Надо стремиться иметь любые доходы, независимо от того, как они получены	33,4	39,4
Человек должен иметь те доходы, которые заработал честным путем	55,2	54,5
Современный мир жесток, чтобы выжить и преуспеть, необходимо драться за свое место в нем, а то и переступить через некоторые нормы морали	48,4	44,8
Я лучше не достигну материального благополучия и не сделаю карьеры, но никогда не перешагну через свою совесть и моральные нормы	38,3	43,3

Анализ ответов студентов МГУПС (МИИТ) показывает, что при достижении поставленных целей большинство из них ориентируются на собственную активность, которая за последнее десятилетие все более утверждается в их сознании. Так более 90% респондентов указывают на то, что между материальным положением и собственной активностью существует прямая связь. При этом в 2005 г. 53% респондентов были готовы пойти на риск при достижении успехов, и 59% – в 2013 г.

Неоспоримым фактом является также преимущественная ориентация опрошенных студентов на интересную работу (64,5% в 2005 г., 70% – в 2013 г.), чем на заработок. Моральную же убежденность, что человек должен иметь только «честные» доходы, разделили более половины студентов, принявших участие в исследовании в разные годы. Вместе с тем выявилось, что количество студентов к 2013 г., ориентирующихся на любые доходы, независимо от того, как они получены, увеличивается. Этот факт вызывает большую тревогу.

Ответы опрошенных свидетельствуют, что нравственность молодежи в условиях современной действительности подвергается серьезным трансформациям. Большая часть студентов (в 2005 г. – 48,4%, в 2013 г. – 44,8%) признают, что порой стремление к успеху требует «переступить через некоторые нормы морали». Остается только надеяться, что тенденция увеличения в 2013 г. числа студентов, отмечающих приоритет совести и морали над карьеризмом и стремлением к богатству, будет устойчивой и определяющей в системе ценностных ориентаций.

В процессе формирования системы ценностных ориентаций у современной молодежи показательным является ее отношение к такому социальному явлению, как бедность. В молодежной среде это явление получило презрительно-осуждающую оценку. Так практически каждый второй студент из числа опрошенных отметил, что «бедные зачастую сами виноваты в своих проблемах» (2005 г. – 52,9%, 2013 г. – 53,3%). Молодые люди убеждены, что «материальных успехов люди должны добиваться сами», следовательно, категория бедных людей – категория неудачников, не приложившая должных усилий и активности для достижения личного благосостояния. Более того, социальный стереотип бедности в глазах молодых людей связан с «материальным недопотреблением», неприязнательностью и «серостью» жизненного существования, что формирует у молодых людей специфику поведенческих стратегий, которая заключается не столько в стремлении к успеху, а скорее в «страхе бедности».

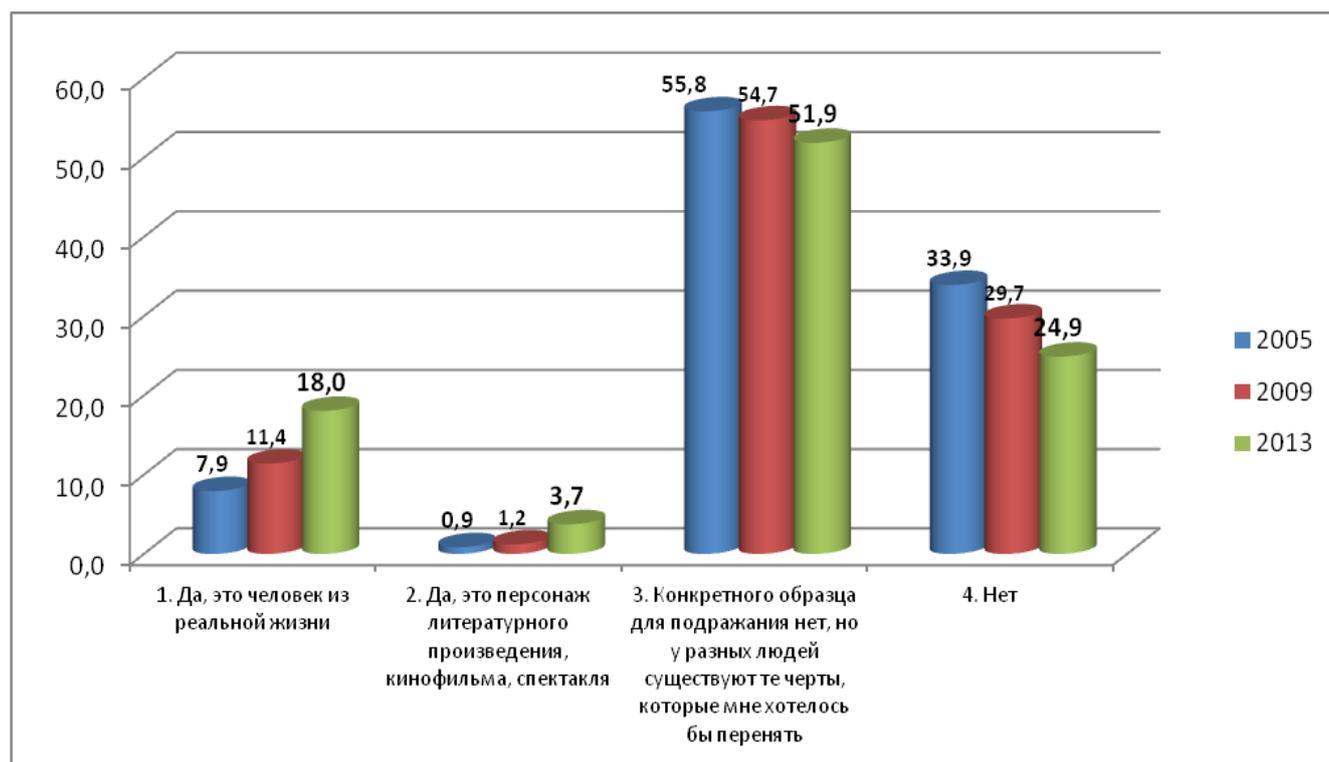
Подобные стратегические линии поведения опасны. Во-первых, борьба со страхом способна парализовать духовно-нравственные устои личности, что может толкать молодых людей к девиантному и асоциальному поведению на пути к цели. Во-вторых, разочарованность в случае несбыточных надежд ведет в личностном плане не просто к низкой самооценке, а к формированию чувства собственной неудовлетворенности, пессимистическому настрою и отсутствию конечной жизненной цели. Несомненно, что страх бедности – один из самых разрушительных страхов.

Для преодоления страха требуется сопоставление реальной картины действительности с собственными психологическими характеристиками, способностями и постановкой действительных целей. В этих условиях трансляторы социального опыта, в частности вуз, должны играть первостепенную роль. Бережное отношение к человеческой личности, разумно оптимистический подход к ее перспективам дают возможность найти стратегию индивидуальной работы с молодым человеком.

Самооценка личности формируется как посредством сопоставления мнений о себе окружающих, так и посредством оценки самим индивидом других людей. И в этом приоритетную роль играют идеалы, которые, с одной стороны, выступают духовно-нравственным ориентиром человека, с другой, отражают сложный, изменчивый мир социальных процессов и явлений действительности. Именно поэтому исследование этого аспекта ценностных ориентаций современного студенчества помогает раскрыть внутренний духовный мир молодого поколения в срезе трансформационных общественных изменений.

По данным опросов, практически у трети студентов МГУПС (МИИТ) в разные годы отсутствуют идеалы и образцы для подражания. Однако если в 2005 г. таких респондентов насчитывалось 33,9%, то уже в 2013 г. их число сократилось до 24,9% (рис. 1).

В продолжение отмеченной позитивной тенденции доля молодых людей, указывающих на наличие в качестве образца конкретного человека из реальной жизни, к 2013 г. увеличилась вдвое (в 2005 г. – 7,9% опрошенных студентов МГУПС (МИИТ), в 2009 г. – 11,4%, в 2013 – 18%). Образом идеала в основном выступают близкие родственники – мать и отец, реже – брат, сестра, дядя, учитель, преподаватель, друг. Не так часто объектами подражания становятся и кумиры – в анкетах студентов можно встретить имена таких известных людей, как Путин В.В., П. Буре, Дженнифер Лопес, Анжелина Джоли, Бред Питт, Дима Билан, Ф. Емельяненко, А. Кабаева. Не так высока и доля респондентов, равняющихся на образ из литературного произведения или киногероя – 0,9% - 3,7% в разные годы.

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос об идеале или образце для подражания, %

Налицо изменение факторов, формирующих ценностные ориентации современного студенчества: от экстравертных, порождаемых идеологической пропагандой государственных институтов, до интровертных, предопределенных референтной группой, в частности близкого окружения [1, с. 129].

Идеал, являясь высшей нравственной ценностью, выступает как устойчивое сочетание определенных личностных элементов: мировоззрения и оценки личности, авторитеты и эталоны поведения, позиции и качества характера, оцениваемые человеком как наиболее достойные. Необходимость определения идеала для молодежи обусловлена задачей осуществления личностного развития и профессионального становления. Однако сегодня фактическое отсутствие экстравертных форм формирования объекта подражания и постоянно меняющиеся условия жизни вынуждают молодых людей вести самостоятельный поиск идентичности. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что более половины опрошенных, как в 2005 г. (55,8%), так и 8 лет спустя (51,9%), в качестве идеала указывают на собирательный образ, состоящий из желаемых черт разных людей, а по сути – отсутствие конкретного образца.

Представления об идеале дают возможность не только выявить общие ориентации, но и проанализировать нравственные качества и черты характера, к выработке которых стремится современный студент. За последнее десятилетие приоритет наиболее достойных качеств объекта подражания по оценкам учащихся МГУПС (МИИТ) претерпевает некоторые изменения.

По данным опросов, наиболее высоко современная молодежь ценит в выбранных идеалах такие качества, как смелость, решительность и наличие силы воли – на что указывают от 41,9% до 56% респондентов в разные годы. При этом если в 2005 г. наряду с этими качествами учащиеся отмечали также целеустремленность и настойчивость в достижении цели, то в 2013 г. показатель по данной позиции занял лишь третье место, хотя в процентном соотношении он остался на прежнем уровне.

Важно отметить, что значимость в глазах молодых людей приобретает оптимизм, жизнерадостность и чувство юмора. Так, если в 2005 г. доля студентов, отмечающих эти черты, составила чуть более трети опрошенных (38,9%), то в 2013 г. их насчитывалось больше половины (53,5%). То есть смелый и решительный человек, готовый пойти для достижения своей цели до конца, и который при этом отличается чувством юмора и оптимизмом, – это образ, «нарисованный» современной молодежью в качестве идеального; образ человека, готового реализовать свои жизненные цели в современных меняющихся условиях.

Но, к сожалению, в этом образце для подражания студенты отмечают, что знания и эрудиция не являются основополагающими качествами. Они заняли лишь пятое место в вышеуказанном рейтинге (20-28% респондентов в разные годы). Это обстоятельство в очередной раз подтверждает снижение ценности знаний в сознании современной молодежи и указывает на негативную тенденцию в динамике ценностных ориентаций

Основные критерии добра, как основы ценностно-нравственной культуры человека, – это отношение к другим людям. Чуткость и отзывчивость, готовность прийти на помощь, а также воспитанность, скромность и честность – качества идеала, которые отмечает сегодня лишь каждый пятый студент МГУПС (МИИТ) (23,8%, 18% и 22% соответственно). В аутсайдерах также остаются и альтруистические черты личности – умение, когда необходимо, интересы дела ставить выше собственных – этот пункт отметили только 6,4-7% респондентов в 2005-2013 гг. К сожалению, приходится еще раз констатировать, что индивидуализм остается ведущей позицией в сознании современной молодежи, что сказывается на морально-нравственном облике последних и ведет к скудности проявления важных человеческих качеств.

Таким образом, ценностные ориентации современной студенческой молодежи носят противоречивый характер. С одной стороны, они выражают собственную активность молодых людей, понимание в необходимости саморазвития, стремление к высокой профессионализации, что соответствует постиндустриальному укладу хозяйствования, где критическим фактором является человеческий капитал. С другой стороны, стратегии «жить в свое удовольствие», стремление к богатству, карьеризм и готовность преступить через нормы морали при достижении своей цели – это ценности индустриальной экономики, в основе которой выступает вещественный капитал, потребительство. Это противоречие является проблемой на пути глобальных интеллектуально-инновационных преобразований, которые требуют нового экономического менталитета личности, способного к творческому, самостоятельному, активному мышлению и созидательной деятельности при высоком уровне нравственной культуры.

Ключевая роль в решении этой проблемы принадлежит высшей школе. Вуз выступает не только транслятором знаний, навыков и умений, но и определяющим образом влияет на формирование структурных составляющих личности студента – ценностных ориентаций и духовно-нравственных установок.

Очевидно, что существующая система образования как основа экономики знаний должна не просто претерпеть некоторые управленческие, административные, организационные и иные

модификации, а стать ареной глубинных образовательных инноваций, обеспечивающих новейшие интеллектуальные, гуманистически направленные знания, способные обеспечить всестороннее и гармоничное развитие личности в меняющихся условиях социальной реальности [5, с. 126].

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. *Молодежь России: социологический портрет*. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.
2. Некрасов С.И., Некрасова Н.А. Психоаналитическая концепция агрессивности и деструктивности в политических процессах // *Научный Вестник МГТУ ГА*. 2013. № 191 (5). С. 46-50.
3. Никандрова Е.Г. *Роль духовно-нравственной составляющей человеческого капитала в его воспроизводстве*. Дисс...канд. экон. наук. СПб., 2014. 195 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/econom-teoria/rol-duhovno-nravstvennoj-sostavljajuwej-chelovecheskogo-kapitala-v-ego.html> (дата обращения: 17.12.2014).
4. Кошарная Г.Б., Толубаева Л.Т. Духовно-нравственные ориентиры в системе ценностей студенческой молодежи регионального социума // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2013. № 3 (27). С. 113-123. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/duhovno-nravstvennye-orientiry-v-sisteme-tsennostey-studencheskoj-molodezhi-regionalnogo-sotsiuma#ixzz3Lqyg1L5C> (дата обращения: 12.12.2014).
5. Салихов Б.В. *Духовно-нравственные основы развития современной экономики*. М., 2009. 153 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://bv-salikhov.ru/dukhovnost-i-ekonomika.html> (дата обращения: 20.12.2014).
6. Селезнев И.А. Реформа высшей школы и социально-профессиональные ориентации будущих специалистов (по результатам опросов студенческой молодежи) // *Социальные проблемы развития современного российского общества: материалы научно-теоретической конференции*. М.: МИИТ, 2012. С. 153-179.
7. Ярина Е.В. Динамика ценностных ориентаций профессионального самоопределения студенческой молодежи (социологический аспект) // *Современные исследования социальных проблем (электронный журнал)*. 2014. №5 (37). [Электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2014-5-25> (дата обращения: 13.12.2014).

VALUABLE ORIENTATIONS AND MORAL ORIENTATION OF STUDENTS

Nekrasov S.I., Yarina E.V.

The article is devoted to problems of formation of the valuable sphere of youth in the university community. It represents empirical analysis of the dynamics of value orientation of students in the period of 2005–2013 as exemplified by the students of Moscow state university of railway engineering. The basic meaning of life orientation of young people, reflecting the positive and negative trends in their development. Particular attention is paid to the specifics of behavioral strategies for students, which are based on moral and ethical installation.

Keywords: valuable orientations, moral, students, human capital, innovative economy.

REFERENCES

1. Gorshkov M.K., Sheregi F.Je. *Molodezh' Rossii: sociologicheskij portret*. M.: CSPiM. 2010. 592 p. (In Russian).
2. Nekrasov S.I., Nekrasova N.A. Psihoanaliticheskaja koncepcija agressivnosti i destruktivnosti v politicheskikh processah. *Nauchnyj Vestnik MGTU GA*. 2013. № 191 (5). Pp. 46-50. (In Russian).
3. Nikandrova E.G. *Rol' duhovno-nravstvennoj sostavljajushhej chelovecheskogo kapitala v ego vosproizvodstve*. Diss...kand. jekon. nauk. SPb. 2014. 195 p. URL: <http://www.dslib.net/econom-teoria/rol-duhovno-nravstvennoj-sostavljajuwej-chelovecheskogo-kapitala-v-ego.html> (data obrashhenija: 17.12.2014). (In Russian).
4. Kosharnaja G.B., Tolubaeva L.T. Duhovno-nravstvennye orientiry v sisteme cennostej studencheskoj molodezhi regional'nogo sociuma. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki*. 2013. № 3 (27). Pp. 113-123. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/duhovno-nravstvennye-orientiry-v-sisteme-tsennostey-studencheskoj-molodezhi-regionalnogo-sotsiuma#ixzz3Lqyg1L5C> (data obrashhenija: 12.12.2014). (In Russian).
5. Salihov B.V. *Duhovno-nravstvennye osnovy razvitija sovremennoj jekonomiki*. M. 2009. 153 p. URL: <http://bv-salikhov.ru/dukhovnost-i-ekonomika.html> (data obrashhenija: 20.12.2014). (In Russian).
6. Seleznev I.A. Reforma vysshej shkoly i social'no-professional'nye orientacii budushhijh specialistov (po rezul'tatam oprosov studencheskoj molodezhi). *Social'nye problemy razvitija sovremennogo rossijskogo obshhestva: materialy nauchno-teoreticheskij konferencii*. M.: MIIT. 2012. Pp. 153-179. (In Russian).

7. **Jarina E.V.** Dinamika cennostnyh orientacij professional'nogo samoopredelenija studencheskoj molodezhi (sociologičeskij aspekt). *Sovremennye issledovanija social'nyh problem (jelektronnyj zhurnal)*. 2014. № 5 (37). URL: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2014-5-25> (data obrashhenija: 13.12.2014). (In Russian).

Сведения об авторах

Некрасов Сергей Иванович, 1954 г.р., окончил КГУ (1979), доктор философских наук, заслуженный деятель науки и образования Российской академии естествознания, академик Российской академии естествознания, академик Европейской академии естественной истории, профессор кафедры гуманитарных и социально-политических наук МГТУ ГА, автор более 250 научных работ, область научных интересов – онтология и теория познания, философская антропология, этика, философия науки.

Ярина Евгения Владиславовна, окончила МГУПС (МИИТ) (2004), соискатель МГТУ ГА, автор 3 научных работ, область научных интересов – социология молодежи, социология образования, аксиология.

УДК 57:165

ПЕРСПЕКТИВЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ НАСЛЕДСТВЕННОСТИ

А.А. КОЧЕРГИН

В статье рассматриваются перспективы дальнейшего развития концептуальных представлений о понятии наследственности в широком спектре биологических и социогуманитарных аспектов в рамках их синтеза. Дальнейшее развитие генетики тесно связано с раскрытием сложнейшей диалектики взаимодействия генетических, междисциплинарных, общенаучных, этических, правовых и философских категорий. Учение о наследственности на постнеклассическом этапе своего развития все больше приобретает черты гуманитарной науки, науки о человеке.

Ключевые слова: наследственность, концептуализация, развитие, ген, эволюция, постнеклассическая наука, этика, право, философия, гуманизм, человек.

Представление о перспективах изменения концептуальных представлений о содержании понятия наследственности составлено на основании ведущихся в настоящее время исследований и мнений крупных генетиков.

Современное состояние генетики позволяет утверждать, что дальнейшее развитие представлений о наследственности как биологическом феномене будет связано с решением целого ряда проблем биологического характера. К их числу А. Рейвин, известный американский генетик, отнес следующие [7].

Переход от представлений о гене как абстрактной единице наследственности к представлениям о нем как физическом объекте создавал возможность понимания механизма наследования признаков. Установление того, что носителем генетической информации является ДНК и создание ее модели, позволили уяснить молекулярную основу механизма наследования. Вместе с тем оставались вопросы, ответы на которые не являются столь ясными, как например, представление о гене как определенной последовательности дезоксирибонуклеотидных пар, которая контролирует специфическую биохимическую реакцию в клетке. К числу таких вопросов относятся также следующие: каков механизм осуществления геномного контроля развития признаков многоклеточного организма; каким образом ген размещается на хромосоме; как происходит кроссинговер (внутрихромосомная рекомбинация); как изменяются в ходе эволюции ген и генотип и т.д.

Рост организма, изменение его внутреннего строения и внешней формы сопровождаются поддержанием его целостности. Биохимические реакции, лежащие в основе развития признаков организма, определяются генами, причем в одних случаях формирование фенотипического признака осуществляется под влиянием многих генов, а в других случаях ген определяет развитие нескольких признаков. Но каков механизм, посредством которого осуществляется контроль за развитием признаков у многоклеточных организмов, чем обусловлена активность генов в одной группе клеток и прекращение активности – в другой, каков механизм действия на организм внешних условий, какую роль играет цитоплазма в передаче признаков по наследству и т.д. – все эти вопросы требуют не предположительных ответов, а четких оснований.

Не менее важными являются проблемы генетики поведения, важнейшей из которых является проблема сложной организации нервной системы высших животных. Известно, что характер поведения высших животных зависит от работы многих взаимосвязанных систем нервных клеток, однако нет ясности в том, каким образом осуществляется развитие всех интегрированных каналов связи и каков механизм взаимодействия этих систем.

Проблема размещения гена на хромосоме также нуждается в более четком представлении. Считается, что у бактерий не существует разделителей между генами, которые были бы иной, нежели ДНК, природы. Если это так, то как осуществляется распределение функций, за которые ответственна непрерывная структура ДНК, каким образом осуществляется фиксация границ между генами? Проблема расположения генов на хромосоме у более высокоорганизованных организмов еще более сложна. Так, например, весьма важными считаются вопросы о том, какие факторы вызывают дифференцированный синтез нуклеиновых кислот, какова связь этого синтеза с развитием, каков механизм, обеспечивающий спиралевидную организацию хромосомы, и какова его роль в развитии организма.

Требуется разрешения проблема, относящаяся к рекомбинации между сцепленными генами. Речь идет об организации ДНК в хромосоме: является структура ДНК по всей длине хромосомы непрерывной или же прерываемой участками, состоящими из иного субстрата, чем ДНК. Предполагается, что в хромосоме высшего организма могут быть представлены два типа рекомбинации: рекомбинация в пределах молекулы ДНК и рекомбинация, в которой принимают участие участки хромосомы из иного, по сравнению с ДНК, материала (кроссинговер). Это предположение должно быть подтверждено или опровергнуто. Причем, должен быть получен ответ на вопрос, может ли рекомбинация первого типа дать объяснение особенностям кроссинговера хромосом. Важными являются также вопросы о причинах хромосомных разрывов и причинах спаривания гомологичных хромосом.

Важно получить ответы на вопросы, касающиеся мутаций, хромосомных перестроек и эволюции. Модель ДНК Уотсона и Крика дает объяснение точковым мутациям, затрагивающим одну нуклеотидную пару из огромного множества нуклеотидных пар, составляющих ген. Остается открытым вопрос о многосайтовых мутациях, происходящих в различных участках гена. Существует предположение о том, что многосайтовые мутации есть не что иное, как изменение протяженности нуклеотидной последовательности. В этом случае возникает вопрос о физико-химическом механизме этого изменения. Подобные изменения, как происходящие спонтанно, так и вызываемые искусственно посредством всего арсенала физических и химических мутагенов, не различаются, как предполагается, по своей химической природе. Подобные изменения поставляют, как принято говорить, «сырье» для эволюции – перестройки хромосом приводят к реорганизации расположения в них генов, изменению характера взаимодействия генов и их мутабельности; все эти явления имеют «фенотипические последствия». И нехватка, и дупликация (удвоение) хромосом являются материалом эволюции. Потеря генов ведет к утрате специфических функций, что приводит к дифференциации видов, а дупликация создает условия для усложнения генетического аппарата – характерной черты биологической эволюции. Значительным фактором эволюции, очевидно, являются активность мобильных генетических элементов и горизонтальный перенос генов – в результате них может осуществляться существенная перестройка геномов как прокариотических, так и эукариотических. Необходимость изучения данных явлений в ракурсах как генетики, так и теории эволюции трудно переоценить. Изучение эволюции на молекулярном уровне и изучение генетических изменений в популяциях осуществляются во многом независимо друг от друга, но их результаты могут оказаться весьма полезными друг для друга.

Считается установленным, что биологические виды в генетическом отношении не являются однородными. Популяции одного вида зачастую пространственно отделены друг от друга, в генетическом отношении они не тождественны (как и особи внутри популяции). Генетическое различие проявляется в фенотипических различиях (поведении, морфологии, физиологии и т.д.), которые, как принято считать, определяют полиморфизм популяции и вида (наличие в пределах популяции и вида особей, резко различающихся друг с другом). Этот полиморфизм и стабилен, и динамичен. Циклические изменения, происходящие в окружающей среде, или внешние направленные изменения вызывают какие-то изменения в популяции. Отсюда

возрастание интереса к генетическим исследованиям природных популяций в их экологических нишах. Это – один полюс современных биологических исследований.

Другой полюс – исследование тонкой структуры нуклеиновых кислот и белков у организмов разных видов, имеющее целью выявить, каким образом изменения структуры макромолекул ведут к образованию новых видов и их дивергенции.

Ставится также вопрос и о том, является ли генетический код универсальным, изменяется ли он в процессе эволюции. Предполагается, что эволюционный процесс пошел в таком направлении, при котором выработанный в древние геологические эпохи генетический код остался в прежнем состоянии, и все богатство жизненных форм является его вариациями. Но это предположение также нуждается в обосновании.

Значительные перспективы имеет эпигенетика – раздел биологии, изучающий взаимодействие генотипа со средой при формировании фенотипа и явления передачи по наследству приобретенных в онтогенезе признаков, *не связанных* с изменением последовательности нуклеотидов в ДНК; оказалось, что такие явления представлены в природе достаточно широко, и важность их изучения очевидна.

Таким образом, классическая генетика знаменовала открытие закономерности в передаче наследственных признаков, выявление лежащих в основе этой закономерности клеточных процессов, поставив при этом ряд проблем, решение которых обеспечивало дальнейший прогресс в развитии генетических исследований. Данные проблемы касались выявления химической основы наследственности. Плодотворный симбиоз молекулярной концепции и эксперимента позволил изучать в основных чертах явления репликации, мутации и рекомбинации.

В повестку дня современных исследований внесены также проблемы связи генетической организации на молекулярном уровне с явлениями клеточного, организменного и популяционного уровней. Выявление связи гена с хромосомой, клеточной структурой, формообразованием, популяцией – основные проблемы генетики, ждущие своего разрешения. В число этих проблем сегодня включены такие, как заполнение разрыва между синтезом белков и формообразованием в онтогенезе, а также проблема раскрытия механизмов эпигенетических явлений.

Из актуальных задач и проблем науки о наследственности целесообразно означать следующие: изучение генетического контроля межвидовых взаимодействий (симбиоза) [8, с. 437-451]; разработка теории функционирования и эволюции согласованных ансамблей генов; реконструкция филогенетического древа эволюции как процесса реализации непрерывно изменяющихся и усложняющихся наследственных программ; выявление механизма возникновения в ходе эволюции полов и полового размножения; предотвращение накопления генетического груза (вредных мутаций) у человека; раскрытие наследственной предрасположенности («генетической архитектуры») и роли эволюционных процессов в ее формировании; выявление механизмов эпигенетических явлений и процессов наследования, их роли в нарушении процессов внутриутробного развития и в формировании наследственных патологий [3; 4, с. 253-272]; коррекция наследственных нарушений генноинженерными методами; поиск предполагаемого синтеза белковых макромолекул без участия нуклеиновых кислот (т.е. наследования по типу прионовых белков) [13, р. 307-310]; дальнейшее развитие математических методов и компьютерного анализа в изучении наследственности на всех ее уровнях [12, р. 363-364].

Особый пласт проблем, обусловленных наследственными факторами, связан с явлением старения и сопутствующим ему болезнями (сердечно-сосудистые заболевания, рак и аутоиммунные нарушения, катаракта, глаукома и др.). Данный процесс связан с прогрессирующей с возрастом супрессией генома [10] – в значительной степени он вызван увеличивающимся с годами (во всяком случае, начиная с определенного возраста) выделением органеллами (в первую очередь митохондриями) свободных радикалов, повреждающих клетки.

Решение соответствующей биолого-медицинской задачи (преодоление старости, связанных с ней болезней и продление жизни) предполагает не только поиск лекарственных средств, нейтрализующих свободные радикалы, но и расшифровка генетической программы, по которой «запускается» процесс старения. На наш взгляд, с решением задач борьбы со старостью и увеличения продолжительности жизни должна быть сопряжена задача адекватного продления ранних стадий жизни (детства и отрочества) и «отсрочивания» начала репродуктивного периода (это представляется целесообразным во избежание того, чтобы основной процент населения составляли люди пожилого возраста).

Все актуальнее становятся и проблемы, связанные с выявлением биохимических механизмов психических процессов и их наследственной обусловленности. Все очевиднее становится, что нервно-психические расстройства (включая девиантно-криминальное поведение) обусловлены не только социально-средовыми, но и наследственными «изъянами». Данная проблема исключительно сложна не только в связи с чисто техническими трудностями ее решения, но и потому, что возникают вопросы этического характера – если ни у кого не вызывает сомнения необходимость генодиагностики, генотерапии и генопротезирования «телесных» наследственных заболеваний, то в отношении психических, психологических и моральных «кондиций» человека, могут возникать серьезные разногласия в отношении того, что считать нормой, а что – патологией [9]. Особенную сложность представляют собой также расшифровка генетической детерминации способностей к обучению, творчеству [2] и выработка (в случае необходимости) соответствующей программы генетического оздоровления человека.

На основе гуманистических «первоположений» о человеке как высшей ценности и о необходимости непрерывного всестороннего совершенствования возникла философия трансгуманизма. Согласно ей, современный человек не является последним звеном эволюции, а значит, может (и должен) безгранично совершенствоваться (впервые понятие «трансгуманизм» применил в 1957 г. Дж. Хаксли) [11]. Это совершенствование едва ли возможно без решения всех вышеуказанных проблем по оздоровлению наследственности человека, без осуществления соответствующих мероприятий по сути евгенического характера. На наш взгляд, понятие «евгеника», ранее дискредитированное фашистами, не должно далее употребляться в негативном, «ругательном» смысле, поскольку изначальная задача евгеники была прогрессивна и состояла в оздоровлении и облагораживании наследственного аппарата человека. Иное дело, что оздоровление и облагораживание должны осуществляться не путем селекции, а исключительно путем совершенствующихся генной инженерии и биотехнологии.

Таким образом, современное состояние исследований феномена наследственности характеризуется расширением проблем, требующих для своего разрешения использования не только собственно генетических методов, но и междисциплинарных, общенаучных подходов. А проблемы, связанные с вмешательством в наследственные механизмы, требуют обращения к философии, философии науки, медицине, этике и даже праву. Поэтому дальнейшее развитие понятия наследственности оказывается тесно связанным с раскрытием сложнейшей диалектики взаимодействия генетических, междисциплинарных, общенаучных, этических, правовых и философских категорий. Проблемы наследственности оказываются погруженными не только в естественнонаучный, но и социокультурный, гуманитарный контекст, что характерно для постнеклассической науки. Достигнутый уровень концептуализации понятия наследственности не является завершенным – развитие генетики на основе новых подходов вовлекает в исследования новые методы. На нынешнем этапе (соответствующем постнеклассическому периоду исследования феномена наследственности) особенное значение приобретают адекватные культурно-мировоззренческие установки, следование гуманистическим идеалам – отход от последних (в том числе в областях исследования феномена наследственности и использования их результатов) может быть чреват серьезными последствиями как для человека, так и для всей биосферы. Кроме того, современные исследования предполагают понимание

исследуемых объектов и явлений как целостных развивающихся систем, находящихся в диалектической взаимосвязи с другими объектами и явлениями.

Учение о наследственности постнеклассического этапа своего развития шире естественнонаучной его интерпретации, смысл его дальнейшего развития в синтезе знаний о неживом, живом и социальном. Резкое возрастание этических (и правовых) проблем науки, ответственности ученых за характер использования полученных результатов объясняется опасностью их использования в антигуманных целях. Поэтому попытки вмешательства в наследственность, стремление усовершенствовать человеческую природу могут осуществляться только с гуманистической позиции «не навреди жизни». В данной ситуации генетика призвана трансформироваться из науки естественной в науку также и гуманитарную, науку о человеке. На примере развития учения о наследственности начинается сбываться предвидение: «Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука» [5, с. 596].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтухов Ю.П. *Генетические процессы в популяциях*. М.: ИКЦ «Академкнига», 2003. 432 с.
2. Анохин К.В. Молекулярная генетика развития мозга и обучения: на пути к синтезу. Лингвистическая компаративистика в культурном и историческом аспектах // *Вестник РАМН*. 2001. № 4. С. 30 – 35.
3. Аствацатурян М.З. *Что такое эпигенетика, и нужно ли об этом знать*. [Электронный ресурс]. URL: www.takzdorovo.ru/profilaktika/chto-takoe-epigenetika-i-nuzhno-li-ob-etom-znat/#print (дата обращения 02.10.14).
4. Лепшин М.В., Саженова Е.А., Лебедев И.Н. Множественные эпимутации импринтированных генов в геноме человека и наследственная патология // *Генетика*. 2012. Т. 50. № 3. С. 253-272.
5. Маркс К., Энгельс Ф. *Из ранних произведений*. М.: Госполитиздат, 1956. 690 с.
6. Назаретян А.П. *Нелинейное будущее. Метаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования*. М.: Изд-во МБА, 2013. 440 с.
7. Рейвин А. *Эволюция генетики*. М.: Мир, 1967. 223 с.
8. Тихонович И.А., Проворов Н.А. Развитие подходов симбиогенетики для изучения изменчивости и наследственности надвидовых систем // *Генетика*. 2012. Т. 48. № 4. С. 437-451.
9. Тищенко П.Д. Этика геномики // *Человек*. 1999. № 3. С. 9-15.
10. Ханжин Б.М., Бердышев Г.Д., Вишев И.В., Ханжина Т.Ф. *Проблема практического бессмертия человека*. М. - Астрахань - Владимир, 2004. 96 с.
11. *Что такое трансгуманизм?* [Электронный ресурс]. URL: http://alex2113853211.narod.ru/stateiki/transgumanizm_st/chto_takoe_transgumanizm.html (дата обращения 14.06.2011).
12. Fischer R.A. *The genetic theory of natural selection*. Oxford: Clarendon, 1930. 272 p.
13. Meirmans S., Strand R. Are There So Many Theories for Sex, and What Do We Do with Them? // *Journal of Heredity*. 2010. Vol. 101, suppl. 1, March-April. P. S3-S12.
14. Oliver C.P. A reversion to wild-type associated with crossing-over in *Drosophila melanogaster* // *Proc. Nat. Acad. Sci. US*. 1940. Vol. 26. P. 452-454.

PROSPECTS OF CONCEPTUALIZATION OF THE NOTION “HEREDITY”

Kochergin A.A.

The article examines the prospects for further development of the conceptualization of the notion “heredity” in a wide range of biological and socio-humanitarian aspects. Further development of genetics closely relates to the disclosure of interaction of genetic, interdisciplinary, general scientific, ethical, legal and philosophical categories, its complex dialectics. The doctrine of heredity in the post-nonclassical stage of its development is increasingly taking on the traits of humanities, of a science of human.

Keywords: heredity, conceptualization, development, gene, evolution, post-non-classical science, ethics, right, philosophy, human, humanism.

REFERENCES

1. Altukhov Yu.P. *Geneticheskie protsessy v populyatsiyakh*. М.: ИКЦ «Академкнига». 2003. 432 p. (In Russian).
2. Anokhin K.V. Molekuljarnaja genetika razvitija mozga i obuchenija: na puti k sintezu. Lingvisticheskaia komparativistika v kul'turnom i istoricheskom aspektah. *Vestnik RAMN*. 2001. № 4. Pp. 30-35. (In Russian).

3. **Astvatsaturyan M.Z.** *Chto takoe ehpiogenetika, i nuzhno li ob etom znat'*. URL: [http:// www.takzdorovo.ru/profilaktika/chto-takoe-epigenetika-i-nuzhno-li-ob-etom-znat/#print](http://www.takzdorovo.ru/profilaktika/chto-takoe-epigenetika-i-nuzhno-li-ob-etom-znat/#print) (accessed 02.10.14). (In Russian).
4. **Lepshin M.V., Sazhenova E.A., Lebedev I.N.** Mnozhestvennye jepimutacii imprintirovannyh genov v genome cheloveka i nasledstvennaja patologija. *Genetika*. 2012. Vol. 50. № 3. Pp. 253-272. (In Russian).
5. **Marks K., Engel's F.** *Iz rannikh proizvedenij*. M.: Gospolitizdat. 1956. 690 p. (In Russian).
6. **Nazaretyan A.P.** *Nelinejnoe budushhee. Metaistoricheskie, sinergeticheskie i kul'turno-psikhologicheskie predposylki global'nogo prognozirovaniya*. M.: Izd-vo MBA. 2013. 440 p. (In Russian).
7. **Rejvin A.** *Evoljutsiya genetiki*. M.: Mir. 1967. 223 p. (In Russian).
8. **Tikhonovich I.A., Provorov N.A.** Razvitie podkhodov simbiogenetiki dlya izucheniya izmenchivosti i nasledstvennosti nadvidovykh system. *Genetika*. 2012. Vol. 48. № 4. Pp. 437-451. (In Russian).
9. **Tishhenko P.D.** Jetika genomiki. *Chelovek*. 1999. № 3. Pp. 9-15. (In Russian).
10. **Khanzhin B.M., Berdyshev G.D., Vishev I.V., Khanzhina T.F.** *Problema prakticheskogo bessmertiya cheloveka*. M.-Astrakhan-Vladimir. 2004. 96 p. (In Russian).
11. *Chto takoe transgumanizm?* URL: [http:// www. alex2113853211.narod.ru/stateiki/transgumanizm_st/chto_takoe_transgumanizm.html](http://www.alex2113853211.narod.ru/stateiki/transgumanizm_st/chto_takoe_transgumanizm.html) (accessed 14.06.2011). (In Russian).
12. **Fischer R.A.** *The genetic theory of natural selection*. Oxford: Clarendon. 1930. 272 p.
13. **Meirmans S., Strand R.** Are There So Many Theories for Sex, and What Do We Do with Them? *Journal of Heredity*. 2010. Vol. 101. suPl. 1. March-April. P. S3-S12.
14. **Oliver C.P.** *A reversion to wild-type associated with crossing-over in Drosophila melanogaster*. Proc. Nat. Acad. Sci. US. 1940. Vol. 26. Pp. 452-454.

Сведения об авторе

Кочергин Алексей Альбертович, 1963 г.р., окончил НГУ (1985), Столичный институт переводчиков (2009), соискатель МГТУ ГА, автор 49 научных работ, область научных интересов – философия и методология науки, философские вопросы генетики.

УДК 130.2:392

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СУЩНОСТИ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

О.Ю. ШИБАРШИНА

В статье рассмотрены взгляды античных философов классического периода и философов эллинистических школ на место мужчин и женщин в обществе. Определен порядок формирования гендерных отношений в античный период. Осуществлен критический анализ концепций Пифагора, Сократа, Платона, Ксенофонта и Аристотеля, рассматривающих гендерные проблемы, сделан вывод о доминировании идеи приоритета мужчин по отношению к женщинам в социальных отношениях.

Ключевые слова: античная философия, пол, гендер, социальный пол, миф об андрогине.

Сегодня человек с его правами и свободами является ключевым звеном любой философии, но были и другие времена. В античный период во главу угла ставилась отнюдь не личность, а окружающий людей мир. Тайны мироздания объяснялись мифами, а природные неурядицы – волей богов. Первопроходцем в становлении античной философии считается Пифагор. Он основал Пифагорейский союз, который исходил из постулата, что человек является частью мироздания, космоса, природы, а основой природы выступает число. С этой позиции объяснялись все события, происходящие в жизни людей. Подобно тому как почва ежегодно дает щедрые урожаи, женщина дарит миру дитя. Ответ на вопрос о том, что же выделяет человека от окружающих его природных сил, животных, можно найти в глубинах культуры. Культура сопровождается установлением законов в обществе, которым все подчиняются, в то время как в природной среде отношения строятся на силе.

Эпоха античности была далека от феминизма. В те времена многие мужчины считали женщин людьми второго сорта, средством для продолжения рода. Подтверждением этому служит одно из сохранившихся высказываний античной поры, принадлежащее Фалесу Милетскому. Философ сказал, что благодарен судьбе за то, что родился человеком, а не животным, эллином, а не варваром, мужчиной, а не женщиной. То есть женщина в противопоставлении мужчине ставилась в один ряд с варварами и животными.

Однако не все мужчины Античности придерживались такого мнения. Прогрессивный Пифагор, напротив, всячески подчеркивал и обособлял важную роль женщины. В Пифагорейском союзе был даже учрежден женский филиал, в котором дамы постигали суть обрядов и знакомились с сакральными заповедями своих высоких обязанностей. Пифагор учил женщин тому, как любовь преображает сердца двух людей в браке, и какую роль в этом процессе играет жена.

Эллинский мыслитель уже тогда знал, что гармоничный союз – это слияние душ. В своих работах он писал о мужской силе как начале творческого духа и о женском могуществе как олицетворении пластичности природы. И когда две эти силы сливаются в одно целое как физически, так и духовно, рождается нечто новое – целая вселенная. То есть Пифагор употребил тезисы, соответствующие принципам Инь-Ян. Он явно продемонстрировал, что считает мужчину и женщину одним целым, а значит, их место и роли в обществе одинаково важны и нужны.

Последователи философа смотрели на устройство мира несколько иначе. Они представляли его миксом упорядоченности и хаотичности. При этом мужское считалось активным, оформленным, а женское – пассивным, неоформленным. Впервые такое противопоставление можно увидеть в одном из сохранившихся документов VI в. до нашей эры. Пифагорейцы предложили таблицу пар, в которой были следующие противопоставления:

- предел – беспредел;
- чет – нечет;

- покой – движение;
- свет – тьма;
- левое – правое;
- квадрат – прямоугольник;
- добро – зло;
- прямое – кривое;
- одно – множество.

Десятой парой противопоставления стала цепочка «мужчина-женщина».

Что примечательно, в теории философы присваивают строго определенные качества как мужскому, так и женскому началам. Если первое считается рациональным, то второе – эмоциональным. Но на практике ситуация была далека от прогрессивной, и интересами, мнением женской половины человечества никто не интересовался. Фактически женщины не имели никаких прав. Они не могли участвовать в выборах, получать образование, владеть имуществом и т.д. В обществе царил строжайший патриархат, а роль женщины была второстепенной. Ее рассматривали, как инструмент для продолжения рода, причем жена считалась собственностью мужа [3, с. 101].

Первым философом, который обратился к личности человека, считается Сократ. Именно он начал исследовать феномен души, называя ее связующим звеном между материей и идеями. Сократ обозначил важное место внутреннего мира человека в его жизни. Он указал на необходимость познания самого себя, как важнейшей цели в жизни каждого. По мнению философа, самопознание – это главная задача, призвание человека.

Сократу принадлежит ряд крылатых фраз, которые актуальны и в наши дни. Например, высказывание о необходимости жениться. Философ проявил чувство юмора, когда сказал, что «если попадетсЯ хорошая жена, будешь исключением, а если плохая - станешь философом». Или другой пример – о том, что любовь женщины подобна приятному, но опасному яду, и ее нужно остерегаться больше, чем ненависти со стороны мужчины. Очевидно, Сократ имел в виду ситуации, когда разгневанная женщина начинает мстить, и объектом ее нападок становится бывший возлюбленный.

Его ученик Платон продолжает развивать тему души. Уже в его ранних работах появляются высказывания о дуализме интеллектуального и материального, рационального и эмоционального. Именно учение Платона впоследствии стало основополагающим в философии Запада. Оно разделяло понятия души и тела, отчетливо формировало образ женского начала.

Платон возвеличивает душу, принижая тело. Физическую ипостась человека ученик Сократа находит недостойной, низшей материей. Этим его учение противостоит философии софистов, которые говорят о единстве души и тела.

Платон категоричен и в отношении женщин. Он считает их более низкими созданиями по сравнению с мужчинами. Об этом говорит созданная им повесть о сотворении мира. Согласно ей, изначально существовали только мужчины, пришедшие на землю с далеких звезд. Каждый, кто достойно проживал свои дни, в итоге возвращался домой – на звезду. Его душа при этом обретала чувство гармонии и удовлетворения. Если же мужчина сделал что-то недостойное при жизни, он не мог покинуть землю и рождался на ней вновь, но уже в теле женщины. При этом, по мнению Платона, ее душу то и дело одолевает дьявол. Слабые женщины, которые не могут ему сопротивляться, постепенно опускаются все ниже в цепочке перерождений, достигая состояния животного.

Таким образом, согласно Платону, женщина – это связующее звено, переходный элемент эволюции между женщиной, высшим творением, и животным, бессловесной скотиной.

Стоит отметить, что философ предложил и другой миф о появлении человека. Согласно ему, возникновение полов связано с разделением сущности первочеловека. Миф рассказывает, что были времена, когда на земле жили мужчины, женщины и смешанные обоеполые существа

– андрогини. Описание последних очень напоминает сиамских близнецов: сросшиеся тело, двойная голова, по четыре руки и ноги. При этом андрогини были невероятно сильны – сам Зевс их опасался. Чтобы избавиться от потенциальной угрозы, он разделил «сиамских близнецов». С тех пор мужчины и женщины стремятся друг к другу, ищут вторую половину. Причем если одна из сущностей умирала, живущая искала другого партнера, не обращая внимания на пол. Из-за того, что однополые люди не могли продолжать род человека, Зевс сделал так, чтобы разнополые союзы давали потомство. То есть разделение полов было неизбежным [5, с. 127].

В своих работах, касающихся социального порядка, Платон описывает структуру государства. Философ рассматривает два варианта функционирования общества: «наилучший» и «второй после наилучшего». В первой утопической модели роль женщины по-прежнему остается второстепенной. Она должна родить младенца, после чего он передается на воспитание в общину. Обязанности по выращиванию детей выполняют либо мужчины, либо рабы. В таком обществе нет привычного нам института семьи и брака. Все дети являются общими, как и хозяйство. При этом нет такого понятия как глава семьи – женщина не подчиняется мужчине [5, с. 101].

Стоит отметить, что в некоторых работах философ ставил женщин наравне с мужчинами в вопросах выполнения одних и тех же обязанностей в идеальном обществе. Например, первые должны были осваивать военное дело, а вторые – участвовать в воспитании детей. То есть Платон стал первым писателем для своего времени, который допустил, что женщина может быть на равных с мужчиной, занимать одинаковое положение в обществе (идеальном, утопическом).

Более того, некоторые современные философы считают, что Платон был первым феминистом в истории человечества. Его феминизм носил вынужденный характер. Согласно работам Платона, существование частной собственности рождает необходимость появления института наследства, а это невозможно без наличия частной семьи и частной жены.

Другая утопическая теория о «втором после наилучшего» обществе низводит женщину до состояния частной собственности. В основе её положений лежит андроцентричный взгляд на отношения мужчин и женщин. При этом мужчина является хозяином, а женщина должна во всем ему подчиняться. Конечно, такой подход полностью исключает наличие у жены каких-либо прав. Она может только следить за порядком в доме и растить детей, причем на бытовом уровне – кормить, стирать и т.д. Мать не имеет права обучать ребенка письму, чтению и прочим интеллектуальным знаниям – эта почетная обязанность ложится на плечи мужчины.

В Древней Греции эта теория находила отголоски в реальной жизни людей. В домах существовали специальные «флигеля» – гинекеи, где женщины выполняли бытовую работу. Они не имели права наследовать имущество, иметь собственность, выступать свидетелями на судебных разбирательствах и самостоятельно выбирать мужа. То есть и дома, и женщины, и дети принадлежали мужчинам.

Зажиточные семьи имели рабынь, которые под руководством «хозяйки» занимались рукоделием. Большую часть дня женщина проводила в гинекее. В качестве милости ей разрешалось встречаться с подругами, ходить в театры на представления, посещать могилы умерших родственников и участвовать в мероприятиях религиозного характера в честь богов Олимпа.

Исключением из правила являлись гетеры. Они выполняли роль любовниц, имели хорошее образование. Греческие мужчины не скрывали, что жены созданы для рождения потомства, а гетеры – для развлечений.

Следует обратить внимание на мнение Ксенофонта по поводу обязанностей полов. В своем высказывании современник Платона обратил внимание на тот факт, что природа создала мужчину для походов и путешествий, сделав его тело сильным и выносливым. Женщина же более слабое создание, которое должно находиться дома и обулаивать семейный очаг. Мужчине же зазорно проводить свой досуг в стенах жилища – он должен заниматься решением внешних задач как полагается его природе. По мнению Ксенофонта, такой порядок в ролях

полов установил Бог, наделив их соответствующими телами.

Еще одним отъявленным приверженцем патриархата является Аристотель. Как и его учитель, Платон в ранних работах, он не считал женщину равной мужчине. По мнению Аристотеля, абсурдна сама идея сравнивать неравное. Это вполне укладывается в иерархическую модель устройства мира, созданную умом мыслителя. Согласно его идеям и космос, и общество являют собой структурированную лестницу. Одни элементы (мужчины) находятся на верхних ступенях, в то время как другие (женщины) – на нижних.

Иерархическое устройство согласно философским гипотезам Аристотеля состоит из пяти слоев. Внизу находится материя, затем вещи, люди, животные, душа и, наконец, дух, который венчает структуру. При этом низшее создано для того, чтобы служить высшему, обеспечивать его лучшими ресурсами.

Аристотель был невысокого мнения о женщинах. Прежде всего, это связано с некой, по его мнению, недоразвитостью их характера. Философ обвиняет женщин в отсутствии рациональности и, как следствие, логики, способности рассуждать, делать обоснованные выводы. Поэтому он располагает их ниже мужчин в своей иерархической структуре устройства мира. Аристотель прямым текстом говорит то, за что сегодня на него бы обрушился справедливый хор феминистического движения. А именно: «Самка является самкой в силу отсутствия определенных качеств. Характер женщины мы должны рассматривать как страдающий от природного изъяна» [1, с. 90].

Аристотель отождествляет пассивную женскую энергию с хаосом и располагает ее на нижней ступени иерархии. Единственной ролью женщины в обществе является деторождение, а ценностью – способность к размножению половым путем. Мужчина же, напротив, олицетворение активного начала, дух, стремящийся к новым открытиям [2, с. 21].

Интересно, что философ не считал существование полов необходимостью, в отличие от Платона, указывающего на это, как на божественную данность. Аристотель упоминал о двуполовых животных, которые способны самооплодотворяться и продолжать человеческий род. Однако он соглашался с тем, что существование полов является более желанным явлением, нежели двуполость. А все потому что лучше не смешивать высшее и низшее в одном теле [1, с. 93]. Такие высказывания Аристотеля впоследствии были названы классическим андроцентризмом в отношении женщин. Неудивительно, что западные феминисты раскритиковали учения эллинского мыслителя.

Эпоха учений Сократа, Платона, Аристотеля и других – это классический период античной философии. Он знаменовался многими открытиями, расширением идейного мировоззрения древних греков, патриархальными, антифеминистическими взглядами на роли полов в обществе. На смену ему пришла эпоха эллинистических учений: стоицизм, скептицизм, эпикурейство.

Основным отличием новой античной философии стала ориентация на моральное поведение человека. Были внесены коррективы и в представления относительно природы мужского и женского начала, достигнуто большее идейное равенство полов. Например, стоик Зенон как-то сказал, что у дружбы нет критерия по одежде (брюки или юбка). При оценке характера человека во внимание принимается его моральный облик, а не половая принадлежность.

Единомышленник Зенона Сенека утверждал, что «мужчину пробуют женщиной». То есть той, кого он выбирает себе в пару. Философ приводит слова Марка Аврелия о пресыщенности мужчин и неумении чувствовать по-настоящему, испытывать сильные желания, решаться на героические поступки во имя обожаемой избранницы. При этом женщине в этом высказывании отводится почетная роль носительницы вселенского смысла – трепетной любви.

Высказывания обоих философов подтверждают тот факт, что стоицизм высоко оценивал роль института брака в человеческом обществе. Союз супругов должен основываться на дуальной гармонии – гармонии души и тела. Именно представители этого эллинского течения оказали большое влияние на формирование христианской философии и неоплатонизма.

Подводя итоги, отмечаем, что период Античности характеризуется разными

представлениями о роли мужчины и женщины в человеческом обществе. Философы Древней Греции признавали силу и значимость любви, но она в их глазах могла иметь как положительный, так и отрицательный характер. Ее рождение приравнивалось к вселенскому подарку, некоей космической неизбежности, ниспосланной на человека. При этом сами люди считались участниками этого процесса, а не его творцами.

К институту брака в античные времена было особое отношение. Его считали союзом противоположных сущностей, у каждой из которых свои функции и роль. Такие умозаключения стали следствием сравнения общественных процессов с теми явлениями, которые происходят в природе (каждое из них якобы имеет мужской или женский характер). Подобный подход к позиционированию полов привел к обоснованию неравенства мужчин и женщин в социальных отношениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Аристотель.** *О возникновении животных.* М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. 250 с.
2. **Воронина О.А.** *Гендер // Словарь гендерных терминов.* М.: Информация XXI век, 2002. С. 20-24.
3. **Воронина О.А.** *Основы гендерной теории и методологии // Теория и методология гендерных исследований: курс лекций / под общ. ред. О.А. Ворониной.* М.: МЦГИ - МВШСЭН-МФФ, 2001. С. 101-105.
4. **Обидина Ю.С.** Специфика гендерных ролей в античном полисе: роль греческой драмы в становлении женской идентичности // *Вестник Марийского государственного университета.* 2014. № 1 (13). С. 150-153.
5. **Платон.** *Государство // Платон. Диалоги / пер. с древнегр. С.Я. Шейнман-Топштейн / под ред. А.Ф. Loseva.* М., 1986. С. 8-114.
6. **Шибаршина О.Ю.** Гендерные модели мифологических систем Европы и современность // *Научный Вестник МГТУ ГА.* 2014. № 203. С. 85-90.

DEVELOPMENT OF IDEAS OF THE SUBJECT-MATTER OF A MAN AND A WOMAN IN ANCIENT PHILOSOPHY

Shibarshina O.Yu.

In the article concepts of ancient philosophy of the classical period, and also philosophy of the Hellenistic schools in which the problem of regulation of the relations between the man and the woman was considered are analyzed. The features of formation of the gender relations in antique society are defined, conditions of emergence of the concept "social gender" are opened. A valid conclusion that in the period of Antiquity in the system of the gender relations the androcentrism dominated, priority value belonged to the man.

Keywords: ancient philosophy, the gender relations, the myth about the androginakh, an androcentrism, feminism.

REFERENCES

1. **Aristotel'.** *O vzniknovenii zhivotnyh.* M.-L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR. 1940. 250 p. (In Russian).
2. **Voronina O.A.** *Gender // Slovar' gendernyh terminov.* M.: Informacija XXI vek. 2002. Pp. 20-24. (In Russian).
3. **Voronina O.A.** *Osnovy gendernoj teorii i metodologii // Teorija i metodologija gendernyh issledovanij: kurs lekcij. Pod obshh. red. O.A. Voroninoj.* M.: MCGI - MVShSJeN-MFF. 2001. Pp. 101-105. (In Russian).
4. **Obidina Ju.S.** *Specifika gendernyh rolej v antichnom polise: rol' grecheskoj dramy v stanovlenii zhenskoj identichnosti // Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2014. № 1 (13). Pp. 150-153. (In Russian).
5. **Platon.** *Gosudarstvo. Platon. Dialogi.* Per. s drevnegr. S.Ja. Shejnman-Topshtejn. Pod red. A.F. Loseva. M. 1986. Pp. 8-114. (In Russian).
6. **Shibarshina O.Ju.** *Gendernye modeli mifologicheskikh sistem Evropy i sovremennost'. Nauchnyj Vestnik MGTU GA.* 2014. № 203. Pp. 85-90. (In Russian).

Сведения об авторе

Шибаршина Ольга Юрьевна, окончила РГРТА (2002), кандидат социологических наук, доцент НОУ ВПО «Московский психолого-социальный университет» (филиал, г. Рязань), автор 18 научных работ, область научных интересов – социальная философия, философская антропология, гендерология, социология молодежи.

УДК 17.171

ЭТИКА И ЭТИКЕТ

Н.А. НЕКРАСОВА, Ф.А. ТРИГУБЕНКО

В статье предпринята попытка разграничения двух различных моделей нравственного мышления и поведения. Одна из них под нравственностью понимает строгое и даже ригористичное следование этикету – нормам, ритуалу, заповедям, законам, канонам. Нарушение этикета или пренебрежение им считается неэтичным, проявлением безнравственности, аморальности. Таким образом, этикет и нравственность отождествляются. Подобное понимание нравственности имеет своим истоком этическую парадигму Аристотеля. Но существует и иная, противоположная парадигма – этика И. Канта, в которой нравственность понимается не как форма поведения, а как онтологическая сущность. И в этой (кантовской) нравственной парадигме этикету придаётся лишь служебное значение.

Ключевые слова: этика, этикет, нравственность, мораль, этос, фьюсис, разум, метафизика, формальная логика, золотое правило нравственности, категорический императив, цель, средство, эвдемонизм, нравственный закон.

Многие люди убеждены, что подлинной, хотя и не очевидной причиной всех кризисов – социальных, политических, экономических – является кризис в нравственной сфере. Но единодушие и солидарность разделяющих этот постулат резко сменяется разногласиями и противоречиями, как только появляется необходимость определения понятия «нравственность». И пусть само требование обоснования морали не является ни новым, ни оригинальным, оно, тем не менее, никогда не теряет своей актуальности. А в кризисные периоды, когда обесцениваются многие ценности, часто единственным обоснованием человеческих деяний становится лишь их моральное обоснование. И в эти периоды проблема обоснования самой морали становится особенно актуальной. Потому, думается, немаловажным шагом в проблеме определения нравственности как таковой является проведение «этической демаркации» – разделения часто отождествляемых принципов и способов этического мышления и поведения. В предлагаемой статье предпринята «демаркация» этических понятий «этика» и «этикет», поскольку смешение понятий может привести к их подмене и, как следствие, подмене ценностей и целей, «идолов и идеалов» [6, с. 125].

«Этика» и «этикет» – слова однокоренные, что предполагает если и не тождественность этих понятий, то уж наверняка их этимологическую родственность. «Этика» – учение о нравственности, теория нравственности и, одновременно, дублёр самого понятия «нравственность». (Термины «этика», «мораль» и «нравственность» приблизительно однотипны по своему этимологическому содержанию и потому используются в статье как взаимозаменяемые).

«Этикет» – свод правил приличия, алгоритм поведения субъекта вида *homo sapiens* («человеческого детёныша») в человеческом же сообществе. И поскольку онтогенез не должен и не может противоречить филогенезу, жизнедеятельность человеческого индивида обязана соответствовать закону существования всего вида. Если иначе – то индивид суть мутант, т.е. урод, что предполагает его изоляцию или, в крайнем случае, уничтожение. Это означает, что закон существования человеческого рода принципиально отличен от закона бытия природы в любом её проявлении. Собственно человеческое (родовое) бытие именовалось в античной Греции термином «этос». Антитезой «этосу» как внеприродной специфике индивида являлось у греков понятие «фьюсис», под которым подразумевалась физическая, естественно-биологическая, физиологическая, природная основа человека, видовая её основа. Поведение в соответствии с видовыми, т.е. природными, естественными инстинктами («фьюсис») оказалось неприемлемым в человеческом обществе. «Этос» – родовое качество человека, его сущность и атрибут, доминировал над «фьюсисом» – видовым качеством. «Этос» (как субстанциональная причина всех проявлений человеческой сущности), очевидно, является началом неприродным, неестествен-

ным, противоестественным. «Фьюсис» – начало природное, естественное. Впервые на этом различии стал настаивать Ксенофан, основатель школы элеатов.

Поведение человека во всех стандартных и нестандартных жизненных ситуациях обязано было соответствовать его этической, нравственной сущности, поскольку продиктовано ею. Поэтому неосознанно и непреднамеренно появилась диктатура «этоса-законодателя» как неписаное законодательство, как свод этических законов – процедур жизнедеятельности человека в социуме. Впервые Сократ задался вопросом о том, «кто?» (или «что?») является этим диктатором, и на каком основании мы обязаны подчиняться диктату. Легален ли и легитимен ли моральный диктатор, или же он осуществляет свою власть «от имени и по поручению»? Сократ решил, что от имени и по поручению разума, что «этос» не самостоятелен. Однако нам данное решение проблемы Сократом менее интересно, чем сама постановка проблемы об автономности этического начала. Ведь философ более интересен и замечателен именно выявленными им и чётко сформулированными проблемами, поставленными им вопросами, а не авторским ответом на эти вопросы.

Усвоение законов-правил взаимоотношения субъектов («способов межличностной коммуникации» – в современной постмодернистской терминологии) стало необходимым и достаточным условием для самоутверждения субъекта в «человеческой стае» – в человеческом социуме. И именно в человеческом социуме, в отличие от социума животных (от лат. *socium* – общее), этическое поведение было возведено в ранг культа. Культ манер и церемониала, налагающий запрет (табу) на бесцеремонное, неэтичное поведение – это начало культуры. Налицо эффект, получивший в философии название «отчуждение»: порождённая человеком сущность стала рассматриваться как порождающая, декорации стали играть собственную роль. И если социальное поведение животных изучается этологией, сравнительной психологией и социобиологией, то учение о социальном поведении человека изучается этикой – теорией морали. До Канта монополией на изучение и обоснование нравственности обладала религия.

Сам же термин «этикет» (в современном виде и значении) как свод-список норм, правил и манер, отражающий представления о должном поведении людей в обществе, появился лишь спустя два тысячелетия после написания Аристотелем первых трактатов по этике. Считается, что термин этот вошёл в обиход при дворе короля Франции Людовика XIV, после того как перед одним из королевских приёмов гостям раздали карточки («этикетки») с изложением того, как они должны держаться в данной уникальной (конкретно-исторической) ситуации. Очевидно, что понятие «этикет», обозначавшее способ этического, морального поведения, старо как сам мир, и обозначало оно совокупность норм и правил поведения, существовавших уже с древнейших времён. Термин же «этикет» относительно молод – ему чуть более трёхсот лет.

Как бы то ни было, но истоком обоих терминов является античное слово «этос», обозначавшее специфически-человеческие общественные формы (нормы) поведения, способ существования человека в человеческом социуме. Но несмотря на несомненный приоритет этики как теории о родовой сущности человека, исторически этикет (как правила взаимодействия субъектов) предшествует этике, исторически явление предшествует сущности. Хотя, казалось бы, должно быть наоборот: этичным, нравственным является поведение, соответствующее нравственному закону (как сущности онтологической). То есть логически – предшествует этика, а исторически – этикет. Это как в апории Зенона: логически – Ахиллес не догонит черепаху, фактически – запросто. Отсюда дилемма: чему следует больше доверять – теории или факту, логическому или историческому, нравственности (этике) или этикету? Этика порождена этикетом, этика – теория этикета или же сам этикет – просто обманчивая видимость, явление, которое лишь вводит в заблуждение, которой не стоит доверять?

Предполагается, что человек обязан был быть этичным, т.е. соответствовать своей родовой сущности. Этические качества (добродетели – по Аристотелю) отличаются как от природных свойств человека (аффектов), так и от качеств его ума (дианоэтических добродетелей). В конце концов, и некоторым высокоразвитым животным свойственен наряду с аффектами некоторый

уровень интеллекта – но ни одно животное не может быть этическим, этическим. Быть этическим и быть политическим – одно и то же, поскольку интересы полиса предполагали благо всего рода. Благо рода – общенародное, общее благо, родовое благо, в то время как благо индивида – это индивидуальное, персональное, эгоистическое благополучие [1, с. 97]. (Именно поэтому каждый общественный деятель пытается свой личный интерес представить как интерес всеобщий, интерес всего рода, всего народа). Если же субъект даже не пытается соответствовать общепринятым нормам отношений, не желает должным образом оформить свои законно-эгоистические действия, пренебрегает этикетом – к такому субъекту отношение становится настроенным. Нередко о человеке, осознанно, преднамеренно, надменно и эпатажно пренебрегающим правилами и нормами этикета, говорят, что он ведёт себя «цинично». Термин и понятие «циник» вошли в европейскую культуру благодаря кинику Диогену – вызывающе бескультурному типу. Он, обнаружив явное противоречие между этикой и этикетом, содержанием и формой, сущностью и явлением, и будучи возмущён этим несоответствием, посвятил свою жизнь изобличению аморальности этикета. Этикет, с его точки зрения, не что иное, как блеф, общепринятый и всеобщий способ обмана, искусство изящного сокрытия безнравственности, аморальности. Подлинной нравственности – считает Диоген – незачем рядиться в пышные одежды этикета. Дело обстоит ровно наоборот: чем изящнее манеры человека, тем скорее они призваны скрыть нравственную ущербность, неполноценность, безнравственную подоплёку. Этикет – лишь конвенция о «верности общей подлости» (А. Галич), принятая для деликатного обмана, для манипулирования окружающими, для использования их в качестве средства достижения эгоистических, частных, корыстных интересов.

Противоречие, обнаруженное и обнажённое Диогеном, было по достоинству оценено не только учеником Аристотеля – Александром Македонским, но и всеми соотечественниками, поставившим ему памятник в виде собаки. Верность и преданность в дружбе, самоотверженность и жертвенность в деле защиты этой дружбы не нуждаются ни в высокопарных речах, ни в изящных манерах. Позже Цицерон заметит, что единственным изъяном Диогена, затмившим достоинства его философии и личности, была его небрежливость и нечистоплотность – лишь этот фактор, по мнению Цицерона, воспрепятствовал распространению и популяризации его учения.

Точно также распространённое в России понятие «интеллигентность» зачастую понимается и трактуется превратно, ложно – как изысканность и утончённость манер, изящество в обхождении, возвышенность интересов, вычурность речи. На самом же деле интеллигентным следует считать человека творческого, обладающего интеллектом, способного к самостоятельному суждению, а не усвоившему стиль и манеры приличных (т.е. умных) людей. И. Кант полагал, что первым признаком глупости является отсутствие способности к самостоятельному суждению, и что от этого недуга нет лекарства. Но если нет лекарства, то есть протез, имитирующий отсутствие ума и моральных устоев – устоявшиеся и устойчивые манеры. Так и интеллигентность (в её превратном суррогатном понимании) является лишь благоприобретённой способностью продемонстрировать изысканность – что мало имеет общего с подлинной интеллигентностью. Понятно, что следование этикету является наивернейшим способом успешного достижения человеком своих интересов, поставленных целей и задач. Главное – понравиться, и тогда получишь необходимое тебе благо. Аристотель эту способность человека взаимодействовать с себе подобными, свойственную всем людям, но в разной степени у всех развитую, назвал «практическим разумом», в отличие от собственно интеллектуальных способностей человека, названных им «созерцательным», теоретическим разумом (в терминологии Канта – «чистым разумом»). Созданная Стагиритом этическая теория как раз и является учением о нравственном поведении и представляет собой свод правил, рекомендаций, способов встраивания в социум. Добродетели – средство для достижения личного блага, высшей степенью которого является счастье (эвдемонизм). Практический разум – по Аристотелю – это способность человека бесконфликтно отстаивать свои интересы в окружении таких же точно, как и он сам, субъектов, т.е. с точно таки-

ми же умными и эгоистичными субъектами, носителями «чистого разума», преследующими во всём свой собственный своекорыстный интерес. А этика – учение об усвоении и развитии этой способности миролюбивого и непротиворечивого взаимодействия умных эгоистов во всеобщей и извечной «войне всех против всех».

Этика Аристотеля вполне соответствует его метафизике. Телеологический принцип Стагирита предполагает, что всё сущее происходит не «почему-то», а «зачем-то»: первопричиной всего происходящего является цель, которой и обусловлен весь ряд причинно-следственных событий. Точно также и в его этике: цель является подлинной, субстанциональной причиной всего ряда предшествующих действий субъекта. А коль скоро целью субъекта является достижение определённого блага (в конечном счёте – личного счастья), то всё остальное, в том числе и добродетели, и манеры, и разум, и окружающие люди – всё выступает в качестве средства. Цель оправдывает средства, все средства хороши для достижения цели. Следование правилам этикета – одно из самых надёжных средств. Этика суть средство для достижения цели. В этом же ряду и учение о формах: сама по себе материя, по Аристотелю, инертна, пассивна. Она содержит лишь возможность возникновения действительного многообразия вещей. Чтобы эту возможность превратить в действительность, материю надо оформить, придать ей соответствующую форму. Форма – активный творческий фактор, благодаря которому вещь становится действительной. Этикет – это форма взаимодействия людей. Эгоистический и своекорыстный интерес каждого из них может быть удовлетворён, воплощён в действительность только и исключительно при должном оформлении – при соблюдении этикета.

Этика Аристотеля – это не только катехизис (толкование) Золотого правила нравственности, известного задолго до Аристотеля. («Относись к людям так, как хотел бы, чтоб относились к тебе») Сами добродетели у Аристотеля – понятия относительные, а не абсолютные. Так, коварство и злодейство сами по себе являются аморальными качествами, этическими недостатками, но по отношению к врагу, на войне – они суть достоинства, вполне уместны и нравственно оправданы. Но тогда они оправданы и в экономических противостояниях и противоборствах, и в политических, как и во всех прочих социальных отношениях, сопровождаемых противоречиями. И поэтому, в силу их относительности, ими можно пожертвовать и пренебречь во имя абсолютных целей. Поступок нравственен, если он логичен. Так, подобно Сократу, Аристотель подчиняет нравственность – логике. Нравственность, по Аристотелю, служанка ума, всего лишь средство, орудие для достижения поставленной разумом цели, средством производства личных благ [3, с. 79].

И в полном соответствии с Аристотелем Макиавелли «элиминирует» нравственность из политики, а Адам Смит – из экономики – что до сих пор приводит в восторг как политиков, так и бизнесменов, поскольку они получили санкцию на безнравственность. Если в нравственности нет никакого резона, если она не полезна – значит она вредна!

Нравственность, с точки зрения Аристотеля (и вопреки Платону), не существует сама по себе, а существует лишь как продукт и результат взаимодействия противоборствующих сил. Точно так же в классической механике Ньютона сила как таковая сама по себе – понятие бессмысленное: сила может появиться и проявиться лишь в результате взаимодействия двух тел, обладающих массой. У Аристотеля нравственность появляется лишь в результате взаимодействия-столкновения субъектов, обладающих разумом [4, с. 134]. Сила действия должна быть равна силе противодействия – так в природе. И если также точно в обществе, то человек – существо естественное, природное, подобно животному, где господствует более сильное физически (или более разумное). Физическая сила предполагает насилие, а в цивилизованных странах физическое насилие преследуется по закону. Поэтому в качестве надёжного средства достижения своих целей люди используют этикет как самый простой, но при этом надёжный тактический приём (именуемый «тактом»), как верный ресурс для того, чтобы произвести благоприятное впечатление, понравиться.

Но если нравственность как таковая не реальна, а номинальна, то она и не может быть самоценна. И, значит, быть нравственным – глупо. Сократ полагал, что лишь глупец может позволить себе быть безнравственным. Сегодня же – ровно наоборот: лишь глупец может позволить себе быть нравственным. Если каждый преследует свой эгоистический интерес и ставит его превыше всего, то этика вырождается в этикет – что вполне соответствует Аристотелю. Быть нравственным не нужно, если это качество не сулит никакой выгоды, не полезно, т.е. вредно! А если оно – бесполезно, то оно бессмысленно, неразумно, глупо. Поэтому всё чаще мы встречаемся с грубостью, хамством, сквернословием, чванством, пренебрежением интересами окружающих. Этика становится этикетом, который используется лишь в утилитарных, прагматических целях – для получения выгоды. Поэтому часто люди, в высшей степени безнравственные, производят впечатление чрезвычайно интеллигентных, воспитанных, учтивых, внимательных и доброжелательных людей. И именно поэтому субъекты, желающие произвести самое хорошее впечатление и изо всех сил пытающиеся понравиться, настораживают, вызывая в памяти образ Тартюфа или племянника Рамо.

Альтернативой этике добродетелей Аристотеля стала этика долга Иммануила Канта. Но при этом, по недоразумению, этику Канта чаще всего понимают и трактуют как продолжение и развитие этики Аристотеля. Хотя Кант произвёл «копернианский» переворот и в философии, и в этике как её составной части, её важнейшего раздела [2, с. 189]. Именно Кант, вопреки этике Аристотеля, требует относиться к людям не как к средству, а исключительно как к цели. Это означает невозможность использования окружающих для достижения каких бы то ни было корыстных задач и целей. И не только окружающих людей, но и сложившихся обстоятельств: согласно Канту, безнравственно было бы использовать колебания курса доллара в целях личного обогащения. Точно так же, если врач, строитель, полицейский или учитель – кто угодно – использует свою должность в качестве средства для собственного существования и обогащения – такой субъект безнравственен. Следование профессиональному этикету отнюдь не означает следование нравственному долгу. «Золотое правило» призывает: дай взятку – и тебе дадут, не заметь чужую подлость – и твою не заметят, «не суди – да не судим будешь». За добро следует заплатить добром, добро – это разменная монета. И глуп тот врач, который станет лечить бесплатно, бескорыстно, руководствуясь лишь клятвой Гиппократова. Клятва – форма, ритуал – и не более того.

«Категорический императив» Канта призывает никогда, ни при каких обстоятельствах не руководствоваться эгоистическими соображениями и интересами: не давать взятку и не ждать её, не скрывать подлость, а осуждать её. «Поступай всегда так, как если бы твой поступок мог стать основой всеобщего законодательства» – таково, в вольном изложении, основное требование категорического императива. Кант, кстати, вопреки общепринятому этикету, относился к своим родным не лучше, чем к прислуге: высказывать предпочтение кому-нибудь на основании лишь родства по крови – безнравственно [7, с. 167].

Этика Аристотеля эвдемонистична: наивысшим благом, целью является достижение счастья. Согласно Канту – счастье и нравственность несовместимы: подлинно нравственный человек никогда не может быть счастливым, а счастливый – подлинно нравственным. Перефразируя известную шутку – нравственного человека не испортят ни власть, ни богатство, поскольку подлинно нравственный человек никогда не сможет ни властвовать, ни быть богатым.

Аристотель – «отец-основатель», законодатель науки логики: для всего происходящего должно быть необходимое и достаточное основание. По Канту же ровно наоборот: подлинно нравственный поступок не может и не должен иметь логического обоснования. Более того, нравственный поступок всегда и исключительно алогичен. И соответственно любой поступок, совершаемый «зачем-то» и «почему-то», т.е. имеющий логическое основание и обоснование, нравственным назван быть не может. Даже если некто, подавая нищему, испытывает гордость от собственного великодушия, то его поступок является лишь самолюбованием, т.е. продиктован эгоистическим мотивом – и потому он не вполне нравственен [5, с. 365].

Таким образом, в основании этики Аристотеля лежит этикет как единственно верный способ жизнедеятельности, следование которому и является атрибутивным свойством человека, соответствующим его родовой сущности. В этике же И. Канта этикету отводится второстепенная, служебная роль. «Этика долга» и категорический императив, «нравственный закон внутри нас» – вот что является родовой сущностью человека, той подлинной субстанцией, которая выделяет человека как из животного мира, так и из всего космоса – «звёздного неба над нами». А «этика» и «этикет» в той же степени родственны и однородны, как однородны «геоцентризм» и «гелиоцентризм».

ЛИТЕРАТУРА

1. **Аристотель.** *Никомахова этика* // Сочинения: в 4-х т. / под общ. ред. А.И. Доватура / пер. с древнегреч. Н.В. Брагинской. М.: Мысль, 1984. Т. 3. 420 с.
2. **Асмус В.Ф.** *Иммануил Кант*. М.: Высшая школа, 2005. 380 с.
3. **Гусейнов А.А.** *Этика Аристотеля*. М.: Знание, 1984. 34 с.
4. **Гусейнов А.А.** *Мораль и разум*. [Электронный ресурс]. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/guseynov_mora/ (дата обращения 10.11.2014).
5. **Кант И.** *Лекции по этике* / под общ. ред., сост. и вступ. ст. А.А. Гусейнова / пер. с нем. А.К. Судакова, В.В. Крыловой. М.: Республика, 2000. 512 с.
6. **Максимов Л.В.** *Проблема обоснования морали: логико-когнитивные аспекты*. М.: Мысль, 1991. 242 с.
7. **Мамардашвили М.** *Кантианские вариации* / под ред. Ю.П. Сенокосова. М.: Аграф, 1997. 214 с.

ETHICS AND ETIQUETTE

Nekrasova N.A., Trigubenko F.A.

The article attempts to differentiate and even contrast the two different models of moral thinking and behavior. One of them considered morality as strict and even rigorist following etiquette - rules, rituals, commandments, laws, canons. Breach of the etiquette or neglecting it is considered unethical, a manifestation of immorality, wickedness. Thus, etiquette and morality are identified. Such a conception of morality results from the ethical paradigm of Aristotle. But there is another, opposite paradigm - the ethics of Kant, in which morality is understood not as a form of behavior, but as an ontological entity. And in this (Kantian) moral paradigm etiquette has only a service value.

Keywords: ethics, etiquette, morality, ethics, ethos, fuses, mind, metaphysics, formal logic, Golden Rule, the categorical imperative, objective means eudemonism, the moral law.

REFERENCES

1. **Aristotel'.** *Nikomahova jetika*. Sochinenija: v 4-h t. Pod obshh. red. A.I. Dovatura. Per. s drevne-grech. N.V. Braginskij. M.: Mysl'. 1984. T. 3. 420 p. (In Russian).
2. **Asmus V.F.** *Immanuil Kant*. M.: Vysshaya shkola. 2005. 380 p. (In Russian).
3. **Gusejnov A.A.** *Jetika Aristotelja*. M.: Znanie. 1984. 34 p. (In Russian).
4. **Gusejnov A.A.** *Moral' i razum*. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/gusejnov_mora/ (data obrashhenija 10.11.2014). (In Russian).
5. **Kant I.** *Lekcii po jetike*. pod obshh. Red., sost. i vstup. st. A.A. Gusejnova. Per. s nem. A.K. Sudakova, V.V. Krylovoj. M.: Respublika. 2000. 512 p. (In Russian).
6. **Maksimov L.V.** *Problema obosnovanija morali: logiko-kognitivnye aspekty*. M.: Mysl'. 1991. 242 p. (In Russian).
7. **Mamardashvili M.** *Kantianskie variacii*. Pod red. Ju.P. Senokosova. M.: Agraf. 1997. 214 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Некрасова Нина Андреевна, окончила ХГУ (1973), КГУ (1979), профессор, доктор философских наук, академик Российской академии естествознания, заведующая кафедрой философии и культурологии МГУПС (МИИТ), автор около 300 научных работ, область научных интересов – онтология, философия науки и техники, философская антропология, этика, политология.

Тригубенко Фёдор Александрович, 1957 г.р., окончил МГУ им. М.В. Ломоносова (1986), кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии МГУПС (МИИТ), автор более 15 научных работ, область научных интересов – этика, история философии.

УДК 82-1/19

СРАЖАЮЩАЯСЯ ЛИТЕРАТУРА

Т.И. ИВАНОВА, А.С. КОЗЛОВ

Исследуются специфика художественной литературы в отражении социальной реальности и ее воздействие на ценностные ориентиры защитников Отечества в Великой Отечественной войне. Рассмотрены произведения писателей и поэтов, основной темой которых была Великая Отечественная война. Обосновано положение о том, что особая ценность литературных произведений о войне не только в их достоверности, но и в выяснении сути социальных явлений, корни которых в истории. Определены художественные средства, с помощью которых литературные произведения оказывают влияние на сознание личности.

Ключевые слова: духовное производство, духовное потребление, художественное творчество, война, отечество, любовь, ненависть, добро и зло.

Когда наш народ верил и провозглашал: «мы рождены, чтоб сказку сделать былью», свершались великие трудовые и ратные подвиги. Когда вера угасала, появлялись, да и появляются сейчас, очернители российской истории, выдающихся свершений страны как на войне, так и в мирные будни. Но наш народ силен тем, что крепко держит в своей коллективной памяти взлеты наибольшей силы и славы.

Особое место в нашей памяти занимает Великая Отечественная война, победа в ней, предопределившая дальнейший ход истории. В её достижении сказались многие факторы: политический, экономический, духовный, единство фронта и тыла, народа и армии, героизм защитников Отечества... В формирование духовных сил воюющей армии великий вклад внесла и литература. Этот вклад значим, но подзабыт, поэтому и представляет собой научный и практический интерес, как и сама специфика отражения литературной социальной реальности и ее воздействия на духовный мир личности.

История общества свидетельствует: человеческая мысль не создает нечто из ничего – она обусловлена объективностью бытия. Акт творчества – это открытие нового в сущем, познание мира и самопознание человека. В процессе художественного творчества осуществляется духовное производство. Если материальное производство создает необходимые для жизнедеятельности людей предметы, то духовное производство создает духовные ценности. От него зависит духовное потребление, духовное общение, образ жизни. Представляется важным в общих чертах выяснить схожесть и различие художественного и научного отражения жизни. Без этого трудно понять суть процесса духовного производства.

Общее, существенное выступает в действительности как закономерное, что является основой науки, отражающей общее в абстрактной форме законов и категорий. Специфическим предметом отражения литературы является не весь мир вообще, а прежде всего и главным образом духовный мир человека, его отношение к действительности и к другим людям. По своему эти объекты отражает и наука, но она отвлекается от единичного, внешнего, познает сущность, вооружает нас знанием общего. Однако в реальной жизни люди имеют дело не с сущностью, не с общим, взятым в чистом виде, а с миром конкретных единичных явлений. Даже друг с другом люди взаимодействуют в первую очередь не своими сущностями, а различными внешними сторонами, через которые проявляется их сущность.

Одного научного познания жизни недостаточно: без художественного отражения картина мира многозначных человеческих отношений оставалась бы неполной. Более того, всякие свершения действительности нуждаются в подтверждении и закреплении своей подлинности.

Общество можно рассматривать как абстракцию. Его нельзя представить адекватно без выяснения личностной сферы человеческого бытия: духовного мира, способа жизнедеятельности, потребностей и влечений, личностного выбора, степени удовлетворенности людей результата-

ми своих действий. Еще Плутарх обратил внимание на то, что важны не вообще исторические сведения, а факты, служащие для понимания нравственной стороны человека и его характера, что «не всегда в самых славных деяниях бывает видна добродетель или порочность, но часто какой-нибудь ничтожный поступок, слово или шутка лучше обнаруживают характер человека, чем битвы, в которых гибнут десятки тысяч, руководство огромными армиями и осады городов» [1, с. 214, 395].

С другой стороны, очевидна необходимость выявления сущности взаимодействия социальных структур и жизнедеятельности индивидов, относительной самостоятельности личностного бытия, что проявляется в том, что в одинаковых условиях люди ведут неодинаковый образ жизни. Отсюда вытекает необходимость описания многообразия конкретного жизненного поведения и самоощущения индивидов и социальных общностей. Нельзя получить целостную картину общества без исследования наиболее типичных форм реализации существующих отношений. Решение этой задачи не под силу одним только социальным наукам. Результаты познания социальной реальности в литературе закрепляются не в абстрактных понятиях, законах, а посредством раскрытия общего в единичном. В индивидуальном проявляются свойства, объединяющие многих людей, художественный образ фиксирует лишь устойчивые признаки в конкретной социальной среде, в данных обстоятельствах, в делах и судьбах определенных личностей. В результате личность как бы укрупняется, обретает социальный смысл, выходящий за пределы описываемой в произведении ситуации. Так литература находит свою форму познания, сливая общее и единичное, определяя факт-тенденцию. Гете, стремясь распознать в единичном «следы» к целому, его включенность в закономерность, связывал все со всем. А отсюда и его парадоксы: «Что такое общее? Единичный случай. Что такое частное? Миллионы случаев» [2, с. 385].

У больших писателей их произведения всегда социально детерминированы, являются отражением социальных явлений и потребностей, наукой еще зачастую «не замеченных». Для читателей при восприятии произведений художественной литературы мир неожиданно предстает знакомым незнакомцем. Личность удивляется и познает. Р. Гамзатов справедливо заметил: «Но разве тот поэт, кто не открывает людям никакой тайны, то есть того, что они до него не знали? Я, поэт, приходя в мир, приоткрываю завесу с пространства и времени точно так же, как жених откидывает покрывало с лица невесты. Только поэт способен сделать это в жизни, и люди признают действительность и удивляются ей, и удивляются тому, чего не видели раньше: красоте мира или красоте человеческой души, которые противостоят силам зла» [3, с. 87].

В свете этого вряд ли правомерен вопрос: что больше дает познанию – наука или литература? Их специфика не носит абсолютного характера – идет совокупный поиск истины. Этого не понимает голый рационализм, с арифметической точностью соотносящий затраченные усилия с ближайшими результатами. Литература входит в жизнь человека, когда он еще не только не умеет читать, но и хорошо ходить. Литература позволяет познавать мир непрерывно: до школы, в школе и дома, свой литературный багаж студент приносит в вуз, солдат в армию, и мало кто с ней расстается потом, находясь в иных ипостасях. Она социализирует эмоционально, увлекательно, плодотворно.

По мысли Аристотеля, история говорит о том, что было, а искусство – о том, что будет. Но можно утверждать, что история, литература и искусство выступают и как сообщающиеся сосуды, исследуют различные социальные грани, формируют суждения, остерегают от ошибок когда-то кем-то допущенных, предостерегают от новых, утверждают добро и красоту, справедливость, развенчивают зло и подлость. И все это через возможность каждой личности прожить при восприятии жизни персонажей не только в наше время, но и в прошлом, и в будущем, и в разных социальных условиях, и ситуациях межличностного взаимодействия.

Личность, как и общество в целом, не существует вне истории. В наши дни Россия снова оказалась в ситуации, в которой неусвоенные уроки прошлых времен могут повернуть доминанту социальных изменений на разрушение ожидаемого будущего. В этой связи представляет

ся актуальным обращением к тому, как средствами художественного творчества формировались патриотические чувства, готовность и способность к защите Отечества в предвоенные и военные годы.

Еще задолго до начала Великой Отечественной войны В. Маяковским было определено: «Но землю, которую завоевал и полуживую вынянчил, где с пулею встань, а с винтовкой ложись, где с каплей льешься с массами, – с такою землею пойдешь на жизнь, на труд, на праздник и на смерть». Это был набатный призыв, который предопределил великую миссию многонациональной литературы в деле формирования духовной готовности к защите Родины. Миллионы советских людей нравственно взрослели на героических образах произведений М. Горького, А. Толстого, М. Шолохова, Н. Островского, А. Серафимовича, Д. Фурманова, А. Фадеева, А. Гайдара. Примечательны слова последнего о том, что пусть когда-нибудь люди подумают, что вот жили такие люди, которые из хитрости назывались детскими писателями. На самом же деле они готовили краснорядную крепкую гвардию.

Писатели духовно готовили такую гвардию. В их книгах отражалось тревожное предвоенное время, трудовой и оборонный подвиг народа. Перед войной сформировалась большая плеяда молодых писателей, раскрывших образ своего поколения, готового к схватке с фашизмом. Это тогда своим сверстникам С. Гудзенко предсказал: «Мы не от старости умрем», а М. Кульчицкий в 1939 г. писал: «Наперевес с железом сизым и я на проволоку пойду». Поэтесса Ю. Друнина потом заявит, что это светловолосая девушка в походной шинели, отчаянный легендарный комдив Чапаев, неистовый и суровый Павел Корчагин привели ее поколение в 1941 г. в райкомы и военкоматы.

Литература много сделала для подготовки морального духа народа к войне, и она продолжала это делать в годы войны. Призывное слово литераторов звучало с полос газет, в песнях, книгах, плакатах, окнах ТАСС. И оно находило самый живой отклик в сердцах бойцов. Солдаты и офицеры как живительной силы для своего духа ждали произведений о Родине А. Толстого, И. Эренбурга, К. Симонова, А. Твардовского, М. Шолохова, которые славили высшую красоту – защиту Отечества.

Именно тогда А. Толстой опубликовал пронзительные строки: «Гнездо наше, родина, владела над всеми нашими чувствами. И всё, что мы видим вокруг, что раньше, быть может, не замечали, не ценили, как пахнувший ржаным хлебом дымок из занесенной снегом избы, – пронзительно дорого нам. Человеческие лица, ставшие такими серьезными, и глаза людей с одной всепоглощающей мыслью, и говор русского языка – все это наше родное, и мы, живущие в это лихолетье, – хранители и сторожа родины нашей» [6, с. 183].

О силе воздействия произведений А. Толстого на чувства и сознание воинов свидетельствуют многочисленные письма, приходившие с фронта по адресу: Москва, Алексею Толстому. Вот слова одного из них: «В дни Великой Отечественной войны Вы, Алексей Николаевич, тоже являетесь бойцом, и мы чувствуем, как будто Вы находитесь с нами, совсем рядом, плечом касаясь каждого в строю. У Вас иное оружие. Но она так же остро, как наши штыки, как клинки наших красных конников: его огонь такой же убедительный, как огонь наших автоматов и пушек. Мы вместе громим фашистов» [6, с. 22].

Самые любимые произведения писателей войны носили с собой, заучивали наизусть, переписывали в письмах. Особенно популярна была лирика. Объясняется это тем, что в ней мысль не просто образна, она еще и выражается в сравнениях неожиданных, которые запоминаются и еще долго будоражат человеческую душу. На войне она сделалась человечнее, меньше прежнего чуралась интимного. Большой оптимистической верой было проникнуто стихотворение К. Симонова «Жди меня». Оно было о любви, которая тоже была призвана поэтом на военную службу. Социальное и интимное сливались в едином мироощущении, а вера в любимых умножала силы воинов в фронтовых буднях.

Большой популярностью на войне пользовалась и поэзия мирных дней. Поэт С. Наровчатов так писал об этом: «Наповал действовал Есенин, народность его я до конца понял именно в го-

ды войны. Правда, многое зависело от социального состава слушателей. Армия была в основном крестьянской... И есененские пейзажи, щемлящая сердце лирика, обращенная к деревенским воспоминаниям, среди недавних пахарей всегда вызывала слезы на глазах. Но путиловским рабочим... с более резкой силой воспринимался Маяковский» [8].

Справедливая война рождала красоту мужества и дружбы. В этом помогала и литература. У С. Наровчатова есть воспоминание о том, как он интересовался у пленного фашиста: знает ли он Шиллера, Гете и Гейне? «Не знал, балбес такой. Я ему процитировал по-немецки «Горные вершины». Не слышал? Да ведь это же Иоганн Вольфганг... Бойцы заинтересовались. Я им прочел лермонтовское переложение: «Горные вершины спят во тьме ночной...». Солдаты удовлетворенно заулыбались: А мы-то своего Пушкина знаем» [8].

Это было наше сверхоружие, часть советского морального превосходства. Те, кто растоптал Гете и Шиллера, кто сжег книги Гейне, обрекли себя на поражение еще задолго до войны, лишив себя человеческого и став слабее человека. В. Максимов по этому поводу определил: «И пока черные танкисты Гудериана, украшенные черепами, на европейский лад горланили что-то свое залихватски-опереточное, – мы пели о синем платочке и о землянке, о Васе-Василечике и о соловьях... На войне рядом с реактивной «катюшей» также безотказно работали лирическая «Катюша» Исаковского» [9, с. 232].

На войне не только умирают, но и живут, и личность слагалась не из боя единого – она готовилась к другим сражениям, набиралась сил, крепчала духом. Чаще всего именно в такое время оказывались рядом рассказы, повести, стихи... Это был особый «боезапас». Немецкий историк А. Верт не раз обращается к выяснению роли литературы в жизни сражающегося советского народа не потому, что его интересовало литературное дело, а потому, что это оказалось существенным для хода и исхода войны. Он писал: «Россия также, пожалуй, единственная страна, где стихи читают миллионы людей, а таких поэтов, как Симонов и Сурков читал во время войны каждый» [10, с. 299].

В современной войне военные кадры немыслимы без развитого мышления. В боевой обстановке, где все разительно изменчиво, динамично, скоротечно, поиск верного решения командирами сопряжен с множеством неизвестных, с необходимостью домысливать отсутствующие звенья в обстановке с помощью воображения, интуиции, совершения мысленного эксперимента, соединения разрозненных элементов в функционирующее целое. Но может ли помочь выработке таких качеств литература?

В 1942 г. на страницах газеты «Правда» была опубликована пьеса А. Корнейчука «Фронт», в которой резко осуждались военачальники, не сумевшие перестроить свое мышление применительно к новым способам и формам вооруженной борьбы, и пытались решать судьбу современного боя лихой кавалерийской атакой на танковые армии врага. Маршал Советского Союза А. М. Василевский констатировал: «Пьеса «Фронт» имела колоссальный общественный резонанс... Проблема, в ней затронутая, волновала всех, но более всего нас, командный состав воюющей армии. В художественной форме анализировался конфликт устаревших представлений о ведении войны с утверждавшим себя на полях боя новым полководческим мастерством.

Вопрос стоял так: либо войой по-новому, либо ты будешь смят. Эта была суровая школа переучивания. Надо было решительно отказаться от устаревших, не оправдавших себя способов ведения войны, требовались: творчество, мудрость и гибкость... Публикацию «Фронта» в газете некоторые встретили как посягательство на авторитет командующих. Я знаю, в ставку шли телеграммы с требованием немедленно прекратить «вредную публикацию». Но важный процесс обновления набирал силу» [11].

Новые формы и способы ведения вооруженной борьбы были найдены. Фашистов стали, например, ошеломлять разведка боем с перерастанием в наступление, действия «особых эшелонов», артиллерийские налеты вместо длительной артиллерийской подготовки, дерзкие действия в ночных условиях, в лесу, на болотах, при форсировании водных преград с ходу.

Разумеется, литература сама непосредственно не выигрывала тяжелых сражений, но, материализуясь в подъеме боевого духа, воли защитников Отечества, она проявила себя великой силой. В романе К. Симонова «Последнее лето» Ильин говорит Синцову: «Всего немного ты не успел к красивому бою». И сказано так, зная, что Синцов поймет, какой смысл вложен в этот эпитет. Красивый – значит достигнута высшая цель боя – разгром противника. Красивый – значит исполнено как задумано, приняты просчитанные решения, каких потребовала обстановка. Красивый бой – это красота цели, разумность действий, величие подвига. А это и является высшим удовлетворением в выполнении воинского долга по защите своей Родины.

Пример прямого воздействия литературы на бойцов описал П. Крюченюк [12]. Батальон, понесший большие потери в боях, окруженный фашистами, потерял боевой дух. Казалось, что растрачены все силы для его спасения. Политрук Хорошилов, посланный командиром бригады с задачей вывести батальон из окружения, собрал ночью людей. Что им сказать? Решение пришло неожиданно. Политрук стал читать стихи В. Маяковского. Да так, что бойцы взмолились: «Веди нас, комсорг, мы пойдем!». Бойцы ночью ударили в тыл противнику, наделали панику, разгромили два фашистских штаба, захватили пленных, ценные трофеи, продвинулись вперед и заняли высоту на юго-западе Малгобека.

– А здорово организовал ты атаку, комсорг! Как настоящий полководец, поздравляю, – радовался командир бригады.

– Я не один, товарищ полковник, мы вместе с Владимиром Маяковским.

Литература показывала, как война поднимала выше духом слабых, учила мужеству и стойкости в борьбе с врагом. Но каждая победа «оплачивалась» кровью, но количество жертв зависело от многих условий, объективных и субъективных, некоторые из которых можно было предугадать, учесть в принимаемых решениях и действиях. Много об этом думает герой трилогии К. Симонова генерал Серпилин. «Что значит беречь людей? – размышляет он. – Ведь их не построишь в колонну и не уведешь с фронта туда, где не стреляют... Беречь людей на войне – всего-навсего значит не подвергать их бессмысленной опасности, без колебаний бросая навстречу опасности необходимой» [4, с. 10]. В беседе со Сталиным он находит мужество сказать ему о методах, приводящих к бесцельным и неоправданным жертвам.

Воспитывая любовь к людям, литература страстно выступала за неприятие зла, за ненависть к врагу. В годы войны лучшие произведения от повести «Наука ненависти» М. Шолохова до стихотворения К. Симонова «Убей его» и публицистических статей И. Эрененбурга звали к уничтожению врага, вели в бой, убеждали в том, что правое дело восторжествует. Это была сражающаяся литература. В годы войны созывались специальные заседания Военных Советов армий для «заслушивания» произведений того или иного поэта, а некоторые стихи вызывали такой взрыв ярости во вражеском стане, что о них говорилось в специальных секретных приказах по фашистской армии, некоторые наши писатели заочно приговаривались к смерти [5, с. 30]

К ненависти звала вся литература, но она не была самоцелью, не перерастала в жестокость, а была отвержением фашистской нечисти, любви к Родине. «Мы – гуманисты» – провозгласила В. Инбер в поэме «Пулковский меридиан». То же убеждение в стихах М. Светлова: «Я стреляю – и нет справедливости справедливее пули моей».

Воссоздав жестокий мир битв и сражений, литература развеяла представления «святой наивности», с которым фронтовики возвращались с войны, уверенные в том, что они так много истребили зла, что его больше не осталось. Об этом писал В. Астафьев в книге «Великий поклон». Силы реакции и милитаризма возродились. Стали выходить такие произведения, как «Письмо в тридцатый век» Р. Рождественского о том, что опять надо писать «как в двадцатом веке – строгое, притихшее человечество глядит в лицо войны». Как призыв к бдительности прозвучало предупреждение Б. Брехта: «Фашизм еще не умер. Торжествовать пока не надо. Еще плодоносить способно чрево, которое вынашивало гада» [7, с. 185]. Как оценка прошлого и взгляд в будущее был воспринят и не потерял актуальности «Памятник солдату Алеше в Плов-

диве» Р. Рождественского с призывом каждому задуматься над вопросом: «Той ли жизнью живу, за которую он перестал жить?»).

О войне писали не только в годы войны и не только то поколение писателей, которое стали называть старшим. Их ряды пополнялись теми, которые воевали и не думали писать книги. Это от их имени С. Гудзенко потом заключил: «Когда идешь в снегу по пояс, о битве не готовишь повесть». Но повести писались, как писались стихи и романы. Пафос достоверности, убеждающей правды каждого слова, каждого поступка, утверждение личности, ее значимости в событиях войны, на долгие годы определил как важнейшее идейно-нравственное искание литературы, воссоздающей духовную биографию героического поколения.

Но особая ценность литературных произведений о войне не только в их достоверности, но и в выяснении сути социальных явлений, корни которых в истории. В этом отношении отчетливо проявилось раскрытие проблем личности, особенно ее нравственной составляющей в романах Ю. Бондарева, И. Стаднюка, В. Распутина и многих других писателей. Они писали не только о героическом, но и об уроках ненависти и доброты. Это в ту пору известный педагог В.А. Сухомлинский писал: «Кое-кто считает, что поскольку в наше время человека нужно воспитывать сильным, волевым, готовым ко всему, то не следует говорить о доброте, сердечности, чуткости. Это глубокая ошибка. Да, наше важнейшее воспитательное задание – утвердить в душе нашего гражданина непримиримость к врагам Отчизны, готовность к единоборству с тем, кто посягает на ее свободу и независимость. Но уроки благородной ненависти недоступны тому, кто не знает уроков доброты, сердечности, чуткости. Потому что мужество – это высшая человеческая доброта, а ненависть к врагу – настоящая человечность» [13, с. 225]. Наша этика давно установила: добро воспитывается добром. Надо только добавить: справедливым добром, так как добро бывает и злым.

Мы рассмотрели некоторые типичные факты воздействия литературных произведений на воинов. Это процесс духовного потребления – это процесс удовлетворения потребностей, в результате которого духовные ценности, созданные в духовном производстве, становятся достоянием духовного мира людей, а будучи усвоенными – определенными качествами личности. Но что включает в себя данный процесс? Конспективно выделим его существенные моменты. Литература выступает как средство познания, она ускоряет познавательную практику, делает освоенным масштабные картины человеческого бытия. Восприятие её информации сопряженно с переживаниями, оно создает «раскованность» сознания, сталкивает мысль с проторенных путей, включает в систему новых, ранее неосознанных связей действительности, ставит на определенную жизненную позицию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плутарх. *Сравнительные жизнеописания*. М., 1963. Т. II. 520 с.
2. Гете. *Избранные философские произведения*. М., 1964. 434 с.
3. Гамзатов Р. Мой Дагестан // *Роман-газета*. 1968. № 14. 124 с.
4. Симонов К. *Солдатами не рождаются*. М.: Советский писатель, 1972. 432 с.
5. Бялик Б. *Подвиг советской литературы*. М., 1970. 120 с.
6. Толстой А. *Публицистика*. М.: Советская Россия. 1975. 320 с.
7. Пермс Ж. Память о войне и долг писателя // *Иностранная литература*. 1976. № 8.
8. Наровчатов С. Поэт на фронте // *Литературная газета*. 1974. 8 мая.
9. Максимов М. Мы начинали в июле // *Армия и литература*. М.: Воениздат, 1971. С 42-54.
10. Верт А. *Россия в войне 1941-1945*. М.: Прогресс, 1967. 240 с.
11. Командная точка войны. Беседа с Маршалом А. М. Василевским // *Комсомольская правда*. 1974. 30 апреля.
12. Крученюк П. Маяковский идет в атаку // *Красная звезда*. 1969. 21 февраля.
13. Сухомлинский В.А. *О воспитании*. М., 1973. 246 с.
14. Шагалов А.А. *Уроки ответственности: Литературно-критический очерк*. М.: Воениздат, 1986. 246 с.
15. Выготский Л.С. *Психология искусства*. М.: Наука, 1967. 324 с.
16. Козлов А.С. *Духовная жизнь общества*. М.: ММСИ, 1993. 214 с.

THE FIGHTING LITERATURE

Ivanova T.I., Kozlov A.S.

The specificity of fiction in the reflection of social reality and her affecting the valued reference-points of defenders of Homeland in Great Patriotic war are investigated. Works of poets whose basic theme was Great patriotic war are considered. Position is reasonable that the special value of literary works about war not only in their authenticity but also in finding out the essence of the social phenomena roots in history. Artistic facilities by means of that literature works have influence on consciousness are defined.

Keywords: spiritual production, spiritual consumption, art creativity, war, fatherland, love, hatred, good and evil.

REFERENCES

1. **Plutarh.** *Sravnitelnyie jizneopisaniya*. M. 1963. T. II. 520 p. (In Russian).
2. **Gete.** *Izbrannyye filosofskie proizvedeniya*. M. 1964. 434 p. (In Russian).
3. **Gamzatov Rasul.** *Moj Dagestan. Roman-gazeta*. 1968. № 14. 124 p. (In Russian).
4. **Simonov K.** *Soldatami ne rojdayutsya*. M.: Sovetskiy pisatel. 1972. 432 p. (In Russian).
5. **Byalik B.** *Podvig sovetskoy literatury*. M. 1970. 120 p. (In Russian).
6. **Tolstoy A.** *Publitsistika*. M.: Sovetskaya Rossiya. 1975. 320 p. (In Russian).
7. **Perms J.** *Pamyat' o vojne i dolg pisatelya. Inostrannaya literatura*. 1976. № 8. (In Russian).
8. **Narovchatov S.** *Pojet na fronte. Literaturnaya gazeta*. 1974. 8 maya. (In Russian).
9. **Maksimov M.** *My nachinali v ijule. Armiya i literatura*. M.: Voenizdat. 1971. Pp. 42-54. (In Russian).
10. **Vert A.** *Rossiya v vojne 1941-1945*. M.: Progress. 1967. 240 p. (In Russian).
11. *Komandnaja tochka vojny. Beseda s Marshalom A.M. Vasilevskim. Komsomol'skaya Pravda*. 1974. 30 aprelya. (In Russian).
12. **Kruchenyuk P.** *Majakovskij idet v ataku. Krasnaya Zvezda*. 1969. 21 fevralya. (In Russian).
13. **Sukhomlinskij V.A.** *O vospitani*. M. 1973. 246 p. (In Russian).
14. **Shagalov A.A.** *Uroki otvetstvennosti: Literaturno-kriticheskij ocherk*. M.: Voenizdat. 1986. 246 p. (In Russian).
15. **Vygotskij L.S.** *Psikhologiya iskusstva*. M.: Nauka. 1967. 324 p. (In Russian).
16. **Kozlov A.S.** *Dukhovnaya zhizn' obshhestva*. M.: MMSI. 1993. 214 p. (In Russian).

Сведения об авторах

Иванова Тамара Ивановна, окончила ИрГПИ (1973), действительный член (академик) Международной педагогической академии преподаватель русского языка и литературы школы «Президент», автор 8 научных работ, область научных интересов – художественная литература как средство нравственного воспитания молодежи.

Козлов Александр Степанович, 1935 г.р., окончил Одесское военное училище (1956), Военно-политическую академию (1969), профессор, кандидат философских наук, действительный член (академик) Международной педагогической академии, профессор кафедры гуманитарных и социально-политических наук МГТУ ГА, автор более 190 научных работ, область научных интересов – социология личности, духовная жизнь общества, художественное творчество.

УДК 519.722

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ИНФОРМАЦИИ

А.В. УШАКОВА

Статья посвящена проблематике теории информации. Рассматриваются три подхода к анализу информации: синтаксический подход, основной целью которого является установить количественную меру информации, семантический подход, который формулирует понятие информации в качестве соотношения языковой системы с материальными объектами и отображаемыми ею явлениями, и прагматический подход, который содержит вопросы цели, ценности, полезности информации. Знания, полученные с помощью указанных подходов, дают возможность понять природу количественной и качественной сторон информации.

Ключевые слова: теория информации, энтропия и негэнтропия, ценность информации.

Наиболее популярной в решении вопроса о возникновении теории информации является точка зрения, согласно которой основоположниками этой новой области знания являются Клод Шеннон и Норберт Винер. Однако нужно уточнить тот факт, что исследования этих ученых имеют абсолютно разные цели и являются теоретическими установками двух различных областей теории информации. Работы Винера [1] дали начало кибернетике как науке о саморегулирующихся системах, информация в которых обуславливала процессы управления. Независимо друг от друга в 1936 г. Эмиль Леон Пост и Алан Тьюринг разработали теорию «абстрактно-вычислительной машины». Труд Клода Шеннона «Математическая теория связи» [8] является суммированием представлений об информации в физике, а именно – термодинамике того периода (1948 г.). Тем не менее сам Шеннон был категорически против распространения данного подхода на иные научные течения, подчеркивая специфичность задач связи, а также сложности и ограничения этой теории. Но, невзирая на это, информационно-теоретические наработки широко распространились и повлияли и на развитие самой теории информации, и на ее разнообразные приложения. Так, практически в одно время зарождаются два независимых подхода к теории информации. Джон фон Нейман полагал, что кибернетический и вероятностно-статистический подходы являются необходимыми для информационного описания двух разных процессов – динамического и статистического. В итоге сложилась подлинная общенаучная философско-информационная парадигма, а на основе наработок в этом направлении формируется структурно-синтаксический подход к такому феномену, как информация, основной целью которого являлось установить количественную меру информации.

Одним из первых, кто начал изучать проблематику информации относительно ее количественного аспекта, был Ральф Хартли [7]. Математическая формула количества информации, которую он ввел в 1928 г. и обобщил К. Шеннон, тождественна формуле Людвиг Больцмана для физической энтропии систем. Причина данной аналогии неслучайна, так как она указывает на глубинные связи в структуре мироздания. В 1929 г., благодаря понятию энтропии, Л. Сциллардом была обнаружена связь между информацией и термодинамической системой. Повидимому, на определенной стадии развития науки появилась потребность в общеуниверсальной мере гетерогенности систем, с помощью которой можно было бы сопоставлять их многообразие и сложность. Далее эта мера была использована в различных отраслях науки: в кибернетике, в биологии, в термодинамике и разнообразных областях теоретической информации.

Специфическим этапом в ходе развития информационной теории стали труды Л. Бриллюэна. «Негэнтропийный принцип информации» помогает выявить присутствие связи между величиной негэнтропии, которая служит мерой упорядоченности, разнообразия, структурности, и величиной информации, которая выступает как мера выбора получателем одной из заблаговременно обусловленных и определенным способом интерпретируемых в каждом специальном

случае вероятностей. Так, по Бриллюэну, информация – это функция взаимоотношения количества возможных ответов до и после того, как было получено сообщение.

Немного иначе высказал тот же принцип Уильям Росс Эшби: «информация есть то, что устраняет неопределенность» и измеряется «количеством неопределенности, которую она устраняет» [10, с. 254]. Немаловажным этапом в формировании представления об информации считается связь между информацией и разнообразием. Данная связь проявляется в следующей зависимости: ограничение разнообразия соразмерно снижению количества информации. Но, с другой точки зрения, разнообразие также может выступать как способность уменьшения неопределенности до минимума. Отсюда следует, что взаимосвязь информации с разнообразием носит двойственный характер, то есть информация связана как с увеличением разнообразия, так и с ограничением, уничтожением его в другом отношении.

Существенную роль в разработке теории информации сыграли математические исследования, в процессе которых были аргументированы невероятные подходы к вопросу информации, такие как топологический, комбинаторный и динамический. Огромный вклад в этом направлении сделали и русские ученые (например, труды А.Н. Колмогорова, в которых описана вероятность определять информацию в рамках алгоритмического подхода).

Распространение основ информационной теории на процесс общественной коммуникации увеличило интерес исследователей к гносеологическим аспектам информации. Благодаря работам Д. Маккея выработалось отдельное направление, сформировавшее основой своего исследования гносеологический смысл информации. Согласно Маккею, общая теория информации обязана заниматься вопросами измерения модификаций в знании. Таким образом, применив к информации критерий истинности, он заложил основу для выявления семантического и прагматического уровней. Информация считается истинной, если некое изменение, модификация, повышает степень соответствия между представлениями об объекте изучения и самим объектом и, наоборот, информация является ложной, если вследствие изменения степень соответствия понижается.

Маккей первым внедрил популярное и противоречивое на сегодняшний день понятие «информационного пространства», под которым понимается запас знаний получателя. Новое представление, возникающее у получателя в результате эксперимента и несущее в себе новое, дополнительное знание, Маккей обозначил понятием «структурной информации». Структурная информация проявляется в наборе логически суверенных предложений, обрисовывающих разнообразные свойства объекта. Уровень подтверждения тривиальными физическими событиями логических элементов структурной информации отражается в понятии и «метрической информации». Помимо этого, Маккей также заостряет внимание и на «селективной информации» (аналоге шенноновского определения количества информации), которая определяет выбор получателем элементов структурной информации в том случае, когда они уже существуют в предшествующем опыте получателя.

Таким образом, на данной ступени постижения информации выработались отправные моменты для дальнейших направлений исследования. Отдельно следует отметить, что произошло установление связи информации с категориями неопределенности, разнообразия, негэнтропии, определение специфической связи информации со знанием.

Характерной чертой количественных теорий информации является отвлечение ее от содержательного и смыслового аспектов информации [7]. Тем не менее значительная интеграция с гуманитарными областями привела исследователей к надобности обоснования качественного аспекта информации. Подвергая анализу поэтапную эволюцию теории информации, представленную в вышеперечисленных концепциях, нельзя не отметить, что акцент в заинтересованности исследователей по мере углубления в освоение феномена информации понемногу отстраняется от вопросов передачи самого знака на проблематику сохранения его смысла, значения. Сам Н. Винер, один из основоположников кибернетики и теории информации, писал, что информация обязана пониматься не только как обмен сообщениями между человеком и машиной (ма-

шиной и машиной), но и как «обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств» [1, с. 30-31]. Исходя из этого, следует, что постижение информации предполагает выход на следующий уровень, выявляющий новые грани этого глубокого феномена. Этим следующим этапом в освоении информации стал выход на уровень семантических исследований.

Впервые логико-семантическая теория информации была разработана У. Бар-Хиллелом и Р. Карнапом. Опираясь на концепции Маккея и Бриллюэна, эти ученые уточняют формулировку понятия информации в области соотношения языковой системы с материальными объектами и отображаемыми ею явлениями. В соответствии с их воззрениями, информация выступает как характеристика определенного знания в его отношении касательно обозначаемого им объекта и выраженного содержания, сообщаемого предложением некоей языковой системы. Содержание семантической информации в этом случае можно определить структурой возможных состояний предмета рассуждений, которые выражаются понятием «описание состояния», то есть смысловыми отношениями, выражаемыми материальным носителем информации.

Базируясь на вышеприведенных концепциях, К.Е. Войшвилло [2] разработал любопытное толкование связи энтропии и информации в семантическом аспекте. Объединяя информацию не непосредственно с опытом, а с некоторыми суждениями, можно интерпретировать энтропию как степень трудности ответа на вопрос, то есть меру недостаточности информации для решения данной проблемы. Из этого следует, что процесс решения вопроса происходит здесь по мере накопления информации, а это, в свою очередь, ведет к повышению вероятности решения поставленного вопроса. Тем не менее мера информации все же зависима от фактора неожиданности.

Иной подход к формализации семантического аспекта предложил Ю.А. Шрейдер [9]. В его модели информацией обладают как гипотезы, так и любые сведения, изменяющие запас знаний (тезаурус) приемника информации. В общем случае семантический аспект выражается отношением между получаемой приемником информацией и объектом, играющим роль передатчика информации. В теории семантической информации Ю.А. Шрейдера ярко отражена идея разнообразия, когда количественно семантическая информация определяется через уровень изменения тезауруса, то есть через изменение разнообразия запаса знаний субъекта (в кибернетике - «опыт» системы).

Главная директива логической семантики заключается в утверждении, что язык науки в своих символах и предложениях показывает потенциальное реальное состояние предмета рассуждения, состояние реальной действительности. Но относительно феномена информации это приводит к тому, что в данном контексте ее количество может оказаться равным как какому-либо бессмысленному набору звуков, знаков или слов, так и научному высказыванию; но, наиболее информационно важными признаются неверные, ложные суждения (так как из лжи может следовать все что угодно). Так, решение проблем смыслового несоответствия суждений фактам реальности, роли субъекта в информационном процессе стало необходимостью, и это обусловило переход теории информации на следующий уровень исследования - прагматический.

Прагматический аспект информации содержит вопросы цели, ценности, полезности информации. Прагматическая теория информации стремится выполнить количественный анализ этих параметров. Здесь информация анализируется как основа для выбора некоторой последовательности действий в определенной ситуации и связана с эффективностью этой последовательности относительно к установленным целям. Ее количество обуславливается уровнем определенности того или иного выбора в пределах между абсолютной неопределенностью и полной определенностью. На данной стадии интерес исследователей переключается с общих вопросов постижения собственно природы информации и информационных процессов на проблематику процесса коммуникации, то есть осознанного обмена информацией.

Впервые изучением прагматического аспекта занялись У. Майлс и Р. Акоф, которые разработали бихевиористскую теорию коммуникации (теорию обмена информацией). Фундаментальным понятием этой теории являлось «индивидуальное целеустремленное состояние», иными словами это такое состояние, при котором индивидуум стремится к чему-либо, то есть имеет существенный при данном обстоятельстве исход своего поведения, а, кроме того, существует и альтернативный путь с различной эффективностью для достижения цели. Исходя из этого, под информацией, изменяющей вероятность выбора (последовательности действий), Майлсом понимается вид коммуникации. Количество информации и ценность сообщения определяется разностью количеств в целеустремленном состоянии до и после того, как были получены сообщения.

И.А. Полетаев [5] занимался вопросами энтропии и негэнтропии на прагматическом уровне. Возвращаясь к этой проблематике, он построил модель системы, которая обобщала реально существующие естественные и искусственные системы. Главной особенностью его системы являлось присутствие в ней процессов управления и информации. Помимо этого, система была открытой, то есть производила непрерывный энергообмен с внешней средой и была способна реагировать на сигналы, полученные извне. Причем реакция системы на эти сигналы была специфически разнообразной, так как определялась структурной составляющей системы и была приурочена к различным отдельным внешним воздействиям. «Явление информации в этом случае состоит в том, что некоторые события на входе системы влекут за собой некоторые другие события внутри системы и на ее выходе, которые связаны с первыми в цепочке процессов кодирования и потому условно, в коде системы, соответствуют им» [4, с. 214]. Таким образом, в системной модели Полетаева еще одним из определяющих свойств является ее способность самостоятельно заменять свои элементы на основании восприятия, которое реализует информацию «по смыслу».

Специфика восприятия системы задает такие прагматические свойства информации, как цель и ценность. Критерием ценности информации является величина накопленной в системе негэнтропии и скорость ее накопления. Модификация структуры системы, приводящая к росту негэнтропии, называется «адаптивной» [4, с. 235-236]. Цель здесь рассматривается как адаптивная реакция или класс адаптивных изменений. Возникновение образа цели делает поведение системы целеустремленным, обращенным на решение поставленных задач, образующих иерархию критериев, среди которых высшим выступает накопление негэнтропии.

По М.М. Бонгарду мерой полезной информации считается изменение неопределенности поставленных задач в результате получения сообщения. Нет смысла говорить о полезности информации, которая содержится в сигнале, если не указаны: решаемая задача, первоначальное состояние решающего алгоритма и свойство декодирующего алгоритма. Это высказывание доказывает невозможность установить ценность информации, если она не связана с понятием цели.

В концепции А.А. Харкевича [6] проблематика ценности информации постигается через приращение вероятности достижения цели, где цель определяется будущим результатом деятельности. Измерение ценности информации с помощью ее количества связано с тем, что в теории Шеннона под информацией понимается снятая неопределенность, то есть считается, что поступающая информация всегда является ценной. Согласно Шеннону, любой возможный ответ на заданный вопрос содержит равное количество информации, так как в равной степени снижает неопределенность. Отсюда следует, что различные сообщения обладают разной ценностью, а устанавливается эта ценность в соответствии с имеющимися в данный момент целями системы.

Итак, теория информации в общем виде представляется в трех основных концептуальных подходах: синтаксическом, семантическом и прагматическом. Первый подход связан с количественной характеристикой информации, а два последних рассматриваются относительно каче-

ственного аспекта. Количественная и качественная (содержательная) грани информации близки между собой так, что одна задает направление поиска для другой [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Винер Н. *Кибернетика, или управление и связь в животном и машине*. М.: Прогресс, 1968. 420 с.
2. Войшвилло К.Е. *Попытка семантической интерпретации статистических понятий информации и энтропии*. М.: Мысль, 1966. 214 с.
3. Земан И. *Познание и информация*. М.: Знание, 1966. 34 с.
4. Полетаев И.А. *К определению понятия информации. Исследования по кибернетике*. М.: Наука, 1970. 180 с.
5. Харкевич А.А. О ценности информации // *Проблемы кибернетики*. 1960. Вып. 4.
6. Хартли Р. *Передача информации - теория информации и ее приложения*. М.: Прогресс, 1959. 312 с.
7. Шеннон К. *Математическая теория связи. Работы по теории информации и кибернетике*. М., 1963.
8. Шрейдер Ю.А. Тезаурусы в информатике и логической семантике // *Научно-техническая информация*. Сер. 2. 1971. № 3. 98 с.
9. Эшби У.Р. *Введение в кибернетику*. М.: Прогресс, 1959. 320 с.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE THEORY OF INFORMATION

Ushakova A.V.

The article is about information theory. Three of her levels are treated in details: syntactic (an approach whose main purpose is to establish a quantitative measure of information), semantic (an approach that formulates the concept of information as a ratio of the language system with material objects and phenomena displayed by it) and pragmatic (an approach that includes the questions of goals, values, useful information). The know ledge gained by using the above concepts, provide an opportunity to understand the nature of quantitative and qualitative information of the parties.

Keywords: information theory, entropy and negentropy, the value of information.

REFERENCES

1. Viner N. *Kibernetika, ili upravlenie i svyaz' v zhitvotnom i mashine*. M.: Progress. 1968. 420 p. (In Russian).
2. Vojshvillo K.E. *Popytka semanticheskoy interpretatsii statisticheskikh ponyatij informatsii i ehntropii*. M.: Mysl'. 1966. 214 p. (In Russian).
3. Zeman I. *Poznanie i informatsiya*. M.: Znanie. 1966. 34 p. (In Russian).
4. Poletaev I.A. *K opredeleniyu ponyatiya informatsii. Issledovaniya po kibernetike*. M.: Nauka. 1970. 180 p. (In Russian).
5. Kharkevich A.A. O cennosti informacii. *Problemy kibernetiki*. 1960. T. 4. (In Russian).
6. Khartli R. *Peredacha informatsii - teoriya informatsii i ee prilozheniya*. M.: Progress. 1959. 312 p. (In Russian).
7. Shennon K. *Matematicheskaya teoriya svyazi. Raboty po teorii informatsii i kibernetike*. M. 1963. (In Russian).
8. Shrejder Yu.A. Tezaurusy v informatike i logicheskoy semantike. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya*. 1971. T. 2. № 3. 98 p. (In Russian).
9. Eshshbi U.R. *Vvedenie v kibernetiku*. M.: Progress. 1959. 320 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Ушакова Алёна Владимировна, окончила МГТУ ГА (2014), аспирантка МГТУ ГА, автор 2 научных работ, область научных интересов – история и философия науки и техники, философия информации.

УДК 316.4.062

ИНФОРМАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ КОНТРОЛЯ В УПРАВЛЕНЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Т.Н. НАШИНСКАЯ

В статье рассматривается функция контроля в организации – одной из основных функций управленческого процесса. Показана специфика контроля через его включенность в деятельность предприятия и связь с другими основными функциями управления. Отдельное внимание уделяется роли информации в реализации контроля в процессе управления: координация деятельности организации осуществляется на основе взаимодействия формальных и неформальных коммуникаций, осуществляемых на предприятии. Посредством слаженного функционирования механизма обратной связи – сердцевиной контроля – на базе постоянно функционирующих коммуникаций в организации осуществляется взаимосвязь и взаимообусловленность контроля с другими функциями управления.

Ключевые слова: контроль, функции управления, информация, обратная связь.

Становление и развитие рыночных отношений в свое время привело к усложнению самой структуры организаций, возникновению развернутых систем, регулирующих отношения между участниками корпоративных отношений. С передачей наемным менеджерам значительной части функций по текущему управлению организацией возникла острая потребность в создании системы контроля за деятельностью управленцев – профессиональных менеджеров.

Контроль является составной частью управления в целом. Любая организация не может нормально функционировать и развиваться без четко организованной системы контроля за реализацией как отдельных управленческих решений, так и самого управленческого процесса. Не случайно в английском языке термин «control» имеет два значения: контроль и управление, что указывает на взаимосвязанность и взаимообусловленность данных явлений – управления и контроля. Так П. Друкер раскрывает следующим образом связь и различие данных понятий: «...Если выразить основную идею этих понятий предельно сжато, то контроль – это измерение и информация, а управление – это прежде всего действие. Таким образом, целью контроля является выявление происходящего, а целью управления – обеспечение, чтобы выполняемая работа соответствовала первоначальному плану, поэтому «контроль» позволяет получить информацию, на основании которой осуществляется «управление», т.е. выполнить необходимые действия...» [5, с. 57-58].

Рассматривая контроль как функцию управления, исследователи отмечают, что в таком аспекте контроль имеет двойственную сущность. Во-первых, контроль связан со всеми другими функциями управления, он осуществляется на каждой стадии управления посредством реализации контрольных функций каждого работника на своем рабочем месте. Если такие функции управления как планирование, организация и пр. обладают особенными свойствами, выражающимися в своих задачах, то контроль обладает свойством универсальности и, пронизывая все части и элементы процесса управления, взаимосвязан со всеми остальными функциями управления. Так на стадии планирования в процессе управления контроль проявляется в планировании места, целей и задач контроля, в классифицировании экономических объектов, определении их внутренней структуры, в прогнозных расчетах процесса контроля. При осуществлении функции организации контролирующая часть состоит в определении иерархичности контролирующих органов, принципов их организации, в направлении деятельности и методов контроля. Содержание функции контроля тесно связано с функцией координации в управленческом процессе: на основе данных, полученных в результате выполнения контрольных функций, происходит организация взаимодействия всех

частей и элементов управленческого процесса. Наконец, мотивационные аспекты контроля связаны с разработкой и внедрением системы поощрения и наказания.

Во-вторых, контроль представляет собой специфическую функцию управления, которая, по сути, контролирует самое себя, свою эффективность.

Само содержание функции контроля раскрывается исследователями исходя из различных точек зрения на данное понятие и элементы системы контроля. В.В. Бурцев систему внутреннего контроля коммерческой организации рассматривает как совокупность элементов, в основном, ориентированных на обеспеченность определенными составляющими: теоретическая база (определение понятий, цели, задачи, принципы, виды контроля и пр.); нормативная база; методическое обеспечение; организационные структуры; научно-исследовательская и учебная базы; кадровое обеспечение; материально-техническое обеспечение; информационно-коммуникативная инфраструктура (информационное обеспечение и система коммуникаций) [4, с. 10]. С.О. Шохин также раскрывает систему контроля посредством перечисления совокупности элементов: субъекта (кто контролирует), объекта (кого контролируют), предмета (что контролируют), принципов и метода (методик) контроля; сбора и обработки исходных данных для проведения контроля; результатов контроля и затрат на его осуществление; субъекта, принимающего решение по результатам контроля; принятия решения по результатам контроля [13, с. 31].

В настоящее время в научной и практической литературе понятие контроля часто употребляется параллельно с понятием «контроллинг». Одни исследователи отождествляют два данных понятия [11, с. 62-67], другие ученые, наоборот, утверждают, несмотря на созвучность слов, отсутствие какой-либо связи между данными понятиями [10, с. 32]. Весьма аргументирована позиция исследователей, которые, отмечая различие контроля от контроллинга, делают акцент на том, что контроль нацелен на результаты в прошлом, фиксирует и оценивает уже свершившиеся факты в управленческом процессе, а контроллинг – гораздо шире, направлен на перспективу предприятия. Несмотря на многообразие различных подходов в рассмотрении сущности понятия контроллинга и контроля, нельзя оспорить очевидность тесной взаимосвязи таких понятий. Одна из обобщающих характеристик, обуславливающая взаимосвязь и общность данных понятий – информационная составляющая. Так Т.Б. Альгина раскрывает информационную функцию системы контроллинга как выработку контроллинговой информации для управления посредством трансформации данных (информационных потоков), поступающих в отдел контроллинга. Автор особо отмечает важность и основополагающую роль информационной составляющей: «...информационная функция, обеспечивающая весь процесс движения и развития системы контроллинга, носит изначальный характер» [1, с. 32]. В самом деле, процесс управления вполне обоснованно рассматривается учеными в качестве процесса преобразования информации. Организация, являя собой систему, обусловлена своей внутренней структурой – организационной структурой, которую часто рассматривают как «формальную сеть передачи информации, обеспечивающую необходимый уровень эффективности» [7, с. 13]. Кроме того, по мнению Т.Г. Шешуковой и М.А. Горолилова, «организационная структура определяет формы власти и подчинения, а также каналы информационной связи внутри организации» [12, с. 62]. Соответственно, чем сложнее организационная структура, чем более изменчива экономическая среда, тем больше информации нужно для эффективного управления; тем более слаженной должна быть система внутренних коммуникаций в организации.

Итак, управлять и одновременно допускать отсутствие или минимум информации – практически невозможно. Как отмечает В.В. Бурцев, целью внутреннего контроля является «...информационная прозрачность объекта управления для возможности принятия эффективных решений» [3, с. 16]. Таким образом, информация, полученная посредством корпоративных коммуникаций – как по формальным вертикальным и горизонтальным каналам (организационная структура), так и путем неформальных способов взаимодействия –

предоставляет возможность руководству организации осуществлять мониторинг в режиме реального времени как всей производственной и финансово-хозяйственной деятельности, так и отдельно протекающих процессов на предприятии. Не случайно исследователи, раскрывая сущность процесса контроля, отмечают его составляющие: сбор, передача и обработка информации о состоянии объекта.

Процесс контроля включает в себя также обеспечение руководящего звена организации определенным объемом количественной и качественной информации, предоставляющей возможность выявления степени выполнения управленческих решений, сильных и слабых сторон организации, динамике и векторе ее развития, благоприятных и неблагоприятных тенденциях развитиях внешних условий и т.п. Г. Минцберг, в свою очередь, представляет прямой контроль (осуществляемый по формальным каналам коммуникаций предприятия) и взаимное согласование (посредством горизонтальных неформальных коммуникаций) в качестве способов координации деятельности организаций, тем самым подчеркивая взаимообусловленность корпоративных коммуникаций (информационных потоков) и контрольной деятельности в организации [8, с. 21-23].

Одним из существенных признаков такой взаимосвязи, наделяющей коммуникации контролирующей функцией, является механизм обратной связи. На основе правильно выстроенной системы корпоративных коммуникаций контроль с помощью осуществления процесса обратной связи обеспечивает тесную связь между аппаратом управления и процессом достижения целей организации путем предоставления достоверной и своевременной информации. Сам процесс обратной связи реализуется в силу специфики самого механизма акта коммуникации, обеспечивающего такую обратную связь. В этом – основная взаимосвязь контролирующей деятельности с информационно-коммуникационной составляющей. Так Л.В. Розанова отмечает тесную связь информации и управления в целом: «Средством управления служит информация. Любое управление можно рассматривать как перевод системы в одно из возможных для нее состояний, производимый либо самой системой, либо другой системой в результате получения и передачи информации» [9, с. 25]. Действительно, любое управляющее воздействие, в какой бы форме оно производилось, можно рассматривать как информацию, передаваемую в форме целенаправленных команд. Однако при отсутствии обратной связи алгоритм управления может содержать только однозначную линейную последовательность команд. Когда обратная связь существует, алгоритм может иметь гораздо более сложную структуру и соответственно быть гораздо «умнее», «интеллектуальнее».

Функционирование механизма обратной связи в процессе контрольной деятельности играет важную роль, что и отмечается исследователями. Так А.А. Годунов прямо указывает, что «место и значение контроля определяется тем, что он является тем способом организации обратных связей, благодаря которым орган управления получает информацию о ходе выполнения его решения» [6, с. 53]. Аналогичного мнения придерживается и Е.А. Кочергин, отмечая, что «...такой подход, безусловно, правомерен, хотя и неполон. Механизм обратной связи составляет сердцевину контроля» [6, с. 55].

В свою очередь Ю.А. Данилевский рассматривает контроль с учетом нескольких составляющих (с обязательным включением механизма обратной связи): во-первых, как неотъемлемую часть управленческой деятельности специфического вида, во-вторых, как источник информации, обеспечивающий процесс принятия управленческих решений, в-третьих, как систему проверки фактического состояния хозяйствующего субъекта с целью подтверждения правомерности его деятельности и, в-четвертых, как механизм обратной связи, посредством которого управляющая система получает необходимую информацию о действительности состояния управляемого объекта [6, с. 56].

Итак, без наличия обратной связи между взаимосвязанными и взаимодействующими элементами или системами невозможно эффективное управление ими на научных принципах.

Замкнутость всех открытых организованных систем обеспечивается через контур прямой и обратной связи.

Как известно, в системе управления выделяют две подсистемы: управляющую, осуществляющую функции управления, и управляемую – объект управления. По каналам коммуникаций (посредством нисходящих коммуникаций) передается управляющая информация (управляющее воздействие); по каналу связи противоположного направления (чаще всего, вертикальным восходящим) посредством механизма обратной связи передается информация о состоянии управляемой подсистемы (о текущих значениях переменных объекта управления). Механизм управления в целом и контроля имеют сходные характеристики – содержание понятия «процесс» применим и к управлению, и к контролю. Соответственно и различные управленческие и контрольные циклы имеют общие черты. Во-первых, каждый цикл начинается с постановки целей и задач и завершается решением этих задач, достижением поставленной цели. В последующем, когда данная задача решена и цель достигнута, ставится новая задача для достижения новой цели, и цикл начинается вновь. Таким образом, каждый цикл начинается с анализа управляемого и контролируемого объекта, условий и требований к его деятельности и возможностей их выполнения.

С учетом того, что управленческий процесс представляет собой последовательно повторяющийся цикл, контроль как анализ фактического состояния в результате решения поставленной задачи является частью первой стадии следующего управленческого цикла. Другими словами, контроль включен в управленческий цикл и является не только его составной частью, но и исходной точкой новой задачи на этапе планирования и на других последующих этапах управления.

В проявлении специфической функции контроля на разных этапах управленческого процесса наиболее явно раскрывается единство, взаимодействие и взаимообусловленность функций управления. Причем необходимо отметить, что происходит такое взаимодействие и взаимообусловленность на основе функционирования именно закона обратной связи. Как справедливо отмечено У.Ю. Блиновой «...сбор информации является первичным звеном любого процесса. Без информации невозможно определить цели воздействия, оценить ситуацию, сформулировать проблему и принять решение» [2, с. 152].

Итак, для эффективного функционирования контрольной функции посредством осуществления обратной связи управляющая система получает «на выходе» данные, чтобы впоследствии оперировать ими при аналитическом процессе. Таким образом, благодаря своему свойству в обеспечении обратной связи внутренние корпоративные коммуникации являются средством для эффективного функционирования функции контроля в управленческом процессе. Посредством каналов коммуникаций в организации, характеризующихся разнонаправленностью (вертикальные восходящие/нисходящие, горизонтальные, диагональные, формальные и пр.), контроль в процессе управления на различных этапах выступает как функция управления, призванная осуществлять не только свою прямую контрольную функцию, но и систематически предоставлять и анализировать информацию о ходе решения производственных промежуточных задач, плановых заданий, оценивать перспективу в достижении намеченных целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альгина Т.Б. *Контроллинг в менеджменте*. СПб.: Маркет, 2010. 251 с.
2. Блинова У.Ю. Контроль в системе антикризисного менеджмента // *Аудит и финансовый контроль*. 2005. № 1. С. 148-156.
3. Бурцев В.В. *Организация системы внутреннего контроля коммерческой организации*. М.: Экзамен, 2008. 238 с.
4. Бурцев В.В. Совершенствование организации системы государственного финансового контроля в Российской Федерации // *Аудит и финансовый анализ*. 2003. № 2. С. 130-138.

5. Друкер П. *Практика менеджмента* / пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2009. 388 с.
6. Ильин А.Ю. Теоретико-правовой аспект налогового контроля // *Административное и муниципальное право*. 2008. № 5. С. 154-162.
7. Каймакова М.В. *Коммуникации в организации*. Ульяновск: УлГТУ, 2008. 74 с.
8. Минцберг Г. *Структура в кулаке: создание эффективной организации* / пер. с англ. СПб.: Нордик, 2002. 512 с.
9. Розанова Л.В. *Основы кибернетики*. Омск: ОмГТУ, 2009. 287 с.
10. Уткин Э.А., Мырынюк И.В. *Контроллинг: Российская практика*. М.: Финансы и статистика, 1999. 399 с.
11. Шеффер У. Должен ли контроллинг выполнять функцию контроля? // *Проблемы теории и практики управления*. 2011. № 5. С. 78-86.
12. Шешукова Т.Г., Горюшилов М.А. *Аудит: теория и практика применения международных стандартов*. М.: Финансы и статистика, 2005. 184 с.
13. Шохин С.О. *Бюджетно-финансовый контроль и аудит: Теория и практика применения в России*. М.: Финансы и статистика, 1997. 238 с.

INFORMATION FUNCTION OF CONTROL IN THE MANAGEMENT

Nashinskaya T.N.

The article discusses the function of control within the organization - one of the main functions of the management process. The specificity of control over its involvement and communication with other key management functions is shown. Special attention is paid to the role of information in the implementation of controls in the management: coordination of activities of the organization is based on the interaction of formal and informal communication, implemented in the enterprise. Through the smooth functioning of a feedback mechanism - the core of control - on the basis of continuously operating communication in the organization out the relationship and interdependence of control with other control functions is carried.

Keywords: control, functions of management, information, feedback.

REFERENCES

1. Algina T.B. *Kontrolling v menedzhmente*. SPb.: Market. 2010. 251 p. (In Russian).
2. Blinova U.J. Kontrol' v sisteme antikrizisnogo menedzhmenta. *Audit i finansovyy control*. 2005. № 1. P. 231. (In Russian).
3. Burcev V.V. *Organizacija sistemy vnutrennego kontrolja kommercheskoj organizacii*. M.: Jekzamen. 2008. 238 p. (In Russian).
4. Burcev V.V. Sovershenstvovanie organizacii sistemy gosudarstvennogo finansovogo kontrolja v Rossijskoj Federacii. *Audit i finansovyy analiz*. 2003. № 2. Pp. 130-138. (In Russian).
5. Druker P. *Praktika menedzhmenta*. M.: Izdatel'skij dom «Vil'jams». 2001. 388 p. (In Russian).
6. Il'in A.Ju. Teoretiko-pravovoj aspekt nalogovogo kontrolja. *Administrativnoe i municipal'noe pravo*. 2008. № 5. Pp. 154-162. (In Russian).
7. Kajmakova M.V. *Kommunikacii v organizacii*. Ulyanovsk: UIGTU. 2008. 74 p. (In Russian).
8. Mincberg G. *Struktura v kulake: sozdanie jeffektivnoj organizaicii*. SPb. 2002. 512 p. (In Russian).
9. Rozanova L.V. *Osnovy kiberentiki*. Omsk: OmGTU. 2009. 287 p. (In Russian).
10. Utkin Je.A., Myrunjuk I.V. *Kontrolling: Rossijskaja praktika*. M.: Finansy i statistika. 1999. 399 p. (In Russian).
11. Sheffer U. Dolzhen li kontrolling vypolnjat' funkciju kontrolja? *Problemy teorii i praktiki upravlenija*. 2002. № 5. Pp. 78-86. (In Russian).
12. Sheshukova T.G., Gorolilov M.A. *Audit: teorija i praktika primenenija mezhdunarodnyh standartov*. M.: Finansy i statistika. 2005. 184 p. (In Russian).
13. Shohin S.O. *Bjudzhetno-finansovyy kontrol' i audit: Teorija i praktika primenenija v Rossii*. M.: Finansy i statistika. 1997. 238 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Нашинская Татьяна Николаевна, окончила МГТУ ГА (2010), аспирантка МГТУ ГА, автор 11 научных работ, область научных интересов – менеджмент, социальное управление, связи с общественностью.

УДК 338.24

ТАНЦЕВАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Ж.В. ПИМЕНОВА

В статье рассматривается влияние цифровых технологий на развитие искусства как масштабного явления современной культуры. Впервые анализируется механизм охвата хореографических постановок в контексте Интернета. Выясняется значение эстетического воздействия танца как формы художественной коммуникации на сознание зрителя. Определяются возможности хореографии как жанра искусства изменять характер мышления публики с точки зрения эстетических предпочтений. Дается краткий экскурс в историю возникновения вычислительных машин. Подчеркивается роль танцевального языка в рамках Интернет-коммуникаций с позиции его рекламного эффекта. Приводятся примеры современных хореографических спектаклей, позиционирующихся в цифровом формате.

Ключевые слова: цифровые технологии, Интернет, интерактивность, искусство, танец, эстетика, художественная коммуникация, культура, танцевальный образ, выразительность.

Современное искусство имеет массовый характер. Одной из существенных причин этой ситуации выступает глобализация общества и культуры. Значительную роль в развертывании глобализации сыграли информационные технологии. Эти технологии, по существу, перевернули сознание человека и повлияли на особенности восприятия и мышления потребителей разного рода информации. «Оцифрование» культуры можно проследить практически во всех видах искусства, представляющих собой концентрацию художественной мысли в контексте духовной культуры. Любой жанр искусства выступает формой и одновременно способом художественной коммуникации. В настоящей статье мы попытаемся проследить, как отразились информационные новации на восприятии хореографического искусства, и каково влияние Интернет при эстетической оценке предметного мира культуры. Исследование данных процессов выводит на первый план проблему алгоритмизации художественного творчества, которая обуславливается развитием цифровых (компьютерных) технологий, являющихся следствием и бесспорной данностью научно-технического прогресса. Появление вычислительных машин радикально изменило мир, сознание, бытие художественного процесса. В этой связи будет уместным сделать краткий экскурс в историю возникновения ЭВМ.

Известно, что первой программируемой вычислительной машиной был электро-механический компьютер Z3, созданный немецким инженером Конрадом Цузе и вышедший 12 мая 1941 г. В ряду последующих разработчиков электронных компьютеров представлены Джон Атанасов и Клиффорд Берри (1942 г.), английский инженер Томас Флауэрс (1943 г.). Также следует отметить, что в разработке электронной машины по обработке дискретных переменных EDVAC в 1949 г. приняли участие «патриарх» кибернетики Норберт Винер и Джон фон Нейман. В конце 1951 г. прошел испытания цифровой компьютер МЭСМ (малая электронная счетная машина) в нашей стране. В апреле 1953 г. была принята в эксплуатацию первая машина серии БЭСМ (большая электронная счетная машина) – БЭСМ-1. В 1961 г. в Институте точной механики и вычислительной техники АН СССР завершились работы по созданию одного из первых в СССР компьютеров на полупроводниковой базе БЭСМ-4. В 1966 г. была завершена разработка первого советского суперкомпьютера на полупроводниковой элементной базе – БЭСМ-6.

Несколько раньше компания IBM в 1952 г. представила свой первый коммерческий компьютер для научных целей IBM 701, а в 1964 г. она анонсировала семейство компьютеров

класса мейнфреймов-System/360. Эта серия послужила основой для советской серии компьютеров ЕС ЭВМ (единая система электронных вычислительных машин). «Создание микропроцессоров было настоящим технологическим прорывом и позволило создать первые персональные компьютеры, ставшие впоследствии аппаратной основой компьютеризации общества» [4, с. 22].

Практически с начала 1970-х гг. компьютерные технологии проникли во все жанры искусства, преимущественно в музыке, изобразительном искусстве, кинематографе, определив в них новые цифровые направления. Данная ситуация объясняет неизбежное слияние достижений в технической области (компьютеризация) с содержанием современной культуры, когда налицо техническое погружение в пространство искусства. Возникает проблема использования цифровых технологий, которая проявляется в техническом репродуцировании произведений искусства. В качестве примера научно-технического «вторжения» можно представить появление и тиражирование фотографии в XIX в. и намного позднее видео- и аудиотехники. О технических возможностях фотографии в начале XX в. Ш. Бодлер писал: «...технические уловки, вторгаясь в искусство, становятся его смертельными врагами» [2, с. 189]. Подобной позиции придерживались многие философы, считая, что использование технических средств может привести к ослаблению творческого духа, «смерти» искусства.

Но были и другие, более оптимистичные взгляды. В частности, в своем эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» В. Беньямин отмечал, что более адекватным будет постановка вопроса не о том, является ли фотография искусством, а о том, насколько изменилось с изобретением фотографии само искусство [1]. Перенос идеи В. Беньямина в контекст современной культуры, можно говорить о том, как изменилось искусство в связи с распространением новых цифровых технологий. И это очевидно, поскольку сама реальность, ее восприятие и понимание существенно трансформировались. Изменилась и эстетическая оценка явлений культуры. Нельзя не вспомнить суждения Ж. Бодрийера о том, что содержание современного искусства не репрезентирует реальность, а только искажает ее через повторение и варьирование форм, что ведет к его гибели. Ж. Бодрийер писал: «Искусство теперь повсюду, поскольку в самом сердце реальности теперь – искусственность. Следовательно, искусство мертво, потому что... умерла... сама реальность» [3]. Границы реального и воображаемого как в жизни, так и в искусстве стираются. Благодаря СМИ, компьютерной науке любой человек становится потенциальным творцом. Искусство как элитарный вид художественной деятельности обретает массовый характер, оно утрачивает свою автономность по причине использования новых технологий.

Позиционирование произведений искусства в цифровой форме повлияло на восприятие зрителем их эстетического содержания. Вместе с тем цифровой вариант существования произведений искусства увеличил экспозиционные возможности и определил новую эстетику предметного мира культуры. Интенсивное развитие Интернета приобщило к современному искусству многочисленную публику. Возникла мобильная возможность посещать музеи, выставки, спектакли посредством персональных компьютеров. Искусство, как и сам мир, становится глобальным и общедоступным. Мы живем в информационном обществе, в котором массы являются активными участниками создания своей культуры. Одной из ее принципиальных особенностей выступает широкое внедрение визуальных форм и жанров, что говорит о визуализации культуры в целом.

Распространение Интернет предоставило человеку возможность не только находить искомый источник информации, но и самому становиться таким же ее источником. Нельзя также обойти вниманием еще одно принципиальное изменение, внесенное компьютерными технологиями в искусство, каковым является интерактивность. Интерактивность – это возможность непосредственного участия реципиента в создании чего-либо (в нашем случае произведения искусства). Одним из примеров анализа интерактивности в цифровом формате

выступает интерактивная инсталляция Василия Церетели «Возвращение к истокам» (2006), представленная на выставке «Пограничное состояние».

Историческим примером достижения эффекта интерактивности являются такие направления в искусстве, как дадаизм и перформанс. Об этом можно рассуждать отдельно. Но одно ясно, что интерактивность характерна не только для цифрового искусства. В преломлении же темы нашей статьи целесообразно вернуться к вопросу того, как изменилось искусство в связи с распространением новых компьютерных технологий в целом, и танцевальное искусство, в частности. Здесь следует учитывать постмодернистский характер современной культуры.

Мы рассуждали об эффекте интерактивности, который успешно реализуется в рамках сетевого искусства. Что касается таких основных художественных приемов постмодернистского искусства, как коллаж, цитирование, палимпсест и пастиш, то они в качестве «эффектов» также легко могут реализовываться в цифровом варианте. Это возможно проследить на примере изобразительного искусства (имитация графики цветной тушью, пастелью, имитация акварельной техники, имитация техники гуаши, имитация живописи маслом). Данная трансформация интересна в плане исследования для алгоритмической эстетики. Для нас же представляется важным рассмотреть то, как танец в качестве формы художественной коммуникации являет новую эстетику своего бытия в цифровом формате и насколько активен пользователь Интернета в поиске разных художественных стилей.

Прежде всего отметим доступность и мобильный охват танцевальных постановок в цифровой плоскости. Пользователь Интернета способен увидеть и оценить появляющиеся премьеры в балетном мире. Пример тому прошедшие хореографические спектакли литовского балетмейстера Анжелики Холиной «Анна Каренина», «Кармен», «Отелло». Здесь обнаруживается функция информирования зрителей как об афише мероприятий (в рамках конкретного театра, в частности, театра им. Евг. Вахтангова), так и о прогнозах творчества танцовщиков, художественных изысканиях хореографов-постановщиков. Постановки А. Холиной – это незабываемые хореодрамы, повествующие о непростых человеческих отношениях, порой достигающих накала острых эмоций, граничащих со страстью и порочностью людской природы. Безусловно то, что наглядно воспринять на уровне чувственности хореографическую эстетику А. Холиной публика может, находясь непосредственно в зале театра. Интернет лишь приближает и мотивирует зрителя ощутить в очередной раз атмосферу театральной сцены, создающей удивительные метаморфозы литературных произведений в форме хореографических текстов.

Пластика человеческого тела, воплощенная в цифровом варианте, другая, нежели созерцаемая в контексте реального сценического пространства. Цифровые технологии одновременно приближают зрителя к стилистике балетных спектаклей, провоцируя желание их увидеть, и отдаляют от соприкосновения с настоящей, а не виртуальной красотой танцевальных композиций. Неправоммерно говорить о том, что плохо, а что хорошо в оценке эстетических объектов как в реальной, так и в виртуальной плоскости. Вернее допустить то, что современный человек встречается с иной культурой, соединяющей в себе возможности виртуального бытия и действительность художественных событий.

Учитывая особенности развития средств массовой коммуникации, охватывающих практически все стороны человеческой жизни, можно утверждать о форме позиционирования каждого жанра искусства и, в частности, хореографии в цифровом контексте. По существу, человек сталкивается с технологиями продвижения художественного «товара» на рынок. Он при этом способен оценить имиджевое значение танца в качестве носителя художественной информации, выразительные возможности которого представлены с позиции виртуальности.

Танец имеет определенные средства выразительности, которые могут быть опредмечены как в реальности, так и в цифровом аспекте. Только эстетическое воздействие со стороны двух вариантов (реальное, цифровое) на зрителя, безусловно, разное. Перечислим известные выразительные средства хореографического искусства: гармонические движения и позы; пластика и мимика; динамика движений; темп и ритм движения; пространственный рисунок,

композиция; костюмы и реквизиты. Выразительность важна в плане целостного постижения красоты, индуцирующей позитивные эмоции. Потребность в красоте очевидна, поскольку она пробуждает людское неравнодушие, делает человека добрее, затрагивает чувственную сферу.

Возвращаясь к творчеству А. Холиной, имеет смысл привести ее высказывание (из интервью 08.11.2013 г.) относительно роли эстетического воздействия на публику хореографического спектакля: «Мои спектакли для чувствительных людей. Люди считают то, что я хочу сказать... И плачут... Я работаю в Москве в новом жанре... Спектакли разные, но все они – красивые. Для меня очень важна эстетика. Это имеет большую силу. Создать красоту на сцене очень сложно. Но я как раз этим и занимаюсь. Сценография, костюмы, красивые люди, смысл на сцене. Все очень важно... Люди должны получить красивое смысловое зрелище. Эмоции. Я хочу воспитывать публику» [6].

Зрелищность, позитивная эмоциональность, энергия движения, эстетика чувственности характерны и для социальных танцев (от англ. «social dance»), к основным видам которых относят хастл, сальсу, свинг и аргентинское танго. В знакомстве с данным направлением в современной хореографии существенную роль сыграли социальные сети, Интернет, приблизившие человека к постижению глубины и эстетики танцевальной коммуникации. На сайте www.youtube.com можно найти различные фрагменты танцевальных форм, демонстрирующих хореографические конкурсы (например, чемпионаты Москвы по хастлу) в этом стиле. Один из принципиальных положительных моментов показа танца в цифровом формате есть популяризация его как способа художественной коммуникации.

Популяризация хореографического искусства бесспорна как результат просмотра цикла передач «Большой балет», проходившего по каналу «Россия-К» и собравшего многочисленную публику также и у мониторов компьютеров, позволивших прикоснуться к красоте и пластике человеческого тела. Другой вопрос – как оценивают это телевизионное шоу ряд балетных критиков. Но очевидно то, что в приобщении к классическому танцу, стилям в современной хореографии есть заслуга цифровых технологий. Примеров положительного влияния компьютерных технологий касательно приобщения зрителей к массовому искусству в целом, и к танцевальной культуре, в частности, можно приводить бесконечно много. Отдельного внимания заслуживает открытие постановки Р. Виктюка «Служанки», в свое время покорившей московскую публику неожиданным ракурсом мужской пластики. В видеохостинге www.youtube.com пользователь, независимо от времени, становится невольным участником неординарных пластических композиций, расширяющих границы драматической игры актеров. Зритель как бы погружается в виртуальное пространство сценографии. Несомненно то, что человек постоянно находится под информационным влиянием компьютерных средств как неизбежной составляющей СМК. Танец как предмет исследования выступает многослойным информационным феноменом. Его животворящее начало сохраняет в себе вековые традиции разных народов (если рассматривать народно-сценический танец). Динамика танцевальных стилей поражает своей движенческой палитрой.

Присутствие танцевальной событийности в Интернете одновременно носит рекламный характер, поскольку способствует привлечению внимания пользователей. По сути, это подтверждает то, что танец есть уникальное художественное средство воздействия на сознание аудитории в контексте рекламной коммуникации. Сама по себе художественная ценность рекламных образов возрастает в случае включения в рекламные послания фрагментов танцевальных композиций. Танцевальный персонаж в рамках рекламного сообщения (столь часто присутствующего в Интернете) индуцирует в сознании зрителя эстетическую потребность в оценке повседневности, понимаемой им как новая реальность, значимая с точки зрения красоты форм. «Красота танцевального образа в рекламном тексте есть новая художественная провокация, меняющая характер традиционных взглядов в оценке выразительности средств бытия культуры» [5, с. 100].

Продвижение танца как жанра искусства и формы художественной коммуникации в цифровой плоскости позволяет ускорить процесс постижения элитарных аспектов культуры и мотивирует зрителя к осознанному имиджированию своих внешних данных. Танцевальная коммуникация есть доступный путь к гармонии через эстетику телесной кинетики и один из необычных способов познания счастья. Интересно суждение русского танцовщика М. Барышникова: «Есть короткие дороги к счастью, и танец – одна из них». И это данность, которую невозможно оспорить.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Беньямин В.** *Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе* / под ред. Ю.А. Здороваго. М.: Медиум, 1996.
2. **Бодлер Ш.** *Об искусстве*. М.: Искусство, 1986.
3. **Бодрийяр Ж.** *Символический обмен и смерть*. М.: Добросвет, 2009.
4. **Мигунов А.С., Ерохин С.В.** *Алгоритмическая эстетика*. СПб.: Алетейя, 2010.
5. **Пименова Ж.В.** Танец в рекламе как способ управления сознанием // *Научный Вестник МГТУ ГА*. 2012. № 181.
6. *Еженедельная газета «Москвичка»*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moscvichka.ru/moscvichka/2013/11/08> (дата обращения 20.12.2014).

DANCING COMMUNICATION DURING AN ERA OF DIGITAL TECHNOLOGIES

Pimenova Zh.V.

In the present article influence of digital technologies on art development as large-scale phenomenon of modern culture is considered. The mechanism of coverage of choreographic statements in the context of the Internet is for the first time analyzed. The value of esthetic impact of dance as form of art communication on consciousness of the viewer becomes clear. Possibilities of choreography are defined as genre of art to change the nature of thinking of the public from the point of view of esthetic preferences. Short digression to history of emergence of computers is given. The role of dancing language within Internet communications from a position of its advertizing effect is emphasized. Examples of the modern choreographic performances which are positioned in a digital format are given.

Keywords: digital technologies, Internet, interactivity, art, dance, esthetics, art communication, culture, dancing image, expressiveness

REFERENCES

1. **Ben'jamin V.** *Proizvedenie iskusstva v jepohu ego tehniczeskoj vosproizvodimosti. Izbrannye jesse*. М.: Medium. 1996. (In Russian).
2. **Bodler Sh.** *Ob iskusstve*. М.: Iskusstvo. 1986. (In Russian).
3. **Bodriijar Zh.** *Simvolicheskiy obmen i smert'*. М.: Dobrosvet. 2009. (In Russian).
4. **Migunov A.S., Erohin S.V.** *Algoritmicheskaja jestetika*. SPb.: Aletejja. 2010. (In Russian).
5. **Pimenova Zh.V.** Tanec v reklame kak sposob upravlenija soznaniem. *Nauchnyj Vestnik MGTU GA*. 2012. № 181. (In Russian).
6. *Ezhenedel'naya gazeta "Moskvichka"*. URL: <http://www.moscvichka.ru/moscvichka/2013/11/08> (accessed 20.12.2014). (In Russian).

Сведения об авторе

Пименова Жанна Викторовна, окончила МГУ им. М.В. Ломоносова (1990), доцент, кандидат философских наук, член Ассоциации преподавателей по связям с общественностью, заведующая кафедрой связей с общественностью МГТУ ГА, автор более 65 научных работ, область научных интересов – реклама и связи с общественностью в сфере культуры и искусства, лингвокультурология, межкультурная коммуникация, эстетика хореографического творчества.

УДК 316.454.52

ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ АВИАЦИОННЫХ СООБЩЕСТВАХ

М.А. МЕЛЬНИКОВА

Рассматриваются коммуникационные аспекты и особенности взаимодействия в профессиональных авиационных сообществах в интернет-пространстве. Дано определение профессионального сообщества, выделены его характеристики. Раскрыты преимущества сетевого взаимодействия членов профессионального сообщества. Определены критерии классификации видов авиационных сообществ в Интернете, охарактеризована специфика коммуникации членов сообществ по тематике, языковым формам, видеоряду. Обоснован вывод о том, что исследования профессиональных интернет-коммуникаций в сообществах авиаспециалистов позволят повысить эффективность работы всей отрасли, а также качественно влиять на имидж отечественной гражданской авиации в глазах общественности.

Ключевые слова: коммуникация, интернет-сообщества, профессиональные сообщества, авиационные сообщества.

Сегодня профессиональные сообщества довольно хорошо изучены, однако вопрос коммуникации в авиационных профессиональных сообществах не получил пока должного внимания, несмотря на то, что деятельность авиационного персонала сопряжена с коллективной ответственностью за жизнь и здоровье людей, сохранность дорогостоящей техники и характеризуется высокими физическими, психо-эмоциональными нагрузками в условиях постоянного дефицита времени.

Профессиональное сообщество представляет группу людей из двух и более человек, регулярно вступающих между собой в процесс общения с целью обмена информацией, выработки знаний и обмена опытом, более действенных подходов к достижению поставленных профессиональных задач [1]. Профессиональное сообщество имеет отличие от сообщества, сформированного по интересам: оно проявляется в наличии общей практики, которая используется в регулярной профессиональной деятельности. Члены сообщества соединены совместной активной деятельностью и знаниями, полученными в результате участия в этой деятельности. Профессиональное сообщество, как правило, объединяет людей на основании одного интереса или потребностей. Чтобы вступить в подобную организацию, обычно требуется желание стать ее членом и опыт активной работы по своей профессии в течение определенного срока. Главной целью существования таких сообществ является профессиональное общение коллег и единомышленников, в ходе которого за счет постоянного обмена знаниями между участниками обеспечивается их личностное и профессиональное совершенствование.

Ключевые характеристики профессионального сообщества можно обозначить следующими категориями:

- 1) предмет сообщества – совместная инициатива, понимаемая и разделяемая его членами;
- 2) способ функционирования – многочисленные встречи, объединяющие членов в социальную группу;
- 3) результат, полученный в совместной деятельности – разделяемые членами ресурсы.

В современном обществе с повышенной социальной мобильностью, высокой скоростью изменения технологий процесс взаимодействия между людьми усложняется, становится многограннее и приобретает новые характеристики. Поэтому сегодня мы понимаем профессиональную коммуникацию как профессионально обусловленный процесс обмена информацией между представителями одной профессии в познавательно-трудовой и

творческой деятельности, направленный на профессиональное развитие, в ходе которого формируются профессиональные сообщества, характеризующиеся определенными нормами мышления, поведения и взаимодействия между членами сообщества [2].

Основными причинами появления профессиональных сообществ в социальных сетях является предоставляемая ими возможность широкого участия в дискуссиях, обсуждениях передовых технологий, продвижения и лоббирования различного рода инициатив, самосовершенствования, заимствования опыта более успешных коллег. Одним из плюсов организации профессионального сообщества именно в социальной сети является быстрый обмен информацией между участниками и возможность обсуждения интересующих участников тем с последующей корректировкой взглядов индивидов или их расширения.

Виртуальная коммуникация ускоряет обмен информацией, увеличивает её объёмы и уменьшает (а иногда и совсем ликвидирует) географические, временные и административные барьеры [4]. Несмотря на очевидные преимущества, данный вид профессиональной коммуникации обладает важной характеристикой – это определённая степень анонимности участников. Тем не менее, социальный статус участника постепенно проявляется (например, в компетентности высказываний, возможностях и пр.) и учитывается членами интернет-сообщества (например, доверие к информации, интерес к публикациям, разработкам и пр.).

В рамках научно-исследовательской работы были изучены авиационные сообщества в российском интернет-пространстве, определены конкретные профессиональные авиационные сообщества, проведена их классификация, выявлена специфика коммуникации, её характерные особенности, связанные с профессиональной деятельностью авиационного персонала.

Классификация сообществ

Классификация профессиональных авиационных сообществ может быть произведена на основе разных критериев.

По профессиональной принадлежности:

- диспетчерские;
- пилотские;
- сообщества авиационных техников;
- сообщества бортпроводников;
- и др.

По видам авиации:

- сообщества в коммерческой авиации;
- сообщества в авиации общего назначения;
- сообщества в военной авиации.

По территориальному признаку:

- региональные;
- межрегиональные.

По отдельному субъекту: сообщества конкретных авиакомпаний, аэропортов, авиационных организаций.

Приведенные выше классификации структурируют знание интернет-сообществ авиационных специалистов и позволяют лучше понять их многообразие, однако целью исследования являлось выявление специфики коммуникации в этих сообществах. Поэтому для научно-исследовательской работы интерес представляли классификации по форме организации и статусу.

По форме организации авиационные профессиональные сообщества в интернет-пространстве можно разделить на:

- интернет-форум;
- интернет-портал;

- интернет-издание (новостной сайт);
- блог;
- социальная сеть;
- интернет-приложение.

По статусу профессиональные авиационные интернет-сообщества можно разделить на официальные и неофициальные.

Официальные сообщества – это сообщества, создаваемые юридическими лицами, публикующие информацию «из первых рук» и гарантирующие её достоверность. Функции «писатель» - «читатель» разделены и не пересекаются.

Особенно выделяются в этой группе официальные сайты государственных авиационных учреждений и организаций (ФГУП «ГосНИИ ГА», Федеральное агентство воздушного транспорта (Росавиация), ФГУП «ЦАГИ им. Н.Е. Жуковского», ФГУП «Госкорпорация по ОрВД», ФАУ «ГЦ «Безопасность полетов на воздушном транспорте» и др.), авиакомпаний (ОАО «Аэрофлот – российские авиалинии», авиакомпания «Трансаэро», авиакомпания «Сибирь» и др.). Публикуемые на этих сайтах материалы характеризуются компактностью изложения, точностью, исключая возможность двоякого толкования, сухостью, отсутствием эмоционально окрашенных слов. Обратная связь осуществляется за счет персонального ответа на обращение/запрос посетителей сайта, другие участники не имеют доступа к этой информации.

Объемы информации весьма ограничены, инсайдерская информация отсутствует. Сегодня, в рамках исполнения постановления Правительства Российской Федерации от 10.07.2013 № 583 «Об обеспечении доступа к общедоступной информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети "интернет" в форме открытых данных», информации на официальных сайтах государственных учреждений становится всё больше.

На сайтах авиакомпаний большая часть информации предназначена для пассажиров (60-70%), остальная (25-35%) – для клиентов, партнеров. Информация о компании, контакты (не по вопросам пассажиров), данные для журналистов не превышают 5% от всего материала, однако нахождение данного контента затруднено. Исследования сайтов официальных организаций привели автора к выводу, что данной группой авиационных интернет-сообществ цель публичности, широкого информирования о своей деятельности не ставится. Причина этого возможно связана со спецификой авиационной деятельности, в первую очередь с задачей безопасности в широком смысле слова [3].

К данной группе официальных интернет-сообществ также относятся информационно-аналитические авиационные сообщества (отраслевое агентство «АвиаПорт», деловой авиационный портал «АТО.ru», авиационное агентство «Avia.pro», интернет-издания «Авиаглобус», Aviaru.net и др.) или, другими словами, отраслевые средства массовой информации. Эти сообщества характеризуются следующими чертами:

- материалы предназначены для широкой аудитории (в том числе и для непрофессионалов);
- информация подается подробно, развернуто;
- обилие профессиональной лексики, базовых знаний авиационной специфики сопровождается ограниченным использованием типичных сокращений, отсутствием аббревиатур (например, авиатехник, подход, руление АК, БП, КВС, ВПП);
- обратная связь таких сообществ перенесена с сайтов в официальные группы в социальных сетях (В контакте, Facebook).

Неофициальные сообщества – это сообщества, материалы в которых публикуются различными пользователями, достоверность информации не гарантируется. Коммуникация в них имеет яркую эмоциональную окрашенность, характеризуются высокой личностной включенностью. Функции «писатель» - «читатель» совмещены, участники выступают в обеих ипостасях.

К данной группе относятся интернет-форумы, блоги, группы в социальных сетях, аккаунты в интернет-приложении Instagram.

Особенности коммуникации

Коммуникация в неофициальных сообществах позволяет участникам интернет-взаимодействия восполнить недостаток информации, узнать различные точки зрения, личностные оценки, отсутствующие в официальных сообществах. Ярко иллюстрирует эту особенность ситуация с получением специальности пилот. Желающих связать свою судьбу с авиацией много, но не каждый из таковых может ответить на вопрос, как это сделать. Если для выпускников школ ситуация понятна и информация для этого представлена в полном объеме, то для тех, кто относится к более старшей возрастной категории, официальной информации практически нет, а ту, что есть, найти не так просто. В данной ситуации неформальные интернет-сообщества берут на себя функцию информирования.

Коммуникация неофициальных сообществ характеризуется использованием более простых языковых форм (по сравнению с официально-деловым стилем официальных сообществ), использованием типичных аббревиатур, подразумевает наличие знаний истории авиации и наиболее значимых (широко известных) событий [5].

Авиация – это вид деятельности, овеянный романтизмом, в котором всегда присутствовала эстетическая составляющая. В современном мире значение визуальной информации стремительно растет. Для людей, воспринимающих большую часть информации с помощью зрения, эстетика имеет огромное значение. Поэтому представление визуальных материалов, в первую очередь фотографий, набирает популярность. Красивые фотографии авиационной техники, неба, закатов и рассветов, фото из кабины пилота, авиационный персонал в форме вызывают неподдельный интерес пользователей Instagram (фотографии набирают тысячи «лайков»). Авторы, ведущие такие аккаунты, имеют широкую аудиторию подписчиков (у некоторых – более 10 тысяч пользователей). Такая визуальная форма коммуникации поддерживает романтизм отрасли и одновременно позволяет увидеть авиацию глазами авиаторов в момент их профессиональной деятельности.

Одной из отличительных особенностей авиационных профессиональных интернет-сообществ является отсутствие как такового разделения сообществ по темам обсуждений. Это обусловлено тем, что работа всех авиационных служб и подразделений тесно взаимосвязана. Изменения одной незамедлительно отзываются в другой. В профессиональных авиационных интернет-сообществах обсуждаются следующие темы:

- авиапромышленность;
- авиационная техника, оборудование и материалы;
- аэропорты: деятельность и инфраструктура;
- безопасность полётов;
- выставки и конференции;
- госрегулирование;
- история авиации;
- новости деловой авиации;
- организация воздушного движения;
- перевозки;
- персонал: подготовка, повышение квалификации и переподготовка;
- творчество на авиационную тематику.

Сообщества по данному критерию отличаются лишь приоритетностью тем, так в официальных сообществах наиболее освещаемой является бизнес-информация, а в неформальных – обсуждение непосредственной деятельности авиационного персонала при выполнении своих функциональных обязанностей.

Участники коммуникации

Что касается участников авиационных профессиональных сообществ, коммуницирующих в интернет-пространстве, то и здесь есть определенные особенности. Контингент даже тех сообществ, которые заявляют свою узкую специализацию, весьма разнообразен и представлен различными авиационными профессиями. В сообществах участвуют как люди, работающие в авиации, то есть те, для кого авиация является сферой профессиональной деятельности («профессионалы»), так и те, чья трудовая деятельность не связана с ней («любители»). Отличительной особенностью является высокая теоретическая подготовка авиационных «любителей», их обширные знания авиации и широкий кругозор. Если «любителей» сложно классифицировать по каким-либо признакам, так как единственная причина их участия в изучаемых сообществах – это интерес к авиации, то «профессионалов» можно разделить, например, по принадлежности к авиационным специальностям (например, пилот, авиадиспетчер, авиатехник).

Самое массовое представительство в профессиональных авиационных сообществах имеют пилоты. Именно они являются авторами наиболее популярных и известных блогов (самый известный – «лётчик Лёха» Алексей Кочемасов), самыми активными участниками коммуникации. Они чаще всего выступают в качестве экспертов (и не только в интернет-пространстве). Объясняется это несколькими факторами. Во-первых, пилот – это центральное связующее звено всей авиационной системы, принимающее решения и несущее основную ответственность. Не зря в общественном сознании пилоты являются титульной авиационной специальностью, а понятия «авиация» и «пилот» представляются тождественными. Во-вторых, пилоты имеют определенные личностные и психоэмоциональные характеристики. Чаще всего это экстраверты – личности ориентированные на окружающих, активные, общительные, проявляющие инициативу, социально адаптированные. Они стремятся к общению с людьми, вниманию со стороны окружающих, участию в публичных выступлениях, участию в многолюдных мероприятиях.

Высокий уровень профессиональной подготовки участников, знание ими особенностей и закономерностей функционирования отрасли в целом и отдельных её частей, в том числе истории авиации напрямую влияет на нормы и ценности общения в профессиональных авиасообществах. Сообщения характеризуются грамотностью, хорошим литературным русским языком, несмотря на то, что лексика насыщена профессиональной терминологией, жаргонизмы встречаются редко. Интерес, любовь и трепетное отношение к технике приветствуются, а профанации вызывают негативную реакцию со стороны других участников и пресекаются.

От других отраслевых сообществ коммуникацию в авиасообществах отличает высокий уровень персонифицированности. Участники не просто не скрывают свои должности, но и часто ссылаются на свой профессиональный опыт – командир воздушного судна, второй пилот, ведущий инженер, диспетчер и т.д. Фразы, подобные «как бывший пилот-инструктор Б-767, хочу отметить, что...», являются нормой общения. Однако стоит отметить, что некоторая анонимность сохраняется – наименование работодателя участники коммуникации стараются не указывать.

Разделение информации на предназначенную для «профессионалов» и для «любителей» имеет условный характер. Это связано, во-первых, с тем, что в авиации не существует «второстепенных» специальностей, а, во-вторых, представляемая информация в той или иной степени затрагивает интересы большей части населения. Эффективность авиатранспортной системы, её безопасность интересуют людей вне зависимости от их профессиональной принадлежности (так интерес к авиации, авиационным изданиям резко возрастает в период высокого спроса на авиаперевозки и после авиационных инцидентов, происшествий).

Активность авиационного сообщества, потребность в общении, в солидарности говорит о наличии определенных проблем в отрасли и о желании решить и преодолеть все трудности.

Коммуникационное воздействие в профессиональных авиационных интернет-сообществах играет конструктивную роль в подготовке и воспитании кадров, решении проблем и преодолении последствий системного кризиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Воробьева Н.А.** *Структура профессиональной коммуникации в сфере образования* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.emissia.org/offline/2009/1314.htm> (дата обращения 23.10.2014).
2. **Каптерев А.И.** *Информатизация социокультурного пространства*. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004.
3. **Козлов А.С.** Малая социальная группа и ее духовная атмосфера (на примере гражданской авиации) // *Научный Вестник МГТУ ГА*. 2014. № 203. С. 101-105.
4. **Колянов А.Ю.** *Коммуникативный подход к проблеме профессиональной деформации*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bj.pu.ru> (дата обращения 09.07.2014).
5. **Минкина В.А.** Информационная культура и способность к рефлексии // *Высшее образование в России*. 1995. № 4. С. 27-36.

INTERNET COMMUNICATION IN PROFESSIONAL AVIATION COMMUNITIES

Melnikova M.A.

Communication aspects and features of co-operation are examined in professional aviation associations in Internet space. Definition of professional association is Given, its descriptions are distinguished. Advantages of network co-operation of the members of a professional association are exposed. The criteria of classification of types of aviation associations are defined in the internet; the specific character of communication of members the of associations is described on subjects, language forms, video row. The conclusion is reasonable that researches of professional internet-communications in the associations of air specialists will allow to promote efficiency of work of all the industry, and also to influence qualitatively on the image of domestic civil aviation in the eyes of the public.

Keywords: communication, internet community, professional community, aviation community.

REFERENCES

1. **Vorob'eva N.A.** *Struktura professional'noj kommunikatsii v sfere obrazovaniya*. URL: <http://www.emissia.org/offline/2009/1314.htm> (accessed 23.10.2014). (In Russian).
2. **Kapterev A.I.** *Informatizatsiya sotsiokul'turnogo prostranstva*. M.: FAIR-PRESS. 2004. 312 p. (In Russian).
3. **Kozlov A.S.** Malaja social'naja grupa i ee duhovnaja atmosfera (na primere grazhdanskoj aviacii). *Nauchnyj Vestnik MGTU GA*. 2014. № 203. Pp. 101-105. (In Russian).
4. **Kolyanov A.Yu.** *Kommunikativnyj podkhod k probleme professional'noj deformatsii*. URL: <http://www.bj.pu.ru> (accessed 09.07.2014). (In Russian).
5. **Minkina V.A.** Informacionnaja kul'tura i sposobnost' k refleksii. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 1995. № 4. Pp. 27-36. (In Russian).

Сведения об авторе

Мельникова Марина Александровна, окончила МГТУ ГА (2012), аспирантка МГТУ ГА, автор 3 научных работ, область научных интересов – PR-технологии, социальные коммуникации, социология управления.

УДК 338.242; 378.1

ОБРАЗОВАНИЕ В ЭПОХУ «ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ»

Н.А. СУВОРОВ

Определены особенности современной экономики как «экономики знаний». Рассмотрены изменения, происходящие в образовании в условиях усиления роли знаний в экономической жизни общества. Охарактеризованы задачи современных университетов в производстве знаний, показана связь государства, университетов и бизнеса. Обоснованы основные направления развития современного образования в условиях появления новых образовательных технологий и давления рыночных сил. Систематизированы предложения ректоров вузов о возрождении инженерного образования в РФ.

Ключевые слова: образование, процесс обучения, высшая школа, университеты, инновации, наука, технологии, «экономика знаний», образование и рынок труда.

Эволюция современного общества вызывает радикальные изменения. В первую очередь они обнаруживаются в социально-экономической структуре и сфере ценностных ориентиров. Отметим, что мы вступили в эпоху господства знаний. Сегодня знания не только создаются, но и эффективно используются. Знания воздействуют на все сферы жизни общества и экономической деятельности, их уже сложно отделить от товара или услуги. Примерно с середины 60-х гг. XX в. на современной научной и технологической основе стал складываться единый научно-производственный комплекс, основа которого – синтез, взаимопроникновение науки, технологий и производства. В системе создания общественного богатства (сфера экономики) главная ставка делается на создание и распространение знаний, исследования и инновации, в основе которых образование, а не на переработку сырья. Уже давно говорят о формировании «экономики знаний». Под этим понимают новую организацию народного хозяйства, в котором значительное место по сравнению с предшествующим периодом занимает наука, внедренческая деятельность, а главное – восприимчивость к инновациям.

Одновременно возникает принципиально новая система, в которой ключевыми становятся исследовательские университеты (образование становится неразрывно связанным с наукой, причем, речь идет как о фундаментальной, так и о прикладной науке), национальные лаборатории, подразделения фирм, связанные с увеличением общей массы накопленных знаний, т.е. с исследованиями и разработками, с распространением знаний и поиском путей их использования в общественной практике. И все это покоится на фундаментальной науке, которая выступает с 80-х гг. XX в. непосредственной производительной силой. Кроме этого в современном обществе увеличивается доля лиц (особого отряда рабочей силы), связанных с интеллектуальным трудом (до 40% общей рабочей силы, и далее этот показатель будет только возрастать).

В традиционной экономике главные факторы производства – это земля, капитал и труд. При этом для повышения эффективности бизнес стремился минимизировать затраты на приобретение производственной рабочей силы. Но в *экономике, основанной на знаниях*, ситуация резко меняется. Доля труда, связанная собственно с производством конечного продукта (продукт для непосредственного потребления) существенно сократилась. Но в стоимости конечного продукта сегодня значительно больший вклад вносит труд на стадиях разработки, создания образца, его рыночных испытаний и выведения на рынок, а также на последующих стадиях доведения продукта до потребителя, его обслуживания в течение жизненного цикла и утилизации. На этих стадиях используется интеллектуально сложный (информационный) труд, предполагающий самый современный (т.е. высочайший) уровень знаний и интенсивность их использования. Более того, в ходе создания продукта организации продолжают накапливать

знания, т.е. самообучаться при этом, создавая свою производственную (организационную) культуру и эти знания, в том числе неявные являются уже их капиталом.

Любой стране жизненно необходимы новые технологии, инновации, от которых зависит процветание в условиях «экономики знаний». А эти технологии и инновации смогут найти свой путь в экономику только за счёт усилий квалифицированной рабочей силы. Таким образом, решающую роль приобретает высококвалифицированная рабочая сила, способная к самообучению и непрерывному производству знаний, современному обществу и новой экономике требуются не столько дисциплинированные исполнители, сколько «творцы» – создатели новых знаний. Подготовка такой рабочей силы – это главная задача для современной системы образования. Это, если хотите, новый вызов для системы образования. Инвестиции в развитие людских ресурсов становятся критическим фактором развития.

На начало XXI в. ядром американской системы высшего образования (из 3,5 тыс. различных учебных заведений – колледжей и университетов) являются 250 исследовательских университетов. Исследования всегда находились в числе основных университетских приоритетов, но после 1945 г. произошло перенесение главного акцента именно на них, и сформировались как отдельный вид исследовательские университеты. После второй мировой войны в США был создан эффективный механизм производства знаний и их последующего расширенного воспроизводства. В его основе тесное взаимодействие в связке «правительство – университеты – бизнес», в которой каждому элементу отведена своя роль. Государство, признавая роль и значение этих функций для общества, взяло на себя обязательство поддерживать их статус и финансировать выполнение обеих функций – образования и науки, а бизнес предоставил арену для практической проверки результатов исследований. Такое распределение функций взаимно признано всеми участниками научно-технического процесса. Оно особенно плодотворно для сферы науки, так как позволяет использовать потенциал молодых исследователей. Университеты с развёрнутой программой исследований, тесно связанной с учебным процессом, получили название «исследовательских» и стали объектом подражания во всех промышленно развитых странах. Между высшей школой и обществом сформировались отношения «социального контракта», по которому университеты должны были неукоснительно следовать целевым установкам, традиционно характерным для них: готовить квалифицированные кадры, искать истину и служить обществу. При этом обучение остаётся основной функцией, которая определяет роль и место исследовательского университета в системе. Именно с этой функцией связано предоставление различных льгот, включая статус неприбыльности и освобождения от налогов.

Наука в паре «образование – научные исследования» долгое время оставалась подчиненным компонентом. Это означало, что в университетах могли осуществляться только такие исследования, результаты которых могли бы быть использованы в учебном процессе. Открытость всех исследований позволяла университетам активно привлекать к работе студентов, за счёт чего повышалось качество подготовки кадров науки и, следовательно, ускорялись процессы передачи научных результатов в практику, что давало существенные конкурентные преимущества национальному бизнесу.

Человек до сих пор остаётся единственным производителем знаний и самым эффективным каналом их распространения. Признавая это, общество, выделяя организации высшей школы (и исследовательские университеты в особенности), наделило их статусом «общественных» корпораций, т.е. обеспечивающих достижение общественно необходимых целей, таких как формирование и расширенное воспроизводство главного актива, производящего знания – образованного человека.

Однако деятельность университетов в условиях рынка приводит к определённым ограничениям в образовательной и научной сферах. Так университеты не могут своей деятельностью способствовать формированию рыночных преимуществ для какой-либо коммерческой структуры: получаемые ими результаты должны быть доступны всему обществу.

Но что же общество ожидает от современного образования? И что несет образование сегодня как социальный институт? Для большинства людей, для которых образование является ценностью (мотив получить образование, т.е. "стать культурным, высокообразованным человеком" наблюдается у значительной части молодежи), образование еще выступает в качестве средства минимизации "средового" риска, особенно в условиях высокого уровня неопределенности, нестабильности. Отсюда и спрос на всякого рода формы повышения квалификации, приобретение дополнительной специализации, что социологи называют социальной мимикрией, выступающей формой социальной рационализации. Образование в этом случае выступает и как страхующее средство от возможных неудач в жизни.

При этом в реальности же мы можем наблюдать и другой процесс – размывание традиционных ценностей. Но учтем, что такой процесс шел всегда. Может его раньше просто пристально не отслеживали? Сегодня сформировался мир виртуальности с его логотипами, брендами, клиповым сознанием и т.д. Мир переживает очередную культурную революцию. Виртуальный мир, созданный на основе глобальной сети, имеет своим преимуществом доступность для огромного количества людей, и он продолжается в реальном мире путем мутаций культурных форм. Этот процесс, предполагают, близок к завершению. Роль образования в этом процессе – формирование новой догматики, схоластики? В процессе обучения идет процесс редукции, т.е. обучение сводится к все более дискретным и простым формам, увеличивая при этом инструментальную оперативность мыслительных средств.

Если знания по-прежнему будут редуцироваться до информации, различного рода сообщений, и при этом будет происходить снижение роли рефлексии как инструмента получения новых знаний, и будет, напротив, возрастать значение зубрежки, то образование будет вынуждено воспроизводить дискретность (разорванность) целостного мира человечества, все больше приобретая формы, распространенные в шоу-бизнесе.

В современном мире важнейшим видом взаимодействия является конкуренция за ресурсы и рынки, и это вынуждает большинство стран стремиться к постоянному повышению своей конкурентоспособности, что невозможно без эффективной современной системы образования. Сегодня к ресурсам и рынкам добавились сферы науки, технологий и собственно образования, которые уверенно выходят на ведущие роли, а образованию придается первостепенное значение. Понимание того, что жизнеспособность национальной экономики сегодня в значительной мере зависит от качества и масштабов использования ею науки и техники, привело к сопоставлению технических потенциалов (в основе которых находится **образование**) государств и соответственно к проблеме технического и технологического отрыва. Этот отрыв *имеет такое же значение, какое сто лет назад имело сопоставление численности армий*. Возник даже термин «информационный колониализм», связанный с конкуренцией между транснациональными корпорациями (ТНК) за национальные информационные ресурсы (а это в первую очередь люди с высоким уровнем образования и умеющие творчески применять полученные знания). Мы идем в другие страны – объясняет один из руководителей американской ТНК «Цанциннати милокрон» (производство станков, промышленных роботов – 40% американского рынка), не для того, чтобы воспользоваться преимуществом более низких издержек. Мы внедряемся туда потому, что там есть интеллектуальные резервы, и мы должны перехватить их, чтобы иметь возможность конкурировать с другими ТНК. Чтобы убедиться в справедливости этого утверждения, достаточно посмотреть, как разрослось отделение фирмы «Boing» в Москве (использующее труд российских инженеров), первоначально состоявшее из двух комнат и ставшее крупнейшим за пределами США.

Еще одно мощное воздействие на образование оказывает глобализация. Но насколько оправдано связывать (увязывать) образование, которое является продуктом исконно национальной культуры, и процессы глобализации? И что подразумевать под «глобализацией образования»? Признаем, правда, что сам термин «глобализация» еще не является устоявшимся и повсеместно однозначно признанным.

Для постоянного повышения конкурентоспособности любой стране необходима эффективная современная система образования. Учтем, что и сами вузы конкурируют за студентов (особенно талантливых) по всему миру. Вот где встречаются глобализация и образование. Там, где будет учиться, а затем работать талантливая молодежь, там будут и лучшие условия для развития территории (региона), а экономика в целом получит дополнительные импульсы для развития [3, с. 21]. В связи с этим можно говорить и об **«образовательной разновидности колониализма»**.

Возрастают и становятся схожими (правда по отдельным параметрам!) и требования к национальному образованию. Несмотря на экономические, культурные, политические различия между странами, представления об образовании чиновников различных стран становятся все более схожими. Появляются требования введения международных стандартов в образовании. Это стремление отчетливо проявляется в первую очередь у высших чиновников образования. Оправдывается эта тенденция утверждением, что образование не «священная корова», что оно должно обслуживать интересы экономики, общества и отдельных людей! Во всех странах единодушно наблюдается стремление повысить качество обучения и подготовки специалистов.

Развитие образования в современном мире характеризуется и такими тенденциями, как демократизация, социальная справедливость и повышение качества образования. Во-первых, это достижение социальной справедливости. Говоря о демократизации и социальной справедливости, делают упор на доступность образования. Суть в том, чтобы каждый человек, независимо от его гражданства, места проживания, национальности, принадлежности к определенной социальной страте, финансовых обстоятельств, способностей, здоровья, пола и возраста, имел возможность получить образование. И это справедливо. Сегодня около восьмисот миллионов людей в мире вообще безграмотны и более ста миллионов детей не имеют возможности ходить в школу. К 2015 г. планировалось обеспечить всем детям возможность учиться в школе.

Во-вторых, это повышение требований к качеству образования. Прежде всего, имеется в виду ориентация на инновационную экономику, на развитие человека, на запросы рынка труда. Эта озабоченность проявляется, прежде всего, у развитых государств – они стремятся обеспечить своим гражданам доступ к более качественному образованию.

В центре внимания в современном мире в вузовском образовании (как и в школьном) научно-техническая направленность: математика, естественные науки, инженерные и технологические дисциплины. Впервые в новейшей истории такой подход проявился в США. Стоимость двух программ в США (*Academic Competitiveness Grants, National Science and Mathematics Access to Retain Talent Grants*), предоставляющих гранты способным молодым людям из неимущих семей на повышение естественно-научной квалификации, составила 790 млн. долл. за 2006-2007 гг. А одна из причин пристального внимания в США к преподаванию математики и естественно-научных дисциплин – стремительный рывок в экономическом развитии Китая и Индии. Сегодня установка на то, что качественное преподавание этих предметов важно для существования инновационного общества, разделяется большинством стран мира.

С чем сегодня столкнулось или в каких условиях приходится развиваться высшему образованию?

1. Финансовый кризис: вузы большинства развитых стран мира во все большей степени из учебно-научных и культурных центров, финансируемых государством, становятся своеобразными предприятиями – экономическими субъектами рыночной экономики со всеми свойственными предприятию атрибутами:

- делается реклама вузов для набора учащихся на разные формы и сроки обучения;
- производится оценка эффективности и экономической целесообразности структурных подразделений;

- при университетах растет количество разных экономически выгодных дополнительных форм образования, не говоря уже о том, что научные исследования в вузах в среднем по Европе на 60-70%, а в США на 80% носят прикладной характер, финансируются фирмами или частными фондами;

- в Европе ширится число статей и исследований себестоимости подготовки специалистов на разных формах обучения и даже себестоимости введения того или иного курса, той или иной дисциплины в учебном плане.

2. Увеличение продолжительности времени общего образования становится общемировой тенденцией, в ходе которой ещё один отрезок образовательного процесса становится неспециализированным. Парадоксально, что по мере увеличения специализации рынка труда образование становится все более общим – так сначала появляется универсальная неспециализированная начальная школа, потом средняя и т.д. Теперь настало время стать неспециализированным первому этапу высшей школы.

3. Проявилась необходимость непрерывного образования (на протяжении всей жизни). Общепринятой в мире является установка на обучение взрослых. Важным требованием к процессу образования является его деление на различные периоды, связанные с трудовой жизнью индивида. «Интегрированное» образование, в котором периоды обучения в стенах учебного заведения, закладывающие основы знаний, чередуются с приобретением трудовых навыков, способностей и практических умений на рабочих местах на предприятиях партнерах, стало важным элементом обучения (III- ступени обучения) во многих странах ОЭСР.

4. Высшее образование становится более индивидуализируемым.

5. Возрастает значимость методологических знаний и аналитических навыков.

Пришло понимание того, что если хотите иметь дело с инновациями, нужно не только уметь производить машины, но и совмещать технологию, дизайн и бизнес-навыки.

В этих условиях традиционные университеты сохраняют свою ведущую роль как в промышленно развитых странах, так и в развивающихся странах, особенно в сфере профессиональной подготовки и научных исследований на более высоком уровне, но им, безусловно, придется подвергнуться существенным преобразованиям. Этого потребует появление (внедрение) новых образовательных технологий и давление рыночных сил. Существует необходимость непрерывного образования, которое меняет рамки традиционного, и информационно-коммуникационные технологии, которые стирают пространственные барьеры [1, с. 41]. Также назрела необходимость расширения системы высшего образования. Гегемонии классических вузов брошен решительный вызов, и институциональная дифференциация будет непременно ускоряться, приводя к появлению множества разнообразных организационных конфигураций и моделей, включая бесчисленное число альянсов, объединений и партнерств внутри высших учебных заведений, между ними и даже за пределами высшего образования [1, с. 46]. За рубежом появляются высшие школы вообще неуниверситетского типа: профессиональные училища включаются в систему высшего образования. Как правило, в таких высших школах распространена практика дуального образования (обучение одновременно ведется в аудиториях и на производстве), что пока трудно находит дорогу в России. Постоянно возникают проблемы качества и соответствия современным требованиям. Отдельная проблема – противодействие переменам со стороны структур управления и жесткость практики управления.

Однако перемены в образовании грядут, и их проработка уже идет. Вот предложения ректоров вузов о возрождении инженерного образования в РФ, которые можно сгруппировать следующим образом:

а) давайте возрождать, продвигая крупные проекты (как во времена СССР);

б) давайте идти по пути наращивания человеческого капитала. Согласно второй версии будущее инженерного образования лежит в области генной инженерии, биоинформатики, биоинженерии и т.д. Поэтому наращивание контингента возможно через сетевое

взаимодействие высших школ (осуществление мобильности между ними – это когда студенты свободно перемещаются из одного вуза в другой) и распространение лучших курсов, выложенных в Интернет. Ректор МГУ им. М.В. Ломоносова В. Садовничий на заседании, посвященном строительству будущей системы высшего технического образования в стране, предлагает пересмотреть структуру обучения в высшей школе. Он предлагает время на общие предметы сократить, а на специальные – увеличить, т.е. предполагает более ранний ввод студента в профессию. Предложенная модель повторяет немецкую систему, где базовый курс рассчитан на четыре семестра (два года). Заканчивается обучение на нем промежуточным или преддипломным экзаменом, правда, без вручения диплома. И уже затем начинается основной курс, заканчивающийся получением диплома, академической степени или сдачей госэкзамена. Поскольку нет образцов, то выстроить четкую структуру университетов в нынешних условиях трудно. Например, в Германии деление на классические и технические университеты сегодня можно назвать условным. В технических университетах открываются кафедры гуманитарных наук. Растет число кафедр экономики и менеджмента. В общем там происходит то, что было и идет у нас (правда причины этого у нас другие). Только за рубежом стараются поднять качество преподавания на новых специальностях, усиливая кафедры через взаимодействие вузов. Наблюдается стремление к максимальному взаимодействию вузов. Границы между вузами максимально прозрачны, они ведут множество совместных программ, многие профессора работают в нескольких вузах. Это еще одна тенденция в образовании.

Член комитета Государственной Думы по науке и наукоемким технологиям А. Дегтярев считает, что в развитии прикладной инженерии в России на сегодняшний день выпускники российских инженерных вузов не в полной мере реализуют свой потенциал. На взгляд автора дело здесь не в развитии прикладной инженерии, а в развитии предпринимательства! При этом подготовка специалистов в области техники и технологий в России осуществляется более чем в 550 вузах. А дефицит инженеров составляет 25%. Только 35% инженеров идут работать по специальности, а между тем 20% россиян по-прежнему считают самыми престижными профессии юриста, экономиста, менеджера.

Агентство стратегических инициатив (АСИ), один из основных сегодня поставщиков идей в области образования и социальной политики, дало свой план реконструкции инженерного образования, взяв за основу передовой стандарт инженерного образования, разработанный в Массачусетском технологическом университете. Заключается план в том, чтобы сформировать в каждом городе стартап сообщества: соединить авторов и заказчиков инновационных решений, предпринимателей, инвесторов, представителей технопарков, научных институтов и вузов региона. Конечной целью станет появление во всей России новых быстрорастущих и технологичных бизнесов и проектов, а также команд, способных на их создание. А насколько именно нам подойдет опыт Массачусетского технологического университета? Готовы ли наши люди активно заниматься предпринимательством?

В заключение зададимся вопросом: национален ли процесс образования? Можно ли создать эффективную национальную систему образования, копируя образовательные структуры, формы и способы образовательных действий других государств?

На взгляд автора наиболее востребована в современных российских условиях концепция «человеческого капитала», но не в смысле Г. Беккера, а в направлении создания условий для развития человека, стимулирования его творческих способностей, в предоставлении ему большей свободы для творчества, в том числе предпринимательства и даже именно в первую очередь предпринимательства (понимаемого по Й. Шумпетеру). Главное высвободить энергию человека.

В современном же мире образование является важным компонентом для формирования человека общества знаний, а такой человек – важнейший фактор экономического роста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы.* М.: Весь мир, 2003. 168 с.
2. **Барбер М., Доннелли К., Ризви С.** Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция // *Вопросы образования.* 2013. №4. С. 152-229.
3. **Иванов Н.** Человеческий капитал и глобализация // *Мировая экономика и международные отношения.* 2004. №9. С.19-31.
4. **Осипов А.** Десять реформ президента Aalto // *Ведомости.* 27.01.2014.
5. **Савицкая Н.** Ректоры ищут модель будущего инженерного образования России // *Независимая газета.* 14.10.2014.

EDUCATION DURING THE ERA OF «ECONOMY OF KNOWLEDGE»

Suvorov N.A.

Features of modern economy as "economy of knowledge" are defined. The changes happening in education in the conditions of strengthening of a role of knowledge in economic life of society are considered. Tasks of modern universities in production of knowledge are characterized, connection of the state, universities and business is shown. The main directions of development of modern education in the conditions of emergence of new educational technologies and pressure of market forces are proved. Proposals of rectors of higher education institutions about revival of engineering education in the Russian Federation are systematized.

Keywords: education, learning, the higher school, universities, innovations, science, technologies, «economy of knowledge», education and labor market.

REFERENCES

1. *Formirovanie obshhestva, osnovannogo na znaniyakh. Noveye zadachi vysshej shkoly.* M.: Ves' mir. 2003. 168 p. (In Russian).
2. **Barber M., Donnelli K., Rizvi S.** Nakanune shoda laviny. Vysshee obrazovanie i grjadushhaja revoljucija. *Voprosy obrazovaniya.* 2013. № 4. Pp. 152-229. (In Russian).
3. **Ivanov N.** Chelovecheskij kapital i globalizacija. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya.* 2004. № 9. Pp.19-31. (In Russian).
4. **Osipov A.** Desjat' reform prezidenta Aalto. *Vedomosti.* 27.01.2014. (In Russian).
5. **Savitskaya N.** Rektory ishhut model' budushhego inzhenerного obrazovaniya Rossii. *Nezavisimaya gazeta.* 14.10.2014. (In Russian).

Сведения об авторе

Суворов Николай Александрович, 1953 г.р., окончил ТГУ (1976), ВА им. Ф.Э. Дзержинского (1993), Экономическую академию Минэкономики РФ (1994), доцент кафедры гуманитарных и социально-политических наук МГТУ ГА, автор 34 научных работ, область научных интересов – социология управления и образования, экономика государственного сектора, налоговые системы и налоговая политика.

УДК 159.923.33

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗА

А.В. АГАФОНОВ

В статье раскрыто значение дисциплины «Конфликтология» для подготовки выпускников вуза, повышения их конфликтологической компетентности. Дается анализ лекционных и практических занятий, в процессе которых формируются определенные знания, умения и навыки. Рассматриваются четыре этапа исследования индивидуально-конфликтологической характеристики личности: личностный, внутриличностный, межличностный и внутригрупповой. Предложена система тестов для определения личностных характеристик на каждом этапе и показана их роль в конструировании индивидуально-конфликтологической характеристики личности. Обоснован вывод о влиянии этой характеристики на выбор правильного стиля поведения в различных типах конфликтов.

Ключевые слова: конфликт, конфликтологическая компетентность, личность, этапы формирования личности, психологические тесты.

Студенты старших курсов ряда специальностей и направлений в Московском государственном техническом университете гражданской авиации с 2002 г. изучают гуманитарную дисциплину - «Конфликтологию». С 2007 г. по 2014 г. 34 студента пятого курса специальности «Связи с общественностью» (СО) защитили дипломные работы на «хорошо» и «отлично» (94%) и получили положительные отзывы на разработанные практические рекомендации для руководителей и сотрудников организаций по совершенствованию компетентного управления конфликтами, включающих их систематику, прогнозирование, профилактику, регулирование, разрешение и др. В этой статье остановлюсь на особенностях формирования конфликтологической компетентности у студентов СО-5, СО-3б, ОПВТ-3б, ПМ-4б дневного обучения, а также студентами ОПВТ-2 заочного обучения.

Конфликтология – наука о закономерностях возникновения, развития, завершения конфликтов, а также принципах, способах и приемах их конструктивного регулирования. «Изучение сознательного, разумного и сложного конфликтного поведения, основная задача которого – успех, похоже на поиск правил «правильного» поведения в смысле достижения выигрыша в соперничестве» [8, с. 15]. Объектом конфликтологии являются конфликты, а предметом – противоречия. Известно, что конфликты являются неотъемлемым спутником нашей жизни. Конфликт традиционно понимается как столкновение интересов, целей, потребностей в процессе социального взаимодействия сторон. По мнению специалистов, до 15-20% рабочего времени уходит на выяснение отношений, примирение сторон в конфликте. В первый день конфликта производительность труда снижается вдвое, во второй – более чем на треть, на четвертый – она ниже на 15%. Полностью избежать конфликтов в коллективе практически невозможно, даже если бы на предприятии работали исключительно идеальные люди. Особенно опасны затяжные, длящиеся месяцами, а иногда и годами, конфликты. Вместе с тем, согласно исследованиям конфликтологов, «взаимодействие равноправных конфликтующих субъектов обеспечивает гибкость общественной организации и её высокую адаптационную способность по отношению к воздействиям внешней среды. В этом плане конфликтное взаимодействие нередко предпочтительнее, чем другие формы контактов социальных субъектов, включая кооперацию, поскольку последняя может нести в себе опасность «институционального склероза» и, как следствие, препятствовать назревшим общественным изменениям» [5, с. 482]. Коллектив с такой хронической болезнью обречен на отставание. Это результат недостаточной конфликтологической компетентности, как со стороны руководителей, так и со стороны сотрудников организаций, использование не всех составляющих компетентного управления конфликтами.

Конфликтологическая компетенция – это способность действующего лица (организации, социальной группы, общественного движения и т.д.) в реальном конфликте осуществлять деятельность, направленную на минимизацию деструктивных форм конфликта. Она представляет собой: уровень развития осведомленности о диапазоне возможных стратегий конфликтующих сторон; умение оказать содействие в реализации конструктивного взаимодействия в конкретной конфликтной ситуации. С точки зрения Л.Н. Цой, формирование конфликтологической компетенции должно основываться на базе теоретических знаний в области конфликтологии (политологической, юридической, психологической и т.д.); социальных технологий профилактики, управления, минимизации деструктивных форм конфликта и перевода социально-негативных конфликтов в социально-позитивное русло; мысле-техник, формирующих типы мышления, соответствующие рефлексивности, методологичности, сплоченности, объемности, креативности; технологий психогигиены и стрессоустойчивости в конфликтах [7].

Изучение дисциплины дает возможность студентам узнать основные этапы развития конфликта; овладеть важнейшими понятиями и терминами конфликтологии; изучить специфику возникновения и развития конфликтов; ознакомиться с возможностями применения на практике теоретических знаний по их урегулированию и разрешению. Проходя практику в организациях, студенты анализируют конфликтологическую ситуацию, находят причины возникновения конфликтов: внутриличностных, межличностных, межгрупповых, производственных, трудовых, инновационных и других, подчеркивают недостаточность конфликтологической компетентности у персонала и необходимость ее повышения, разрабатывают методические рекомендации.

Повышение конфликтологической компетентности студентами СО-5, СО-3б, ОПБ-3б дневного обучения и ОПБ-2 заочного обучения проходило в ходе лекций по предмету и закреплялось на практических занятиях, включающих выполнение тестов четырех этапов исследования индивидуально-конфликтологической характеристики личности (табл. 1). Первый этап – оценка личности, второй – тесты на внутриличностные конфликты, третий и четвертый – тесты на межличностные и групповые конфликты соответственно.

В ходе *первого этапа* студенты повторно выполняют тесты на психические свойства: интровертность и экстравертность личности; какой тип темперамента преобладает (сангвинический, холерический, флегматический, холерический), имеются ли у личности акцентуированные черты характера. Тесты первого этапа выполнялись и ранее на младших курсах (первом и втором) при изучении дисциплины «Психология». В ходе повторения этих тестов на старших курсах (третьем, четвертом и пятом) при изучении дисциплины «Конфликтология» студенты на своем опыте убеждались, что у 80% студентов учебной группы психические свойства в точности повторялись при условии правдивых ответов на поставленные вопросы.

Результаты этих тестов (направленности личности, темперамента - тест Айзенка, акцентуированные черты характера - тест Леонгарда) давали ответы каждому студенту на вопросы: к какому стилю управленческой деятельности он более склонен (авторитарному, демократичному или оптимальному, какова конфликтность личности и каково отношение к осуществляемому контролю результатов их деятельности. Студенты еще раз убеждались, что если психические процессы (внимание, память, мышление и др.) тренируемы, то направленность личности и темперамент остаются постоянными, а характер может несколько изменяться.

В ходе лекционных занятий *второго этапа* студенты изучают виды внутриличностных конфликтов, причины и их последствия, способы и формы их предупреждения и разрешения. На практических занятиях студенты определяли, в каких видах профессиональной деятельности («человек-человек», «человек-техника», «человек-природа», «человек-знаковая система», «человек-художественный образ») они чаще конфликтуют сами с собой, а в каких – чувствуют себя комфортно (тест № 4).

В ходе диагностики профессиональной деятельности (тест № 5) внутренняя мотивация (когда для личности имеет значение деятельность сама по себе) у большинства студентов превы-

шала как внешнюю положительную мотивацию (денежный заработок, стремление к продвижению по работе, потребность в достижении социального престижа и уважения со стороны других), так и внешнюю отрицательную мотивацию (стремление избегать критики и наказания). Такое сочетание результата – наилучший показатель мотивационного комплекса личности. Возникает вопрос – в чем причина наличия внутриличностного конфликта и как его разрешить. Ответ: причина – отсутствие работы как таковой, а разрешение – как можно быстрее ее найти. Результат транзактного анализа общения (тест № 6) показывает студенту, какое состояние из трех («родителя», «взрослого» и «ребенка») превышает и какое из них более конфликтно. В позиции «ребенок», в отличие от двух других позиций («родителя» и «взрослого»), студента характеризует склонность к научной работе, стремление доказать свою правоту, что приводит сначала к спору, а в дальнейшем и к конфликту. Результат теста № 7 говорит о личности тактичной или конфликтной, или как любителя поскандалить. Чаще этот результат соответствует результатам первого этапа по направленности и темпераменту личности.

Таблица 1

Тесты индивидуально-конфликтологической характеристики личности

№№ этапа	Название этапа	Выполняемые тесты
1	Личностный	Направленность личности. Темперамент. Характер
2	Внутриличностный	Диагностика профнаправленности личности. Мотивация профдеятельности. Транзактный анализ общения. Конфликтны ли вы?
3	Межличностный	Оценка самоконтроля в общении. Ваш стиль общения. Умеете ли вы слушать? Взаимоотношения с собеседником. Способы реагирования в конфликте
4	Межгрупповой	Восприятие индивидом группы. Как вы проводите переговоры

В ходе *третьего* и *четвертого* этапов, соответственно межличностного и межгруппового конфликтов, студенты оценивали свои возможности по самоконтролю и стилю общения, умению слушать и взаимодействовать с собеседниками, определяли стили, тактики и стратегии поведения в конфликте.

По окончании изучения дисциплины студентам предлагалась таблица с вопросами конфликтологического содержания, в которой надо было отметить те вопросы, знание которых они считают наиболее значимыми для себя, а также по желанию дописать дополнительно интересные их новые вопросы (табл. 2).

По результатам проведенного опроса студенты оказались заинтересованы в вопросах блоков 1, 3, 4, 5, 7 и 9 соответственно в: понимании природы противоречий; умении оценивать и объяснять возникающие проблемные ситуации; обладании навыками неконфликтного общения в трудных ситуациях; наличии навыков управления конфликтными явлениями; умении предвидеть возможные последствия конфликтов; наличии навыков устранения негативных последствий конфликтов. Менее заинтересованы в вопросах блоков 2, 6, 8 соответственно в: формировании конструктивного отношения к конфликтам в организации; умении развивать конструктивные начала возникающих конфликтов; умении конструктивно регулировать противоречия конфликтов.

Анализ тем ВКР, выполненных студентами в период с 2007 по 2014 гг., показывает, что наибольшее количество дипломных работ написано студентами на темы, которые посвящены анализу этапов компетентного управления в организации для предупреждения и разрешения конфликтов разных видов (внутриличностных, межличностных и организационных). Менее востребованы темы, которые связаны с такими составляющими компетентного управления как

симптоматика, диагностика, прогнозирование, профилактика, ослабление и урегулирование конфликтов в организации.

Таблица 2

Состав конфликтологической компетентности

№№ п/п	Конфликтологическая компетентность включает	Отметка
1	Понимание природы противоречий и конфликтов между людьми	
2	Формирование конструктивного отношения к конфликтам в организации	
3	Умение оценивать и объяснять возникающие проблемные ситуации	
4	Обладание навыками неконфликтного общения в трудных ситуациях	
5	Наличие навыков управления конфликтными явлениями	
6	Умение развивать конструктивные начала возникающих конфликтов	
7	Умение предвидеть возможные последствия конфликтов	
8	Умение конструктивно регулировать противоречия конфликтов	
9	Наличие навыков устранения негативных последствий конфликтов	

В разговоре со студентами старших курсов и выпускниками кафедры узнаешь о том, как помогает в их профессиональной деятельности конфликтологическая компетентность. Она дает возможность правильно понимать существо самого конфликта, стили поведения; оценивать эффективность усилий, направленных на разрешение конфликтов; создавать здоровый психологический климат в организации, вовремя замечать назревающий конфликт, быстро изучить его суть и принять необходимые меры по их предупреждению. Конфликтологическая компетентность любого специалиста – одна из составляющих его успешной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анцупов А.Я., Баклановский С.В. *Конфликтология в схемах и комментариях*. СПб.: Питер, 2005. 288 с.
2. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. *Конфликтология*. СПб.: Питер, 2007. 496 с.
3. Агафонов А.В. *Конфликтология: тексты лекций*: в 2-х ч. М.: МГТУ ГА, 2008.
4. Панферов К.Н. Конструктивная сущность модернизации образования: реальное и должное // *Научный Вестник МГТУ ГА*. 2012. № 182. С. 94-98.
5. *Социологическая энциклопедия*: в 2-х т. М.: Мысль, 2003. Т. 1. 694 с.
6. Тощенко Ж.Т. *Парадоксальный человек*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 543 с.
7. Цой Л.Н. *Концептуализация диагностики и профилактики конфликтов*. [Электронный ресурс]. URL: www.conflictmanagement.ru (дата обращения 12.09.2014).
8. Шеллинг Т. *Стратегия конфликта*. М.: ИРИСЭН, 2007. 366 с.

CONFLICTOLOGICAL COMPETENCE OF GRADUATES OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION

Agafonov A.V.

The article deals with value of discipline "Conflictology" for training university graduates, an increase of their conflictological competence. The analysis of a lecture and practical training in the course of which a certain knowledge, skills are formed is given. Four investigation phases individual conflictological characteristics of the personality are considered: personal, intra personal, interpersonal and intra group. The system of tests for definition of personal characteristics at each stage is offered and their role in designing individual conflictological characteristics of the personality is shown. A valid

conclusion about influence of this characteristic on a choice of the correct style of behavior in various types of the conflicts is given.

Keywords: conflict, conflictological competence, personality, stages of personality formation, psychological tests.

REFERENCES

1. **Antsupov A.Ya., Baklanovskiy S.V.** *Konfliktologiya v shemah i kommentariyah*. SPb.: Piter. 2005. 288 p. (In Russian).
2. **Antsupov A.Ya., Shipilov A.I.** *Konfliktologiya*. SPb.: Piter. 2007. 496 p. (In Russian).
3. **Agafonov A.V.** *Konfliktologiya: Teksty lektsiy*. M.: MSTU CA. 2008. (In Russian).
4. **Panferov K.N.** Konstruktivnaja sushhnost' modernizacii obrazovaniya: real'noe i dolzhnoe. *Nauchnyj Vestnik MGTU GA*. 2012. № 182. Pp. 94-98. (In Russian).
5. *Sotsiologicheskaya entsiklopediya*. M. 2003. Vol. 1. 694 p. (In Russian).
6. **Toschenko Zh.T.** *Paradoksal'nyj chelovek*. M.: YuNITI-DANA. 2012. 543 p. (In Russian).
7. **Tsoy L.N.** *Kontseptualizatsiya diagnostiki i profilaktiki konfliktov*. URL: [http:// www.conflictmanagement.ru](http://www.conflictmanagement.ru) (accessed 12.09.2014). (In Russian).
8. **Shelling T.** *Strategiya konflikta*. M.: IRISEN. 2007. 366 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Агафонов Альберт Васильевич, 1939 г.р., окончил Военную инженерную радиотехническую академию ВПВО (1971), доцент, кандидат педагогических наук, профессор кафедры связей с общественностью МГТУ ГА, автор более 80 научных работ, область научных интересов – компьютеризация обучения, теория и методика систем интенсивного информатизированного обучения, психология, педагогика, конфликтология, транспортная психология.

УДК 796.015

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ТРЕНИРОВОЧНЫХ СРЕДСТВ СИЛОВОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ГОДИЧНОМ ЦИКЛЕ ПОДГОТОВКИ СПОРТСМЕНОВ

А.Д. ЖУРБИНА, М.П. ПЕРМИНОВ, И.В. ЯКОВЛЕВ

В статье рассматривается вопрос об эффективности двух вариантов распределения тренировочных средств силовой направленности в структуре подготовки спортсменов. Основное отличие в подготовке обеих групп заключалось в круглогодичном или поэтапном распределении средств силовой направленности и неоднородности использованных упражнений для развития спортсменов.

Ключевые слова: бег, средства, структура, тренировка.

Постоянно повышающийся уровень спортивных достижений в циклических видах спорта, таких как бег на средние дистанции, спортивная ходьба и т.д., предъявляет новые качественные требования к физической подготовке спортсменов, в которой развитие силы мышц, наряду с развитием выносливости, начинает играть всё большую роль. Это требует от тренеров и научных работников поиска более эффективных средств подготовки и совершенствования структуры тренировочных циклов [4].

Анализ и обработка анкет и дневников спортсменов в беге на средние дистанции, изучение литературных источников и педагогические наблюдения их тренировочного процесса позволили выделить два главных направления в использовании средств силовой подготовки в годичном макроцикле.

Одна группа тренеров, наряду с достаточно высокими объемами беговой нагрузки, круглогодично применяет дополнительные средства, направленные на развитие и совершенствование специальных силовых качеств.

Вторая группа специалистов считает, что лучшим средством развития качеств, необходимых бегуну, в том числе и силовых, является сам бег, где в качестве отягощения используется собственный вес спортсмена и рельеф местности, на которой проводятся тренировочные занятия [2].

Таким образом, единой системы в распределении средств силовой направленности в круглогодичном процессе тренировки пока нет, что отрицательно сказывается на эффективности планирования подготовки бегунов, и особенно женщин, а если говорить о недостаточном развитии физических качеств у женщин, то прежде всего надо иметь в виду силу мышц, так как по строению своей мускулатуры женщина – «работник на выносливость» [2].

Исходя из анализа литературы и данных передовой спортивной практики было выделено два основных варианта структуры подготовки спортсменов:

«А» - круглосуточное использование широкого круга средств силовой подготовки при сохранении необходимых объемов бега в разных режимах;

«Б» - концентрированное применение во второй половине подготовительного периода средств силовой подготовки динамического характера, сходных по структуре с бегом, при сохранении общих параметров других тренировочных нагрузок, как и в первом варианте.

Тренировочные занятия в обеих группах проводились по принятой в практике современной методике и имели одинаковые общие параметры тренировочных нагрузок в годичном цикле (количество тренировочных дней, занятий, общий объем бега, количество стартов и т.д.).

Основное отличие в подготовке обеих групп «А» и «Б» заключается в различном распределении средства силовой подготовленности и неоднородности используемых упражнений для развития силовых качеств спортсменов.

При распределении средств силовой направленности в годичном цикле у спортсменов в группе «А» учитывалась последовательность и преемственность в развитии скоростно-силовых качеств, обусловленная постепенно возрастающими требованиями к функциональным системам организма.

Исходя из современной периодизации спортивной тренировки в циклических видах спорта, подготовительный период состоял из втягивающего, двух базовых, зимнего соревновательного и предсоревновательного этапов и длился 29-30 недель. На втягивающем этапе (октябрь) основным тренировочным средством является длительный бег аэробного характера. Из дополнительных средств включались силовые упражнения статического режима общего и локального воздействия для укрепления мышц туловища, брюшного пресса, нижних конечностей [5].

Основная работа по повышению уровня силовой подготовленности спортсменов группы «А» начиналась на первом базовом этапе (ноябрь) и продолжалась до мая. Главная задача этих этапов – развитие необходимого уровня скоростно-силовых качеств и силовой выносливости решалась следующими средствами:

- прыжки с места одинарные, тройные, пятикратные, десятикратные;
- прыжковые упражнения в различных режимах, выполняемые серийно в объеме 0,8-1,2 км в занятии;
- динамические и статические упражнения со штангой (вес 20-30% от максимального) и набивными мячами – до 6-8 раз за тренировку;
- локальные упражнения для различных групп мышц с акцентом на мышцы-разгибатели нижних конечностей и т.д.

Основными методами развития силы на данном этапе являются круговой и повторный «до отказа». Результаты педагогических наблюдений позволили акцентировать место применения и направленность средств скоростно-силового характера.

Прыжковые упражнения и упражнения со штангой применялись между сериями основной тренировочной нагрузки и выполнялись в различных режимах энергообеспечения, тем самым способствуя смене физиологической и психологической установки.

На втором базовом и в начале предсоревновательного этапов после серии зимних стартов спортсмены обеих групп «А» и «Б» выполняли специальную акцентированную работу силовой направленности, используя метод «сопряженного» воздействия [3]. Основными средствами являлись упражнения динамического характера:

- бег в гору на отрезках различной длины, прыжки в гору и на равнине;
- бег по сильно пересеченной местности.

Выполняемая работа спортсменами в группе «А» составила 8,7% от общего объема тренировочной нагрузки, а в группе «Б» 14,1%, т.е. группа «Б» выполнила данную работу значительно большего объема.

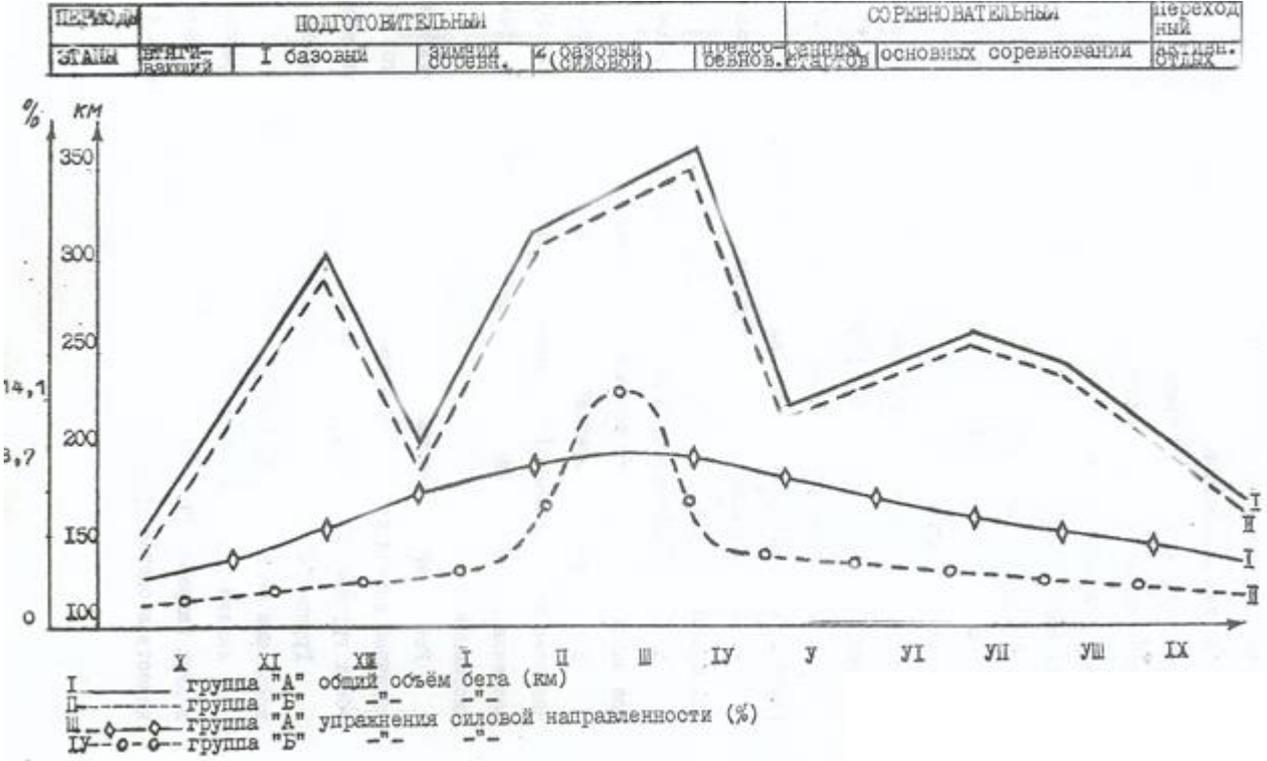
Так как в соревновательном периоде отмечается неизбежное падение силы всех мышц в среднем на 8-10% и особенно происходит заметное снижение уровня силовой выносливости, то спортсмены группы «А» продолжали применять дополнительные средства, решая этим задачу поддержания силы мышц путем применения прыжковых упражнений 3-4 раза в неделю объемом 1-1,5 км в занятии; метание ядра 1-2 раза в неделю; эпизодически включая бег в гору и индивидуально занятия со штангой.

Основными критериями эффективности распределения средств силовой подготовки спортсменов в годичном цикле тренировки являются:

1. Спортивные результаты, показанные спортсменами обеих групп в официальных соревнованиях.
2. Динамика показателей силы и силовой выносливости основных мышечных групп.
3. Показатели аэробной производительности, зафиксированные при выполнении бегового теста на тротуаре.

Результаты исследований показали, что за годичный период тренировки спортсменов наблюдался прирост спортивных результатов в обеих группах («А» и «Б»), однако происшедшие изменения были неравноценны.

Спортсмены группы «А» улучшили спортивные результаты по сравнению с исходными на 3,2%, а спортсмены группы «Б» только на 0,4% (рис. 1).

Рис. 1. Динамика тренировочной нагрузки спортсменок групп «А» и «Б» за экспериментальный период

Анализ динамики уровня силовой подготовленности спортсменов происходит в двух направлениях: определение динамики скоростно-силовых качеств и оценки уровня силовой выносливости. Данные табл. 1 показывают, что за экспериментальный период произошли существенные изменения силовых показателей в обеих группах. Однако сравнительная характеристика данных контрольных упражнений показала неравномерность темпов прироста в группах «А» и «Б». Наибольшие сдвиги выявились у спортсменов в группе «А» по следующим показателям, характеризующим уровень силовой выносливости: десятикратный прыжок ($P < 0,01$); скачки по 15 с ($P < 0,01$), динамическая силовая выносливость (Т) с ($P < 0,01$), значительно улучшился ряд других скоростно-силовых показателей и вырос уровень развития относительной силы ($P < 0,01$). В группе «Б» отмечается незначительный прирост контрольных результатов, например, в прыжке с места ($P < 0,05$), бег 50 м с «хода» ($P < 0,05$) и в разнице пробегания 250 м в гору и на равнине ($P < 0,05$), остальные показатели имеют недостаточный характер ($P > 0,05$).

Для успешного решения вопроса о распределении средств силовой направленности в годичном цикле нужно было установить степень влияния повышенных объемов силовых упражнений на отдельные показатели выносливости бегунов, уровень которых в большей степени определяется энергетическими возможностями человека и, в частности, его аэробной производительностью [1].

Таблица 1

Динамика контрольных тестов спортсменов в группах «А» и группы «Б» за годичный период

№	Контрольные тесты	Группа «А»				Группа «Б»				Достоверность между гр. «А» и «Б»		различий после экспер. I_{CT}
		до экспер.	после экспер.	прирост %	I_{CT}	до экспер.	после экспер.	прирост %	I_{CT}	до экспер. I_{CT}	после экспер. I_{CT}	
1.	Прыжок с места (м)	2,17	2,33	7,4	<0,01	2,12	2,22	4,7	<0,05	>0,05	<0,05	
2.	Тройной прыжок с места (м)	6,40	6,90	7,8	<0,01	6,40	6,60	3,1	>0,05	-	<0,05	
3.	Бег 50 м с «ходом» (с)	6,23	5,84	6,7	<0,05	6,50	6,05	5,8	<0,05	>0,05	>0,05	
4.	Десятикратный прыжок (м)	22,54	24,35	8,0	<0,01	22,57	23,25	3,0	>0,05	>0,05	<0,05	
5.	Скачки 15 (м)	61,9	71,43	15,4	<0,01	61,8	65,4	5,8	>0,05	-	<0,05	
6.	Разница времени пробегания 250 м в гору и на равнине (с)	6,57	5,77	13,9	<0,01	7,08	6,31	11,8	<0,05	-	<0,05	
7.	T (с)	295,0	404,9	37,2	<0,01	280,9	308,4	9,8	>0,05	>0,05	<0,05	
8.	F отн. (усл. едн.)	4,57	5,38	17,7	<0,01	4,47	4,79	7,2	>0,05	>0,05	<0,05	
9.	V_{O_2} на кг (мл мин/кг)	54,6	60,2	10,3	<0,05	54,0	57,2	5,9	>0,05	>0,05	<0,05	
	V_E л/мин	68,2	80,7	18,3	<0,05	74,0	84,5	10,1	>0,05	>0,05	<0,05	
10.	Время работы на третбане (с)	578,5	763,1	31,9	<0,05	567,0	652,9	15,1	>0,05	>0,05	<0,05	

T – показатели динамической силовой выносливости, с;

Fотн – относительная сила на кг;

 V_{O_2} на кг – показатели аэробной производительности на мл в мин/кг; V_E – показатели легочной вентиляции в л/мин; I_{CT} – достоверность по Стьюдену

В связи с тем, что значительные объемы тренировочных нагрузок, направленные на повышение силовой выносливости, выполняются в режиме преимущественно анаэробного обеспечения, необходимо было рассмотреть их влияние на уровень аэробных возможностей спортсменов.

В середине подготовительного и начале соревновательного периодов тренировки было проведено двухразовое тестирование спортсменов обеих групп на тротуаре с целью изучения динамики физиологических показателей под воздействием различных средств силовой направленности, применяющихся в тренировочном процессе.

Анализ данных, приведенных в табл. 1, указывает на общую тенденцию роста показателей потребления кислорода в обеих группах за экспериментальный период, но сравнение показателей выявило значительное преимущество в приросте аэробной производительности у спортсменов в группе «А» ($P < 0,05$). При этом бегуны этой группы выполнили работу более экономно, о чем говорят показатели легочной вентиляции V_E л/мин ($P < 0,05$).

Результаты исследований позволили сделать заключение, что построение тренировочных циклов с акцентированной силовой нагрузкой, характеризующийся анаэробным энергообеспечением – бег по пересеченной местности, бег в гору на отрезках и прыжковые упражнения в гору и на равнине, выполняемыми на фоне высоких объемов длительного непрерывного бега в аэробном режиме, способствуют дальнейшему повышению аэробной производительности.

Таким образом, равномерное распределение тренировочных средств силовой направленности в течение всего года обеспечивает спортсменам необходимый оптимальный уровень развития силы и силовой выносливости мышц для достижения высоких результатов в беге. Методическое значение круглогодичного распределения средств силовой направленности в годичном цикле бегунов на средние дистанции выражается в том, что, во-первых, в результате выполнения больших объемов бега происходит снижение показателей силы мышц опорно-двигательного аппарата, а это, в свою очередь, сказывается на длине шага и скорости бега при прохождении дистанции.

Во-вторых, упражнения, развивающие силу мышечных групп нижних конечностей, готовят опорно-двигательный аппарат спортсменов к выполнению общих объемов бега и к успешному участию в соревнованиях, а также предотвращают травматизм. Упражнения, направленные на развитие силовой выносливости, параллельно с укреплением опорно-двигательного аппарата развивают и совершенствуют вегетативные системы организма.

Силовая подготовка спортсменов проводится на фоне развития выносливости, в связи с этим необходима тонкая дифференцировка в распределении средств силовой направленности по периодам, этапам, недельным циклам, и непосредственно тренировочным занятиям.

Привлечение внимания к вопросам специальной силовой подготовки спортсменов позволит и в дальнейшем удерживать передовые позиции в этих видах спорта в Олимпийских играх.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков Н.И. Биохимические основы выносливости спортсменов // *Теория и практика физической культуры*. 1964. № 4.
2. Журбина А.Д. *Экспериментальное исследование особенностей силовой подготовки женщин, специализирующихся в беге на средние дистанции*. Автореф. дисс... канд. пед. наук. М., 1978.
3. Кузнецов В.В. *Силовая подготовка спортсменов высших разрядов*. М.: ФиС, 1970.
4. Озолин Э.С., Тупоногова О.В. *Актуальные проблемы подготовки спортсменов высокой квалификации в легкой атлетике*: научно-методическое пособие. М.: ООО «Скайпринт», 2012.
5. Павлова О.И. *Педагогическая технология управления содержанием и структурой многолетней подготовки юных спортсменов в беговых видах легкой атлетики*. Автореф. дисс... д-р пед. наук. М., 2005.

THE DISTRIBUTION OF TRAINING METHODS OF ATTAINING FORCE DURING A YEARLY CYCLE OF SPORTSMEN TRAINING

Jurbina A.D., Perminov M.P., Yakovlev I.V.

The article considers the matter of effectiveness of 2 types of distributing training methods in the system of sportsmen training. The main difference in training the two groups was annual or step-by-step distribution of means of strength and heterogeneity of used exercises for development of athletes' developments.

Keywords: running, means, training, structure.

REFERENCES

1. **Volkov N.I.** Biokhimicheskie osnovy vynoslivosti sportsmenov. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury*. 1964. № 4. (In Russian).
2. **Zhurbina A.D.** *Ekspierimental'noe issledovanie osobennostei silovoi podgotovki zhenshchin, spetsializiruyushchikhsya v bege na srednie distantsii*. Avtoref. diss... kand. ped. nauk. M. 1978. (In Russian).
3. **Kuznetsov V.V.** *Silovaya podgotovka sportsmenov vysshikh razryadov*. M.: FiS. 1970. (In Russian).
4. **Ozolin E.S., Tuponogova O.V.** *Aktual'nye problemy podgotovki sportsmenov vysokoi kvalifikatsii v legkoi atletike: nauchno-metodicheskoe posobie*. M.: ООО «Skaiprint». 2012. (In Russian).
5. **Pavlova O.I.** *Pedagogicheskaya tekhnologiya upravleniya sodержaniem i strukturoi mnogoletnei podgotovki yunyh sportsmenov v begovykh vidakh legkoi atletiki*. Avtoref. diss... d-r ped. nauk. M. 2005. (In Russian).

Сведения об авторах

Журбина Александра Даниловна, окончила ВГИФК (1971), ВНИИФК (1976), кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания МГТУ ГА, почетный работник высшего профессионального образования, автор более 50 научных работ, область научных интересов – теория и методика физической культуры и спорта.

Перминов Михаил Петрович, 1958 г.р., окончил ВГИФК (1979), старший преподаватель кафедры физического воспитания МГТУ ГА, автор более 10 научных работ, область научных интересов – физическая культура и спорт, методическое обеспечение учебного процесса по физической культуре.

Яковлев Игорь Владимирович, 1962 г.р., окончил ГЦОЛИФК (1983), старший преподаватель кафедры физического воспитания МГТУ ГА, автор 3 научных работ, область научных интересов – теория и методика физической культуры и спорта.

УДК 339.18

К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНЫХ ТАРИФАХ

А.Н. СЕМЕНИХИНА

В данной статье приводятся классификации международных авиаперевозок и тарифов. Математически сформулировано правило участия в договорённостях по международным авиатарифам.

Ключевые слова: авиационная перевозка, международный тариф, плата за перевозку.

1. Введение

Исходя из статистики, представленной ИКАО (Международная организация гражданской авиации), перевозки пассажиров и грузов между разными государствами занимают более 55% от общего числа всех подобных полётов.

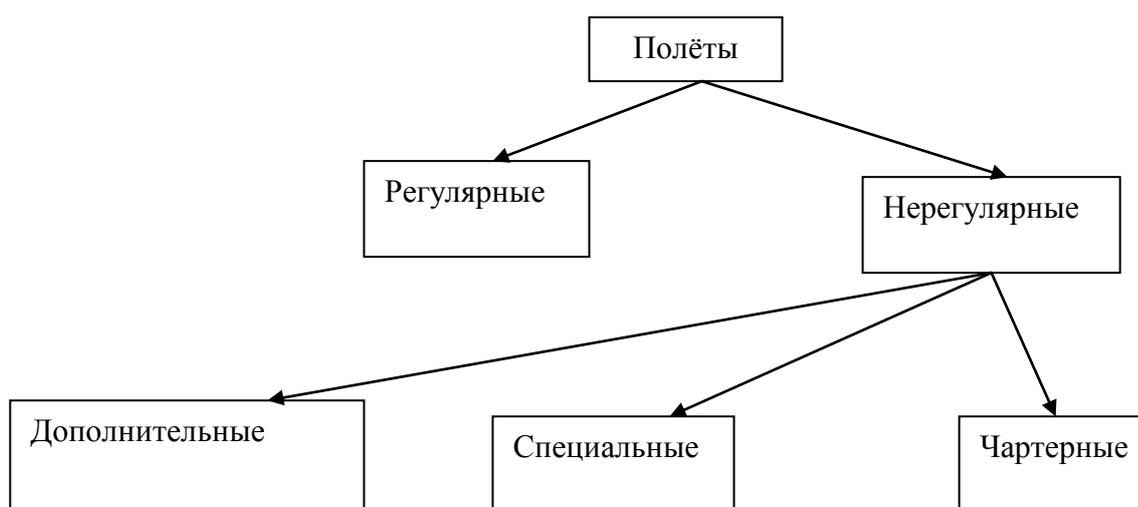
К международным полетам относятся полеты, при которых происходит пересечение границы одной или нескольких стран [3]. По аналогии с этим международной воздушной перевозкой следует считать такую, которая отвечает одному из двух условий [2]:

- 1) пункт вылета и пункт прилёта расположены на территории различных стран;
- 2) пункт вылета и пункт прилёта расположены на территории одной страны в случае запланированной посадки на территории другой страны.

2. Классификация международных воздушных перевозок

Классификацию международных авиационных перевозок можно провести по нескольким параметрам [1]:

- 1) в зависимости от взимания платы (коммерческая) и без взимания платы (некоммерческая);
- 2) по принципу выполнения полётов, приведённому на рис. 1.

Рис. 1. Классификация международных авиаперевозок по принципу выполнения полётов

К регулярным полётам следует отнести те, которые осуществляются только на основе договорённостей между странами.

К нерегулярным полётам следует отнести те, которые осуществляются в соответствии с особыми разрешениями.

Дополнительные полёты отличаются от регулярных особым расписанием.

Специальные полёты осуществляются с особой целью. Для выполнения подобных рейсов необходимо задействование дипломатического ресурса.

Чартерные полёты осуществляются по договорённости перевозчика и заказчика.

3. Установление международных тарифов

На рис. 2 приведена классификация международных тарифов.

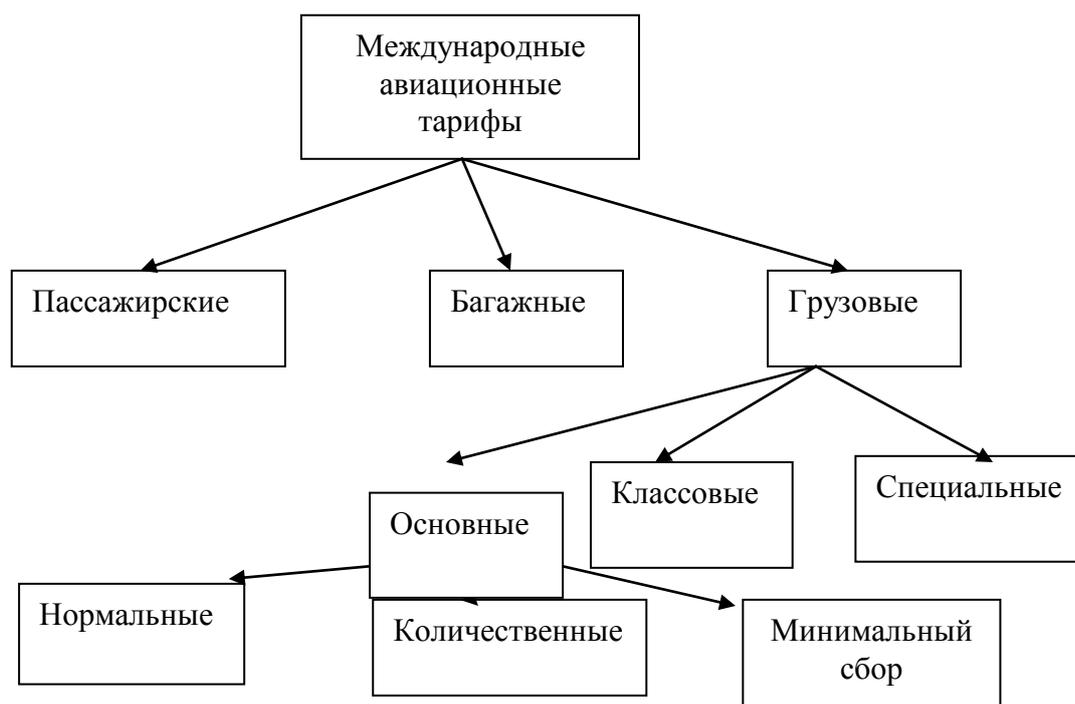

Рис. 2. Классификация международных тарифов

Система определения пассажирских тарифов имеет достаточно сложный характер.

Под багажным тарифом понимается условие провоза багажа без взимания специальной платы в зависимости от класса обслуживания [4]. Существуют особые багажные тарифы для специальных категорий (спортивное снаряжение, дипломатический багаж и др.).

Основные тарифы – это стандартные тарифы, установленные для оплаты за провоз единицы груза от пункта отправления до пункта назначения.

Нормальные тарифы являются главными для определения скидок или доплат при образовании классовых, количественных и специальных тарифов.

Количественные тарифы, главным образом, используются авиакомпаниями, имеющими воздушные суда большой вместимости. Они предусматривают скидку по дополнительным весовым категориям.

Минимальный сбор представляет собой минимальную оплату за отправку груза, взимаемую за одну отправку в том случае, если плата за перевозку по нормальному грузовому тарифу окажется ниже минимального сбора.

Классовые тарифы используются при перевозке грузов некоторых классов. Численно они вычисляются определенным соотношением к нормальному тарифу.

К специальным тарифам относятся льготные тарифы, имеющие скидку. Они используются при перевозке определенных категорий грузов от/до определенных пунктов только в одном направлении.

Следует отметить, что международные авиатарифы устанавливаются договорённостями между авиакомпаниями, использующими одни и те же маршруты. Это неминуемо приводит к противоречию. Таким образом, эти тарифы образуют сложную систему.

Приведём ещё несколько факторов, воздействующих в той или иной мере на систему международных авиатарифов: расстояние между местом вылета и местом посадки, спрос на перевозки, тарифные предложения других видов транспорта, различные интересы сторон, участвующих в авиатранспортном процессе.

Обозначим вероятность события, что i -й фактор приводит к необходимости участия в договорённостях по конкретному международному авиатарифу через $p_i, i = 1, \dots, 4$.

Так как эти факторы можно считать независимыми, то вероятность необходимости участия в договорённостях для авиакомпании может быть рассчитана по формуле

$$P = \prod_{i=1}^4 p_i .$$

Если величина P превышает некоторое допусковое значение α , то авиакомпании следует участвовать в договорённостях по конкретному авиатарифу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Носов С.Н., Плеханова В.В. НДС и международные грузовые авиаперевозки // *Налоговый вестник*. 2009. № 12.
2. Носов С.Н., Плеханова В.В. НДС и международные грузовые авиаперевозки: споры продолжаются // *Налоговый вестник*. 2010. № 2.
3. Быстров О.Ф., Бугай К.Н. Многокритериальные методы принятия решений в задачах транспортной логистики // *Научный Вестник МГТУ ГА*. 2014. № 202. С. 14-16.
4. Горяшко А.А., Елисеев Б.П. Обобщённая модель стационарного рынка грузовых авиаперевозок // *Научный Вестник МГТУ ГА*. 2014. № 202. С. 17-20.

ABOUT QUESTION FOR INTERNATIONAL TARIFFES

Semenikhina A.N.

In this paper the classifications of international airconveyance and tariffs are reduced. Rule of participation in agreements about international tariffs is formulated as mathematical.

Keywords: airconveyance, international tariff, pay for conveyance.

REFERENCES

1. Nosov S.N., Plekhanova V.V. NDS i mezhdunarodnye gruzovye aviaperevozki. *Nalogovyy vestnik*. 2009. № 12. (In Russian).
2. Nosov S.N., Plekhanova V.V. NDS i mezhdunarodnye gruzovye aviaperevozki: spory prodolzhaitsya. *Nalogovyy vestnik*. 2010. № 2. (In Russian).
3. Bystrov O.F., Bugay K.N. Mnogokriterialnye metody prinyatiya resheniy v zadachakh transportnoy logistiki. *Nauchnyy Vestnik MGTU GA*. 2014. № 202. Pp. 14-16. (In Russian).
4. Goryashko A.A., Eliseev B.P. Obobsshennaya model statsionarnogo rynka gruzovykh aviaperevozok. *Nauchnyy Vestnik MGTU GA*. 2014. № 202. Pp. 17-20. (In Russian).

Сведения об авторе

Семенихина Анна Николаевна, окончила МГТУ ГА (2010), соискатель МГТУ ГА, область научных интересов – организация перевозок.

УДК 316.334

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО И ВЫСШАЯ ШКОЛА В ПОИСКАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

М.В. АРТАМОНОВА, И.А. ЛАМБАЕВА

Рассматриваются вопросы разработки профессионально-ориентированных образовательных программ на основе требований к компетенциям выпускников высших образовательных заведений как способ повышения качества образования и адаптации модели высшего образования к современным условиям. Анализируется опыт взаимодействия учреждений высшего образования и профессиональных сообществ в процессе формирования профессиональных стандартов.

Ключевые слова: профессиональное сообщество, требования к компетенциям выпускников, образовательная программа, профессиональный стандарт.

В условиях нарастающих трансформаций всех сфер существования общества и человека, увеличения и многообразия каналов доступа к информации, высшая школа, утратив монополию на передачу знаний, все еще остается центральным социальным институтом, преодолевая опасности скатывания на периферию социальной реальности. Для этого высшее учебное заведение, с одной стороны, должно учитывать интересы системы, частью которой является, с другой, не должно ущемлять академических ценностей и свобод, без которых оно просто перестанет быть университетом.

Образовательная парадигма высшей школы меняется в сторону ориентации на студента как на потребителя образовательных услуг, который, в свою очередь, готов получить результаты образования (навыки, знания и компетенции), требуемые рынком и оплачиваемые работодателем. Обновление образовательных программ направлено на то, чтобы сформировать полный спектр компетенций в профессиональной области, но в то же время не потерять академизма, выровнять баланс между фундаментальной и профессионально-ориентированной подготовкой студентов.

Недавние исследования в российских университетах показали существующий разрыв между представлениями академического персонала о целях и результатах обучения в сфере высшего образования и требованиями профессионального сообщества к результатам обучения. Академические компетенции усваиваются в рамках существующих университетских программ, но практические навыки являются наиболее уязвимым местом высшего образования.

Какие ориентиры могут быть выбраны в профессиональных образовательных программах? Какие ориентиры могут быть признаны в качестве образовательных целей вузовских программ, что можно определить в качестве результатов образования, приближенных к практическим профессиональным требованиям и умениям, компетенциям производственно-прикладной деятельности. Основными партнерами высшей школы в процессе взаимодействия с внешней средой выступают профессиональные сообщества как сообщества людей, действующих на одном профессиональном поле и обладающих набором специализированных знаний и способов получения и передачи нового знания, присущего данной профессии [1].

Профессиональные требования со стороны внешней среды играют особенно важную роль в странах, где нет единых образовательных стандартов, например, в США, Канаде. Анализ классификаций профессий в национальных профессиональных структурах отдельных стран позволяет определить обобщенные требования со стороны работодателя.

Рассмотрим механизм взаимодействия университетов и внешней среды в лице государства и профессиональных сообществ на примере профессии «Социолог». Профессия «Социолог» существует в формальных государственных классификациях многих стран. В области

социологии нет операционных стандартов профессии. Стандарты формируются и регулируются профессиональными ассоциациями. Документы, определяющие профессиональную деятельность социологов, составляют этические кодексы и рекомендации к процессу проведения исследования. Так, например, в Великобритании требования к выполнению профессиональной практики, нормативно-этические рекомендации для социолога-исследователя, работающего в любых областях бизнеса и с заказчиками любого типа, изложены в Этическом кодексе Британской Социологической ассоциации (Statement of Ethical Practice for the British Sociological Association, 2002). В основе Этического кодекса Американской социологической ассоциации лежат 5 основных принципов, определяющих профессиональную ответственность и правила работ. Кодекс формулирует основные ценности и принципы, на которых строят свою профессиональную и научную деятельность социологи. В первую очередь эти принципы направлены на защиту прав респондентов и заключаются в следующем:

- 1) профессиональная компетентность;
- 2) честность;
- 3) профессиональная и научная ответственность;
- 4) уважение прав человека, достоинства и разнообразия;
- 5) социальная ответственность.

В России существуют федеральные государственные образовательные стандарты, которые формируют профессиональный профиль выпускника-специалиста, но нарастающий дисбаланс на рынке труда заставляет проводить многочисленные исследования в области профессиональных требований к выпускникам со стороны внешней среды. Опросы выпускников, руководителей компаний работодателей, руководителей практик студентов дают представления о том, какими личными качествами обладают выпускники и каких навыков им не хватает. Однако в опросниках и анкетах исследователи зачастую опираются на обобщенные формулировки, полученные в результате опросов респондентов. Например, можно утверждать, что каждый опрошенный руководитель компании подтвердит необходимость «хороших коммуникативных способностей» у выпускника-социолога (в различных формулировках) или «способности организовать и провести социологическое исследование». Но под хорошими коммуникативными способностями каждый руководитель подразумевает совершенно разный объем возможных трудовых действий и результатов (продукта) этих профессиональных коммуникаций в зависимости от специфики выполняемых исследований, должностных функций выпускника в компании, размера компании, личных требований респондента.

В 2014 г. НИУ ВШЭ совместно с Ассоциацией региональных социологических компаний РФ было проведено исследование по выявлению требований работодателей к выпускникам-бакалаврам социологии и определению их значимости для различных должностных позиций [2]. На основе опроса были сформулированы 20 компетенций в разрезе направлений (полевики-аналитики) и должностей (руководители-исполнители).

Сравнение всех профилей компетенций позволяет содержательно разделить компетенции на следующие группы:

1. Универсальные компетенции, необходимые на всех позициях (организовать себя, пользоваться ИКТ, работать в команде).

2. Компетенции, в большей степени ожидаемые от руководителей («продавать», вести деловые переговоры, деловую переписку, организовывать проектную работу, действовать в нестандартных ситуациях).

3. Компетенции, которые в большей степени ожидаются от аналитиков и руководителей аналитических отделов, чем от руководителей поля и ассистентов (проводить экспертизу, консалтинг, применять методы матанализа, разрабатывать рекомендации по результатам, презентовать результаты, составлять и оформлять отчеты, анализировать различные виды данных, осваивать новые знания, использовать экономические знания).

Наименее востребованными оказались компетенции общения на английском языке, использования правовых знаний.

Таким образом, можно констатировать, что для работодателей-руководителей региональных социологических компаний значимыми остаются личностные качества выпускников-бакалавров. Общекультурные универсальные компетенции первичны относительно специфических профессиональных компетенций. Требования к результатам образования начинаются с приобретенных, сформированных в процессе учебы этических норм профессии. Университет выступает как среда обитания, формирующая нормы социального (профессионального) взаимодействия. Включая в учебный план дополнительные профессиональные учебные курсы, университеты ориентируются на конкретные запросы профессионалов-работодателей, но внутренним стержнем университетского образования остаётся формирование личности, этики социальной жизни.

В результате исследования были выявлены требования профессиональных экспертов к выпускникам-социологам, которые затем были сформулированы в виде профессиональных этических рекомендаций:

1. Социологи проводят исследования, учат, консультируют только в пределах своей компетентности, основанной на образовании, собственном практическом опыте и коллег.

2. Социологи проводят исследования, учат, консультируют в новых областях, используют новые технологии только после того, как они приобретут достаточный уровень компетентности в этой области.

3. В случае недостаточности знаний в изучаемой области социологи предпринимают все возможные усилия по достижению требуемого уровня компетентности.

4. Социолог воздерживается от активности (отказывается от участия в профессиональной деятельности) в том случае, если его личные обстоятельства могут отразиться на его профессиональной деятельности.

5. Во всех ситуациях, когда социологи представляют профессиональное заключение или проводят экспертизу, они аккуратно и беспристрастно представляют свое заключение.

6. Социологи не заключают деловых контрактов с частными лицами или организациями, если выполнение условий контракта идет вразрез с положениями профессиональных требований.

7. Поскольку профессиональные и научные заключения и действия социологов влияют на жизнь других людей, они должны противостоять всем возможным организационным, финансовым, политическим воздействиям, искажающим экспертное заключение.

8. Если социолог сталкивается со злоупотреблением, искажением результатов его работы, он должен предпринять максимум усилий для исправления ситуации.

Следующим этапом взаимодействия образовательных учреждений с профессиональными ассоциациями является разработка профессионально-ориентированных образовательных программ.

Один из наиболее успешных опытов взаимодействий между профессиональными сообществами и вузами продемонстрировали представители инженерных специальностей. Можно обратиться к опыту Федерации европейских инженерных организаций [3; 4]. Требования, предъявляемые к профессиональным инженерам, заключаются в следующем:

1. Понимание сути инженерной профессии, необходимости служить обществу, сохранять окружающую среду.

2. Высокий уровень понимания основ инженерной деятельности (математики и других научных дисциплин).

3. Общие знания об инженерной деятельности и современном производстве (материаловедение, программное обеспечение и др.).

4. Способность применять теоретические и практические методы.

5. Умение использовать современные и перспективные технологии.

6. Знание экономики, обеспечение качества, статистики.
7. Умение работать в команде.
8. Лидерские качества.
9. Коммуникативные навыки.
10. Знание стандартов и регламентов.
11. Владение европейскими языками.

Требования к профессиональным и личностным компетенциям выпускников являются основой для проектирования образовательных программ подготовки инженеров. В 2005 г. были подготовлены Рамочные стандарты для аккредитации инженерных программ. В этой большой работе приняли участие профессиональные организации ряда европейских стран, консорциума европейских университетов – лидеров в области науки и технологии (CESAER), в том числе России (Ассоциация инженерного образования России) [5]. Стандарты включают в себя инженерные знания, анализ, инженерное проектирование, практику, личностные компетенции.

Профессиональные стандарты являются важным звеном в цепочке “вуз – профессиональное сообщество – работодатель”. В сфере гражданской авиации Минтранс в 2010 г. утвердил “Порядок функционирования непрерывной системы профессиональной подготовки”, в том числе вопросы стажировки, периодичности повышения квалификации руководящего и диспетчерского персонала, порядка допуска к работе, что ярко демонстрирует успешное взаимодействие высшей школы и профессионального сообщества [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ипатова Н.А.** Дискурсивная модель профессионального сообщества // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2009. № 3. С. 82-93.
2. **Рыбакова О.А.** Проблема профессиональных стандартов как перспективы взаимодействия социологов-исследователей и системы высшего социологического образования в РФ / *Продолжая Грушина: материалы 4 междунар. науч.-практич. конф.* М., 2014. [Электронный ресурс]. URL: http://old2.wciom.ru/fileadmin/nyka/grusha2015/3_2/sociolog_prof789.pdf.
3. *European Network for Accreditation of Engineering Education*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.enaee.eu>.
4. *Аккредитационный центр Ассоциации инженерного образования России*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ac-raee.ru>.
5. **Боев О.В., Коростелева Е.Н., Чучалин А.И.** *Проектирование магистерских программ на основе планирования компетенций специалистов* / под ред. А.И. Чучвина. Томск: ТПУ, 2001. 63 с.
6. *Комитет ГД по труду, социалитике и делам ветеранов рекомендовал принять во II чтении законопроект о применении профстандартов*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.komitet1.km.duma.gov.ru/site.xp/052057124051057048055.html>.

PROFESSIONAL COMMUNITIES AND HIGH SCHOOL: TO FIND INTERACTION

Artamonova M.V., Lambaeva I.A.

Discusses the issue of development of professionally-oriented educational programs on the basis of requirements for the competence of graduates of higher educational institutions as a way to improve the quality of education and higher education model adaptation to modern conditions. Analyzes the experience of interaction between higher education institutions and professional associations in the formation of professional standards.

Keywords: professional community, requirements for the competence of graduates, educational programs, professional standard.

REFERENCES

1. **Ipatova N.A.** Diskursivnaja model' professional'nogo soobshhestva. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2009. №3. Pp. 82-93. (In Russian).

2. **Rybakova O.A.** Problema professional'nykh standartov kak perspektivy vzaimodejstvija sociologov – преподаvatelej i sistemy vysshego sociologicheskogo obrazovanija v RF. *Prodolzhaja Grushina: materialy 4 mezhdunar. Nauch.-praktich. konferencii*. M. 2014. URL: http://old2.wciom.ru/fileadmin/nayka/grusha2015/3_2/sociolog_prof789.pdf. (In Russian).
3. *European Network for Accreditation of Engineering Education*. URL: <http://www.enaee.eu>.
4. *Akkreditacionnyj centr inzhenerного obrazovanija Rossii*. URL: <http://www.ac-raee.ru>. (In Russian).
5. **Boev O.V., Korosteleva E.N., Chichalin A.I.** *Proektirovanie masterskikh programm na osnove planirovanija kompetencii specialistov*. Pod red. A.I. Chuchalina. Tomsk: TPU. 2001. 63 p. (In Russian).
6. *Komitet GD po trudu, socpolitike i delam veteranov rekomendoval prinjat' vo vtorom chtenii zakonoproekt o primenenii profstandartov*. URL: <http://www.komitet1.km.duma.gov.ru/site.xp/052057124051057048055.html>. (In Russian).

Сведения об авторах

Артамонова Марина Васильевна, окончила МГУ им. М.В. Ломоносова (1984), кандидат социологических наук, аналитик Центра социологического образования НИУ ВШЭ, автор 25 научных работ, область научных интересов – социология образования, социология управления.

Ламбаева Ирина Александровна, окончила МВТУ им. Н.Э. Баумана (1986), Высшие социологические курсы при ССА (Институт молодежи) (1991), кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных и социально-политических наук МГТУ ГА, автор 22 научных работ, область научных интересов – социальная экология, экологическая этика, социология управления.

Chief Editorial Board

Editor-in-chief

Boris Eliseev, Rector, MSTU CA, Moscow, Russia.

Deputy Editor-in-chief

Vadim Vorobyev, Vice Rector, MSTU CA, Moscow, Russia.

Executive Secretary

Oksana Feoktistova, Professor, MSTU CA, Moscow, Russia.

Member of the chief editorial Board

Olga Garanina, Professor, MSTU CA, Moscow, Russia.

Anatoly Kozlov, Adviser to the Rector's office, MSTU CA, Moscow, Russia.

Vladimir Tchipenko, Head of Chair, MSTU CA, Moscow, Russia.

Vladimir Kalugin, Dean, Bauman University, Moscow, Russia.

Dmitry Lukin, Professor, Moscow Institute of Physics and Technology, Moscow, Russia.

Vacily Shapkin, Director General, State Research Institute of Civil Aviation, Moscow, Russia.

Lyu Zhongda, President (Rector), Ningbo University of Technology, Ningbo, China.

Damian Rivas Rivas, Professor, University of Seville, Seville, Spain.

ББК 05
Н 34
Св. план 2015 г.

Научный Вестник МГТУ ГА
№ 215

Свидетельство о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-47989 от 27 декабря 2011 г.

Редакторы И.В. Вилкова, Е.В. Гаранина
Компьютерная верстка Е.В. Гараниной

Подписано в печать 5.05.15 г.

Печать офсетная
20,0 усл. печ. л.

Формат 60x90/8
Заказ № 1971/

18,09 уч.-изд. л.
Тираж 100 экз.

Московский государственный технический университет ГА
125993 Москва, Кронштадтский бульвар, д. 20
Редакционно-издательский отдел
125493 Москва, ул. Пулковская, д. 6а

Подписной индекс в каталоге Роспечати 84254
© Московский государственный
технический университет ГА, 2015